

АННА ГАВРИЛОВА

НАШИ В ФЭНТЕЗИ

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК ДЛЯ НАСТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

В жизни всегда есть место чуду, хотя поверить в это непросто. Особенно, когда в свои двадцать лет осталась совершенно одна, без права на поддержку и прощение. Вот я и не верила. Не надеялась. Не ждала! А чудо всё-таки пришло.

Золотой ключик отпирает одну — единственную дверь. Нет, не ту что спряталась за нарисованным очагом в каморке папы Карло, другую. Что за дверь? Чужой мир, разумеется. Если набраться смелости и шагнуть за порог, то непременно узнаешь какой.

Я на этот шаг решилась...

Анна Гаврилова

Золотой ключик для Насти

Весна — самое злое, самое коварное время года. Ждёшь её, надеешься, а она приходит и обламывает. Вместо ясной, солнечной погоды — серое небо и колючая морось, вместо щебета птиц — противное карканье, вместо повышения зарплаты — кукиш с маслом.

Зато весеннее обострение неизбежно, и начинается точно по расписанию.

— Сейчас у дверей нашего ресторана остановится красный «Феррари», — мечтательно протянула Ленка. — Из него выйдет умопомрачительный парень в узких джинсах и белой рубашке. Он выберет столик у окна, попросит «греческий салат», чашечку «эспрессо» и мой телефончик.

Ленка даже обернулась к двери — небольшой стеклянной створке, зажатой между двумя огромными витринными окнами. За стеклом типичный пейзаж — пасмурный город, торопливые, нервные пешеходы, припаркованные впритирку машины. Красота неопишуемая, хочется зевнуть и застрелиться.

— Ага, — буркнула я.

Подруга встрепенулась, одарила недобрым взглядом.

— Настя, так нельзя! Пессимизм вреден для здоровья.

Я пожалала плечами и промолчала. Ленка и сама знает, что красные «Феррари» у наших дверей не останавливаются, а столик у окна займёт не мачо в узких джинсах, а измученный жизнью менеджер из соседнего бизнес — центра. Он попросит кружечку пива и рюмочку водочки. Всё.

Ленка будто мысли прочла: скривилась, погрозила пальцем.

— Наська! В последний раз предупреждаю — не лезь!

— Так я не лезу.

— У тебя на лице всё написано, — обиженно пробухтела Ленка. — Ты уже три месяца работаешь в нашей забегаловке, а до сих пор не поняла. Думаешь, мы ради чаевых тут торчим? Нет! Рано или поздно, в жизни каждой хорошенькой официантки появляется особенный клиент, ради которого стоило терпеть сотни приверед с пивным брюхом и тысячи заносчивых дурочек. Сперва, он возьмёт телефончик, потом пригласит на свидание, а дальше... дальше всё завертится, закружится!

— И закончится пышной свадьбой на Бали, в компании его друзей — миллиардеров.

Подруга даже ножкой топнула.

— Настя! Сама не веришь — другим не мешай!

— Молчу, — отозвалась я.

Да и толку спорить? Ленка — девушка упрямая, если что-то решила, нипочём не отступится. Даже от такой, мягко говоря, сомнительной мечты. Впрочем, для неё это вовсе не мечта, а план. Нелогичный, непредсказуемый, но всё-таки. И если однажды она и впрямь встретит такого клиента, не удивлюсь. Ленка умеет добиваться, а я...

Я давно привыкла к тому, что удача проходит мимо. Она улыбается только уверенным и красивым, как Ленка. Я слишком обычная, слишком серая. Низенькая, угловатая, с блеклыми волосами цвета каштана. Единственное, чем по — настоящему одарила природа — глаза. Большие, зеленовато — карие, с золотыми искорками. Но этого категорически мало, чтобы заслужить хотя бы толику настоящего счастья.

Вот и ресторанчик где работаю под стать мне. Унылое место, особенно днём.

Скучающий бармен протирает стаканы, за дальним столиком громко шепчутся два мужичка, неподалёку от них щуплый парень поглощает ланч. А мы с Ленкой торчим у барной стойки и ждём распоряжений...

Ближе к вечеру сюда начнёт стекаться офисный планктон, над столиками повиснет прочное марево табачного дыма и сальных шуточек. Мы будем метаться по залу, подносить, уносить и улыбаться. Не из вежливости, как обычно кажется клиентам, от безысходности.

— Смотри! — взвизгнула Ленка, ткнула пальцем в сторону окна.

Я замерла, рот приоткрылся сам. В дождливый пейзаж плавно въехал изящный ярко — красный автомобиль.

— Это «Феррари», — благоговейно выдохнула подруга. — Мамой клянусь!

Дверца машины распахнулась, а в следующий миг на пороге нашей забегаловки возник... точнее, возникла... шикарная длинноногая блондинка в белой шубке. Её улыбка ослепила, а я на мгновенье поверила в Ленкины фантазии — девушка была похожа на сказочную фею. Послышался приглушённый вздох бармена, у парочки посетителей чуть глаза не лопнули, а Ленка злобно прошипела в ухо:

— Ты всё испортила! Сглазила! Вот сама и обслуживай эту швабру!

— Конечно...

У меня вдруг сердце ёкнуло — а что если это и в самом деле фея? Как у Золушки? Что если сейчас она взглянет на меня, улыбнётся, и... Нет. Так не бывает.

Я подхватила «меню» и устремила к госте. То, что она выбрала столик у окна, ничуть не удивило. Блондинка одарила холодным взглядом, сказала строго:

— Салат «Цезарь» и «американо». Только быстро. Я спешу.

Тут же распахнула сумочку, извлекла тойтерьера. Собачонка жалобно твякнула, затряслась так, словно к ней оголённый провод подвели. Блондинка водрузила животное на стол, сказала, не меняя тона:

— Заткнись, тварь.

Я опешила. Очарование как ветром сдуло, вместе с фантазиями о феях и прочей ерунде. Клиентка — обычная девица с большими деньжищами, неизвестно как нажитыми. Может у неё папочка богатый, или «папик», или бизнес какой-нибудь, не слишком пыльный, но денежный. Хотя последнее — вряд ли, такие как она работать не любят.

— Вы ещё здесь? — удивилась блондинка, изогнула тонкую, идеально выведенную бровь.

После такого взгляда нужно хватать ноги в руки и вприпрыжку бежать за заказом, но я всё-таки выдавила:

— Извините. Не могли бы вы убрать собачку со стола?

— Не могла бы, — ответила блондинка, злобно сощурилась.

От такой наглости я растерялась окончательно, голос задрожал:

— Но... так нельзя. Не принято...

— Молчи, дура! — возопила гостя. — Без тебя знаю что можно, а что — нет! Неси мой кофе! Бегом!

Я аж присела от испуга. Тойтерьер тоже. Собачка выпучила крохотные глазки, а через мгновенье по столу поползла лужа, в нос ударил неприятный запах. Удивиться я не успела.

— Администратора сюда! — взвизгнула блондинка, вскакивая из-за стола. Стул, на котором сидела, с грохотом обрушился на пол. Глаза несчастной животинки стали ещё больше. Только не это...

Наш администратор, Артём, уже мчался. Скакал на зов, как встревоженный олень.

— Что случилось?

Наманикюренный палец ткнул в меня, голосок прозвучал громче пожарной сирены:

— Эта дрянь испугала мою собаку! Видите?! Она даже описалась со страху!

Собачка сжалась, я тоже. Уверенности в том, что подо мной не растекается такая же лужа, у меня не было. Но Артём вернул к реальности быстро и чётко:

— Настя! Объяснись!

— Я только...

— Да что тут объяснять?! — взвыла клиентка.

— Действительно, — строго отозвался Артём. — Настя, уйди.

Я подчинилась. Безропотной серой мышью прошмыгнула к барной стойке и спряталась за Ленку. Взгляд уткнула в стену.

— Ну нифига себе... — выдохнула подруга. А у меня в глазах защипало. — Не волнуйся.

Тут и ёжику понятно, что ты не виновата. Артём разберётся.

И он действительно... разобрался.

Блондинка подхватила дрожащую пёську и, гордо задрав подбородок, вышла вон. Роскошный автомобиль мигнул фарами, лихо сорвался с места.

— Чтоб тебе гаишник за поворотом встретился! — прошипела Ленка. — Гадина крашенная, уродка, ду...

Жаркие проклятья оборвал подскочивший Артём. Лицо администратора пылало нездоровым румянцем, на щеках вздулись уродливые желваки, в глазах адское пламя. Но голос гнева не выдал, прозвучал строго и холодно:

— Настя. Ты отдаёшь себе отчёт? По твоей вине мы потеряли хорошего клиента.

Я потупилась. Не наигранно, по — настоящему. Пристыженный язык прилип к нёбу, колени задрожали. Ну что ответить Артёму? Он прав. Наша задача — удовлетворить клиента, каким бы он ни был. А я... не удовлетворила. И обидела вдобавок.

— Убери тот стол. Немедленно! — приказал Артём. И, грозно сверкнув глазами, скрылся за служебной дверью.

— Что это было? — потрясённо выдохнула Ленка.

— Какая разница? — тихо ответила я. — Всё равно ж накосячила.

Никогда не думала, что уборка может вызывать такое отвращение.

Злополучная собачья лужа растеклась по столешнице, с одно края уже капало. Брызги разлетались по полу, в воздухе висел запах, способный убить даже зверский аппетит. Я осторожно вытерла «произведение» несчастной животинки, тряпку выбросила. Тщательно вымыла стол, протёрла дезинфицирующим средством. А когда поднимала опрокинутый стул, обнаружила на полу связку ключей с брелоком в виде фигурки тойтерьера.

Машинально сунула находку в карман — нужно отдать ключи Артёму, всегда так делаем, если клиенты что-то теряют. А едва закончила, рядом возникла Ленка. Голос прозвучал печальней похоронной музыки:

— Настя... Артём просил передать, что ты уволена.

— Как это? — ошарашено выдохнула я. И только теперь заметила, в руках Ленки свою куртку и сумочку. — А как же... расчёт?

Ленка не ответила, только головой покачала.

Всё ясно. Артём решил прикарманить мои деньги. Конечно, я же без «трудовой» работала, сама не захотела оформляться, чтобы не портить биографию этим эпизодом.

Теперь требовать справедливости бесполезно.

Вариант только один — упасть в ноги и разрыдаться. Потом вытерпеть получасовую лекцию на тему «как обслужить клиента» и... Чёрт, кому я вру? Я слишком хорошо изучила этого гада, ему плевать на чужие трудности! У меня нет шансов. Никаких.

— Пусть подавится, — прошептала я.

Ленка поняла, горестно поджала губы.

— Настюш, всё образуется. Ты не расстраивайся.

— Конечно.

Одним движением накинула куртку, выхватила сумочку из пальцев подруги и метнулась на улицу. В лицо дохнуло свежестью, хрупкие иголки весенней мороси упали на щёки.

— Ну и пусть! Чтоб тебе эти деньги поперёк горла встали! А мне плевать! И на тебя, и на вашу грязную забегаловку!

Только слёзы на глаза навернулись, горькие и злые.

Когда спустилась в Метро, стало совсем тоскливо.

Ну что я за человек? Совсем не умею за себя постоять. Если бы на моём месте оказалась Ленка, она бы и блондинку за пояс заткнула, и Артёма по стеночке размазала. А я... за всю жизнь только один раз взбрыкнуть посмела. И то... до сих пор жалею.

Как назло, деловитый голос диктора объявил мою станцию. Я нехотя вышла из вагона и поплелась домой.

Мой дом почти в центре Москвы, но глядя на фасад поверить в это сложно. Крошечное трёхэтажное здание построено в допотопные времена, с таким явлением как «капитальный ремонт» даже не сталкивалось. Штукатурка и краска давно облупились, в стенах зияет несколько довольно широких трещин, крыша того и гляди скатится вниз. Зато окна большинства квартир гордятся новыми стеклопакетами и красивыми занавесками.

Наш двор — тоже убогое зрелище: небольшая площадка, несколько поваленных деревьев, вечно переполненные мусорные баки и кружащие над ними вороны. Иногда приходят стаи бродячих собак, устраивают разборки с воронами и друг другом. Летом, когда махины окрестных высоток скрыты листвой, кажется, будто очутился в деревне. Но до лета ещё далеко.

Я живу в двухкомнатных «хоромах» на первом этаже. Одна. Квартира досталась от прабабушки, но вместо отличного подарка любимой внучке стала яблоком раздора. Родители настаивали, чтобы я отказалась от наследства в пользу старшей сестры, и это был единственный случай, когда решила настоять на своём. Глупая. Зачем нужна квартира, если родители и сестра знать меня больше не хотят?

Переехала, и мгновенно лишилась родительской помощи, пришлось искать работу. И почти так же быстро вылетела из института — работать и учиться на дневном невозможно. Надеялась за этот год скопить денег и восстановиться, хотя бы на вечернем, но и здесь ничего не получается. Неудачница.

Я вошла в подъезд, преодолела три лестничные ступеньки. Ключ в замке повернулся неохотно, пришлось как следует надавить. С чего бы это? Раньше никогда не заедал. Открыла дверь и замерла в ужасе.

— Что это?!

Одна, просторная комната с единственным малюсеньким окном, сквозь которое сочится тусклый свет. Стены из серых потрескавшихся досок. Слева железная кровать, справа покосившийся шкаф для посуды. Аккурат посередине комнаты сидит здоровенная

крыса и деловито чистит шубку.

Зверюга почуяла новый запах, лениво повела носом и зыркнула на меня. Злобный крысиный взгляд вывел из ступора — я с визгом отскочила и захлопнула дверь. Сердце подпрыгнуло к горлу, ноги начали подкашиваться.

— Этого не может быть!

Мрачные стены старого дома подхватили крик, эхом разнесли по подъезду.

Я развернулась и внимательно посмотрела на дверь. Тёмно — синий дермантин советского производства, золочёная цифра «два» над глазком, затёртая ручка с остатками штампованного узора. В общем, дверь моя. Совершенно точно.

И подъезд тоже мой, родимый: стены, покрытые масляной краской ядрёного цвета, сверху пожелтевшая, местами вздутая штукатурка. По левую руку металлическая громадина — дверь Марии Петровны. Справа — серая, такая же неприметная, как и моя. За ней обитает тихий алкоголик, имени которого не знаю. И знать, если честно, не хочу.

Остаётся только один вопрос — куда подевалась моя квартира?

Я поднесла к глазам связку ключей и ахнула. Маленький тойтерьер радостно улыбался нарисованным ртом. Показалось, ещё немного, и эта скотинка твякнет.

Осторожно, чтобы не спровоцировать крысу, приоткрыла дверь. Картина не изменилась — старая хибара, освещённая тусклым светом, который пробивается в единственное окно. Такой дом даже врагу не пожелаешь. Снова повернула ключ, заперла замок на привычные два оборота. Теперь попробуем открыть старым ключом...

Сработало! Любимые обои в цветочек! Косая полка для обуви с моими туфельками! Яркая лампочка под потолком! Счастье!

Захлопнув дверь, я рухнула на пол прихожей. Помнится, какой-то певец был готов целовать песок? А я воспылала внезапной страстью к старому, затёртому паркету. Впрочем, до этого не дошло. Чужая связка ожгла ладонь. Или это нервы шалят? Немудрено, день сегодня не из простых.

С великим трудом встала на ноги и попробовала проделать фокус с дверью снова, но уже изнутри. Получилось. Вместо лестничной клетки взгляду предстала заброшенная лачуга. В нос ударил тяжелый запах старины, ещё уловила странный, мерный гул. И хотя под ложечкой засосало, и душа начала сползать к пяткам, я решилась исследовать эту аномалию. В конце концов, хуже уже не будет.

Вооружившись фонариком и газовым баллончиком, шагнула внутрь.

Половицы пронзительно закрипели, рядом с кроватью что-то шевельнулось, послышался приглушенный звук удара. Я вздрогнула, но не отступила. Подсвечивая фонариком, прошлась по комнате — просторно и пустынно, слева от окна ещё одна дверь, видимо, наружу. Больше ничего. Самая аскетичная планировка из всех возможных.

Заглянула в шкаф. Там обнаружили глиняные горшки, пара чугунных сковородок и жестяная банка с надписью «соль». На кровати, кроме матраса, лежала стопка постельного белья. Ткань выглядела чистой, но от неё шел отчётливый запах плесени. Видимо, этой лежанкой пару десятилетий никто не пользовался.

В маленькое окно по — прежнему пробивался тусклый дневной свет, стекло было настолько пыльным, что мир за окном казался по — московски серым. Я невольно поёжилась, но всё-таки подошла ко второй двери. Она оказалась заперта на засов, пришлось повозиться — железная задвижка покрылась ржавчиной, приросла к дугам. Ну а когда я победила древний механизм... Запах старины сменился свежим, пьянящим воздухом, глазам

стало больно от яркого солнечного света. Сразу за порогом расстилалась бескрайняя лазурь — море.

— Вау!

Зачарованная, я сделала шаг вперёд и тут же оступилась, чуть не пропахала носом старенькое крыльцо.

Осторожно, как перепуганная кошка, спустилась по скрипучим ступеням. Всё ещё не веря глазам, сделала несколько шагов по мягкой, изумрудной траве и опять остолбенела.

Море. Настоящее море! Светлое, чистое, с белыми барашками волн, с чайками, которые кидаются вниз и взлетают, тяжело взмахивая крыльями.

И только когда способность мыслить вернулась, смогла разглядеть, что море не так уж близко, до него метров двести. А берег, на котором стою, очень высокий и узкий, как язык ящерицы. Почти на самом его кончике замерла покосившаяся деревянная избушка, из которой я вышла. Вдалеке, за домом, вместо гладкой лазури высокая стена леса. Нет, это не пятачок, а полноценный остров, как минимум.

Лёгкий порыв ветра ударил в лицо, растрепал и без того взъерошенные волосы.

— Я на краю мира? — сказала вслух, но за шумом волн собственного голоса не расслышала. — Ну ничего ж себе...

И вдруг почувствовала себя такой маленькой, такой ничтожной. Вокруг буйство стихий, необъятное небо, бескрайнее море, и... я — крошечный человек на высоком берегу.

Как в полусне, обернулась к домику. Дощатые стены покрыты струпьями масляной краски, единственное окно кажется унылым подслеповатым глазиком, крыльцо — вот — вот развалится, зато соломенная крыша выглядит крепко, внушительно. Если бы не крыша, домик был бы неотличим от простенькой дачи, выстроенной во времена дефицита. Даже не дачи, а будки сторожа.

Слева от избушки два унылых, старых дерева. На покрытых сизым лишайником ветках крохотные листочки. Далёкий лес выглядит зловеще. Там берег заметно расширяется, взбирается ещё выше.

— Что это? — вслух спросила я. — Параллельный мир? Или другая планета?

Медленно, чтоб не спугнуть наваждение, вытащила из кармана мобильный телефон. На экране вместо названия оператора, обнаружилась надпись «только SOS». Впрочем, другого и не ждала.

— Плевать. До двери всего ничего. Захочу позвонить — просто...

Меня вдруг бросило в жар — дверь! Ураганом метнулась в домик, сердце подпрыгнуло к горлу и занялось бешеным боем. К счастью, дверь оказалась на месте, в проёме виднелась моя прихожая с обоями в цветочек и одинокой лампочкой под потолком.

— Нет, нельзя быть такой трусихой!

Несколько минут я стояла в проёме и убеждала себя, что дверь никуда не денется. Не захлопнется. Не исчезнет.

Снова скользнула в квартиру, заварила кофе и подхватила с кухни табурет. Заодно сравнила погоду: у нас листочки на деревьях только проклюнулись, в приоткрытую форточку дует холодом, с неба сыпется бесконечная, злая морось. А там, у моря, гораздо теплее, на деревьях не зелёное недоразумение, а полноценные листья.

Ключи из замка я всё-таки вытащила. Как говорится, береженого — бог бережет.

С кружкой кофе и табуретом наперевес, выбралась на прекрасный зелёный газон. От морского воздуха закружилась голова, и слёзы на глаза навернулись. Повезло. Впервые в

жизни — повезло!

Вот только...

Связка выглядела как самый заурядный комплект ключей: два плоских, один длинный, с массивной крестовиной на конце. Для полной «универсальности» только «таблетки» от домофона не хватало.

Я старательно осмотрела каждый ключ, брелок и даже кольцо, держащее связку. До последнего надеялась обнаружить хоть какой-нибудь след — магический знак, или кристалл, или ещё какую-нибудь фенечку. Но нет. Ничего.

— И в чём секрет? — вопрос был обращён к «тойтерьеру». Собачка промолчала, но я не смутилась. — Может тут как в сказке? «Золотой ключик» отпирает единственную дверь, которая расположена в камерке за нарисованным холстом? А для всех остальных замков остаётся простым ключом, без всякого волшебства?

Я хлебнула горячего кофе, вдохновлённый мозг тут же выдал ещё одну версию:

— Или ключи так долго впускали свою хозяйку в фешенебельные апартаменты на Рублёвке, что, оказавшись за чертой бедности, по привычке открыли двери в рай?

В том, что блондинка живёт на Рублёвке я, почему-то, не сомневалась. Девушки вроде неё обитают именно там, разве нет?

И хотя мой рай оказался довольно обшарпанным, настроение неукоснительно росло. От желания поцеловать заветный ключик, меня оторвали новые, совсем недобрые мысли. По коже пошел морозец, сердце кольнул страх.

Что если блондинка знает о волшебных свойствах ключа?

Нет. Невозможно. В этой лачуге скандалистка точно не бывала, иначе бы оставила свой след на пыльном полу. Да и могла ли дамочка вроде неё заинтересоваться безлюдной глухоманью? Могла ли переступить порог мрачного бедняцкого дома? Нет. Для таких как она, это всё равно, что поцеловаться с бомжом.

Для блондинки это самые обычные ключи, по — другому и быть не может. Значит, искать их она не станет. Разумные люди в таких случаях, просто меняют замки. Проще, дешевле, надёжнее. А если и будет: в той забегаловке больше не работаю, о том, что связку нашла — никто не знает. Если позвонят и спросят, скажу: не видела. И всё.

Тем более, когда устраивалась на работу, оформляться по всем правилам не стала. Думала: заработаю денег, вернусь в институт, доучусь и пойду работать по специальности, юристом. При таком раскладе, запись в «трудовой» сработает против меня. Администратор — Артём на эту аферу согласился и кроме номера мобильного телефона ничего не спросил. Теперь мой адрес — тайна покрытая мраком.

Конечно, при сильном желании отыскать можно кого угодно, но связка ключей — повод недостаточный. И вообще, мало ли где она их обронила! Я тут совершенно ни при чём!

Весь вечер я строила планы по обустройству нового жилища, но толковых идей не было. Вернее, идеи были, но с моим финансовым кризисом не совмещались ну никак!

В десятый раз пересчитав сбережения, пришла к выводу, что ограничусь косметическим ремонтом, зато потом устрою себе пару месяцев скромного безделья. Потому что когда под боком настоящее море и тёплое солнце, думать о работе — преступление.

...Подскочила в шесть утра от дикого воя полицейской сирены. Страх пробрал до костей, сердце заколотилось бешеным мотором. Я осторожно выскользнула из кровати, на цыпочках подошла к окну. Сирена сразу же смолкла, послышалась ругань и звуки ударов.

В тусклом свете уличного фонаря сцена выглядела жутко: у полицейской машины, лицом в асфальт, лежали три крепких парня. Их уже не били, но слов служители закона не жалели. Через минуту подъехала ещё одна машина с мигалкой, парней погрузили на заднее сиденье и увезли. Всё стихло, мираж развеялся, но спать уже не хотелось.

Не включая свет, я поставила чайник, соорудила два бутерброда с сыром. Это хорошо, что меня разбудили — чем раньше начну уборку в лачуге, тем больше успею.

На незнакомом побережье уже забрезжил рассвет. Вдалеке, спокойная гладь моря окрашена красным, из волн поднимается круг солнца. Холодный воздух бодрит, но день обещает быть жарким.

Я нарядилась в старые джинсы и футболку, вооружилась веником, ведром тёплой воды и тряпкой. Первым делом вымыла крошечное окно, в лачуге сразу стало светлее. Входную дверь распахнула, подпёрла найденным тут же кирпичом, и запах старины сменился морской свежестью. А вот потом начались трудности.

Во — первых крыса. Она не высовывалась, но мне отчего-то казалось, будто эта длиннохвостая тварь пристально следит за каждым моим шагом. А во — вторых... сам домик. Он поскрипывал, ворчал, как потревоженный пенсионер. И хотя в призраков и живые лачуги не верю, холодок по спине всё-таки пробежал.

Я ещё раз осмотрела двери. Та, что вела к морю, напоминала вход в деревенский туалет — плохо оструганные доски сбиты вместе, поперёк — крепящие перекладины. С внутренней стороны железный засов — задвижка, снаружи никаких замков нет. А та, в проёме которой виднелась моя квартира, немного изящнее. Доски отшлифованы, на них заметны признаки морилки, однако конструкция, по сути, такая же. Только ручка расположена слева, под ней маленькое отверстие, из которого торчит личинка замка.

Я выволокла на улицу матрас, который оказался тяжелее гранитной плиты, заодно вспотела, как беговая лошадь. Плесневелые тряпки из лачуги загрузила в стиральную машинку. По — хорошему их стоило выбросить, но рука не поднялась.

А после погрузилась в крошечный ад: столько грязи я в жизни не видела! В горле сразу запершило, в носу защипало, глаза засыпало песком. Воду в ведре пришлось менять раз сто, но она всё равно в мгновение становилась чёрной. На мытьё посуды извела целый пузырьёк моющего средства, в конце концов разбила один глиняный горшок и плюнула на это дело — есть из неё всё равно не собираюсь.

Когда, назло всем врагам, пол был отмыт, лачуга преобразилась. А после того, как сняла со стен паутину, протёрла растрескавшиеся доски, унылое строение стало напоминать настоящий дом. Завтра куплю краску и устрою полное преображение. Ещё нужно раздобыть

тыпку и лопату — цветник рядом с таким домом просто необходим.

Когда солнце выкатилось на середину неба, в животе начался голодный бунт. Окинув лачугу внимательным взглядом, я удовлетворённо кивнула и отправилась обедать.

После отыскала в шкафу пляжную сумку и купальник, достала новое, огромное полотенце. И хотя разум подсказывал, что, несмотря на хорошую погоду, купаться ещё рановато, отправилась искать спуск к морю. Он обнаружился близко, всего в десятке метров.

Угрюмая, давно заброшенная лестница с земляными ступенями, упиралась в тонкую полосу песчаного пляжа. Над пляжем нависал берег, что немного портило ощущение грядущего праздника — страшновато, вдруг обвалится?

Чтобы спуститься, а не скатиться, пришлось проявить чудеса осторожности. Земляные ступени оказались довольно скользкими, временами приходилось хвататься за корешки и камни, торчащие из берега. К тому времени, как оказалась внизу, руки были чернее чёрного.

Местная погода, в отличие от московской, баловала но вода даже с виду была холодной. Меня это, конечно, не остановило.

Я торопливо стянула одежду, втиснулась в купальник и подошла к краю. Набежавшая волна лизнула ступни, кожа мгновенно покрылась мурашками. Зашла в воду по щиколотку, задрожала, и с победоносным криком «Вау!» помчалась навстречу кайфу. О том, что это непойми какое море и в нём водится непойми какая живность, даже не подумала. Вернее подумала, но эта мысль посетила метрах в тридцати от суши.

К счастью, обошлось.

На берег выбралась дрожащим, посиневшим огурцом. Кажется, от холода даже спинной мозг скукожился. Тут же, по закону подлости, налетел недобрый ветер.

Я не стала переодеваться, просто закуталась в полотенце, побросала оставшиеся вещи в сумку и помчалась навверх, в тепло московской квартиры. Подниматься по земляной лестнице оказалось гораздо легче, хотя ступени по — прежнему скользили и норовили сбросить вниз.

И едва ступила на твёрдую землю, навстречу шагнул здоровущий мужик.

— Ой, — вскрикнула я и попятилась.

Нога провалилась, я потеряла равновесие и полетела вниз. К счастью, меня поймали. За ногу. Но осознала это не сразу, потому что первая ступенька лестницы врезалась в затылок, выбила из глаз искры. Последнее, что запомнила — как улетело несчастное полотенце.

Когда зрение вернулось, увидела жуткую перекошенную рожу. Она была так близко, что я даже маленький прыщик на носу разглядела. Хотела закричать, но горло сдавило судорогой, по телу пошел озноб, кровь тяжелой волной ударила в голову.

— Очнулась? — пробасил незнакомец, и этот голос мне ой как не понравился...

— Да, — зачем-то проблеяла я, даже не пытаясь шевельнуться.

И тут до меня дошло — это конец. На пустынном берегу только двое — я и он. Причём я в купальнике, а он... Ой — ой — ой!

Подскочила, как ужаленная. Не знаю, откуда взялись силы, но мужика я толкнула так, что он отлетел на добрых три метра. Ноги сами понесли вперёд, к лачуге. Кровь застучала в висках, в боку закололо. Мама дорогая, что же я наделала?!

— Стой! — бухнуло за спиной. — Стой, кому говорю!

Ага, шас! Я припустила ещё быстрее, в один шаг преодолела скрипучие ступени и захлопнула дверь хижины. Засов категорически отказывался входить в ржавый паз, я, что было сил, тянула дверь, но железяка всё равно не слушалась. Наконец, она взвизгнула и

переломилась. Всё.

Я оглянулась на дверь квартиры, ужасная догадка ударила как молния, едва не свалила с ног. Ключи остались в пляжной сумке, а без них запереться в квартире не смогу.

Всё, допрыгалась. Отпустив ручку двери, задрожала осиновым листом и приготовилась к худшему.

Минуту, две, три... ничего не происходило. Я продолжала дрожать в полном одиночестве, дико косясь на дверь.

Можно попробовать вернуться в квартиру, высунуться в окно и позвать на помощь, вот только сумеет ли полиция прорваться и защитить? Ведь на окнах — решетки, а с дверью вообще не понятно что. Да и как объяснить им, откуда этот насильник взялся?

— Эй! — прогремело снаружи. — Э — эй!

Крик вывел из оцепенения. Я осторожно пробралась в квартиру, схватила джинсы и газовый баллончик. Так же бесшумно вернулась к двери.

Если он ворвётся, мой единственный шанс на спасение — выбежать из лачуги и удрать в лес. Пересидеть там, пока этот монстр не уйдёт, а потом думать, как запереть дверь. Нет, мне такие приключения не нужны. И море тоже не нужно!

— Эй!

Да что же он так орёт? Или всерьёз считает, что сама выйду? Ага, только рак на горе свистнет, и я тут как тут.

— Эй! Выходи! — голос мужика прозвучал не грозно, а как-то жалобно. Или мне померещилось со страху? — Выходи. Дело есть.

Я молчала. Тихонько натягивала джинсы. Если мой обидчик ещё пару минут подождёт, успею нацепить кроссовки и кофту. Тогда у меня будут все шансы добежать до леса. Я ведь маленькая и лёгкая, значит, по определению, бегаю быстрее этого громила.

— Я вещи твои принёс, — прогрехотал обидчик. В этот раз я совершенно чётко расслышала в его голосе грусть, причём такую, что сердце дрогнуло.

Прошмыгнув к окну, увидела неоднозначную картину. Громила стоял в паре метров от моей хижины, сумку держал на вытянутой руке, брезгливо морщился и отворачивался. Что это с ним? Кстати, а ведь не мужик, парень. Причём довольно молодой.

После недолгого раздумья, я прокричала:

— Положи сумку на порог, а сам отойди подальше!

Он почему-то отшатнулся, заколебался. Будто испугался моего предложения.

— Давай я это тут положу, а сам отойду ещё дальше?

Теперь настала моя очередь пугаться, но я всё-таки согласилась.

Детина действительно опустил сумку на землю, действительно отошел. Когда я открыла дверь, парень аж подпрыгнул. Но с места не сдвинулся.

С показной смелостью, я подошла к сумке, а вот обратно бежала как последний трус, у меня даже коленки тряслись. На ходу отыскала связку с брелком, запоздало порадовалась, что моё добро не улетело в море, как полотенце.

— погоди! — прокричал детина, когда я уже захлопнула дверь лачуги. — Разговор есть!

Вновь обретенные ключи придавали смелости, к тому же парень не приближался, а благоразумно стоял в добром десятке метров, поэтому я снизошла. Встала на пороге, подпустила в голос храбрости и спросила:

— Ты кто?

Парень выглядел необычно. Большой, морда широкая, красная, плечи — не в каждую

дверь пройдут, ручища как брёвна, ноги не лучше. На голове короткий ёжик светлых волос, на щеках щетина той же длины, будто стриг всё разом, причём под одну и ту же «машинку». И одет странно.

— Я из деревни, — пробасил он, махнул рукой в сторону леса и пояснил, как для тупой: — Деревенский я. Косарем звать. А тебя как звать?

Я вдруг сообразила, сколько времени понадобится Косарю, чтобы достигнуть порога домика, и голос мне изменил.

— На — на — на — настя.

— Красивое имя, — серьёзно отозвался детина. Его новый вопрос спровоцировал нервный тик: — Ты колдунья?

Что на это ответить? Кажется, в деревнях колдунов и ведьм не жалуют. Или я путаю? Нет, всё верно. Мне один приятель рассказывал, как в древние времена русский крестьянин сражался с нечистой силой. Вилами колол, топил, на кострах сжигал.

— С чего ты это взял? — дипломатично пискнула я.

Косарь пожал плечищами, почесал затылок и смущённо отвел взгляд.

— Да просто раньше в этом доме колдунья жила. Вот и подумал...

За поясом у парня заметила небольшой, но явно острый, топор. Из-за голенища торчала рукоятка неприятного вида, видимо — нож. Причём не просто нож, а тесак. Ну нафиг такие знакомства. Я лучезарно улыбнулась и закрыла дверь.

— Подожди, — крикнул Косарь. — Не уходи. Нам помощь нужна.

— Какая?

Вот кто меня за язык тянул?

— Там человек один помирает. Моряк. Я его две недели назад подобрал.

— От чего помирает? — настороженно спросила я, но дверь не открыла. А в голове пронеслась паническая мысль: только чужеродной заразы мне сейчас и не хватает!

— Застудился. Его старостиха выхаживает. Говорит, мол, лёгкие воспалились. Только не знаю, бывает ли такое.

— Бывает, — проворчала я. Даже предположить не могла, что детина услышит.

— Ты колдунья! — радостно заключил Косарь.

Когда я вновь появилась на пороге лачуги, он стоял гораздо ближе и растягивал рот в улыбке. Зубы у Косаря оказались не слишком белыми и чуточку кривыми. Как ни странно, это придавало очарование. Но я не купилась. Я-то знаю, что именно с такими улыбками фанатики и маньяки набрасываются на своих жертв.

Душа медленно поползла вниз, застряла где-то в районе коленок. Но выхватывать оружие и бросаться на борьбу с нечистой, парень не собирался. Я решила воспользоваться паузой и кое-что прояснить. Начала по — умному, издалека:

— Если у вашего моряка воспаление лёгких, лучше обратиться к врачу.

— Так это... у нас старостиха, жена старосты, врачует, — сообщил Косарь.

— А больницы у вас есть?

Парень завис. Его недоумение было настолько искренним, что я устыдилась недавних мыслей. Нет, не маньяк — маньяки так не умеют.

Ещё раз пригляделась к его одежде. Странная, будто из запасников Ленфильма, из реквизита к картинам про крестьянский быт пушкинских времён. Только вместо лаптей сапоги. И как это понимать? Я в прошлое угодила? Или всё-таки в параллельный мир? Чёрт, что-то мне подсказывает, что от правды легче не станет.

— Значит, до меня здесь колдунья жила? Как давно это было? Куда она делась?

— Давно. Она пропала лет пять назад. Исчезла и всё.

— Вот так просто? А вы искали?

— Как же её искать? — пробасил Косарь. — Она ж в доме исчезла. А нам в него входить нельзя, иначе смерть.

— Вот как? Интересно...

Значит, пока я в этой лачуге, мне бояться нечего. Местные поверья защищают и оберегают. А вот стоит отойти на пару метров — и всё, никаких гарантий. Или гарантии всё-таки есть?

— Так ты поможешь? — с надеждой спросил Косарь. И, не увидев в моих глазах энтузиазма, продолжил торопливо: — Я ж его сам из моря вытащил, вот этими руками. Пришлось сеть бросить, чтоб не упустить утопленника. А щас, если помрёт, знаешь как обидно будет? Что же я, зря сеть утопил что ли?

Возражать против таких аргументов сложно. И всё-таки я попробовала:

— А чем его старостиха лечит?

— Травами, — со знанием ответил Косарь.

Мда... Выходит, от меня сейчас человеческая жизнь зависит? А как хорошо начинался день...

— Попробую, — обречённо вздохнула я. — Подожди здесь. Через час вернусь.

Оказавшись в своей уютной квартире, заглянула в интернет и спешно помчалась в аптеку. Конечно, лечить воспаление лёгких своими силами — глупо, но если мои догадки верны, ничего другого не остаётся. Не могу бросить этого моряка помирать, врождённый гуманизм не позволяет. К тому же, раз мой «островок» обитаем, придётся налаживать связи с местным населением. Иначе нельзя.

В аптеке, к моему несказанному счастью, было пусто. Улыбчивая женщина в белом халате приняла список, пробежала по нему взглядом и вмиг растеряла всю доброжелательность.

— Что вы собираетесь лечить? — вопрос был задан таким тоном, что я невольно поёжилась и растерялась. Недавнюю эйфорию как ветром сдуло.

— Пневмонию...

— Девушка, вы в своём уме? У вас есть рецепт врача?

Я потупилась, ответила смущенно:

— Нету.

К счастью, аптекарша не стала глумиться и поучать, ответила просто и холодно:

— Без рецепта эти лекарства не продам.

— Почему?

Ответом стало ледяное молчание и строгий, уничижающий взгляд. Мне захотелось провалиться сквозь землю. Ненавижу просить, а требовать и вовсе не умею. И всё-таки я выдавила:

— Пожалуйста...

Губы аптекарши дрогнули, усмешка была хуже пощёчины. Я покраснела до корней волос, уши запыхали факелами. Выводы, сделанные женщиной, возмутили и смутили одновременно...

— Я не наркоманка. У друга пневмония.

— Не наркоманка? — переспросила она строго. — А почему глаза красные?

Поморгав, поняла — глаза и впрямь болят.

— В море купалась, — прошептала я, не сразу сообразила, что сморозила глупость.

— Чего — чего?

— За компьютером долго сидела, — в этот раз голос прозвучал громче, я даже осмелилась оторвать взгляд от пола. — Я не наркоманка, честно. Хотите вены покажу?

Я поторопилась снять куртку и начала закатывать рукав, но аптекарша остановила:

— Вот что, девушка. Иди-ка ты отсюда, куда подальше. Пока я полицию не вызвала!

— Пожалуйста, — чуть слышно проронила я.

— Пошла вон!

— Но...

— Иди отсюда! Бегом!

Сгорая от стыда, я развернулась и бросилась прочь, чтобы через секунду столкнуться в дверях с сухонькой бабушкой.

— Настя?!

О нет, только не это... Мария Петровна — не просто старушка, соседка по лестничной клетке, самая злая сплетница нашего подъезда. От её острого языка даже гробовая доска не спасёт. Пропилит или прогрызёт, как жук — короед. Тут же, как назло, в спину прилетел ещё один возмущённый возглас аптекарши:

— Иди, иди! Ишь, повадились! Не продам! И друзьям своим скажи: тут не продают!

— Что не продают? — оживилась Мария Петровна. Проклятая старушенция вцепилась в косяк двери, наглухо загородив выход. А с виду такая хлипкая.

— Наркоманка она! — пояснила аптекарша сурово.

Ну всё, я пропала. Теперь придётся идти на медицинское освидетельствование, потому что без справки Мария Петровна в мою невиновность не поверит. А весть о моей зависимости облетит дом, как только старушка вернётся из аптеки.

— Настя? — соседка изумлённо вскинула брови. — Наркоманка?

Я приготовилась выслушать лекцию, сдобренную ахами, охами и угрозами. Но старушка удивила, сказав:

— Настя не колется. Я это точно знаю. Что тут случилось-то?

Пришлось врать. Точнее выдумывать правдоподобную историю, дескать ко мне приехал дальний родственник прабабушки, страхового полиса у него нет, денег тоже, а пневмония налицо. Имён я не называла, но Мария Петровна вдруг оживилась и начала наседавать на аптекаршу.

Диалог между ними был бурным, но довольно мирным. В том, что женщины хорошо знакомы, сомнений не осталось. Выслушав доводы старушки, аптекарша процедила:

— Ладно, но чтоб я её больше не видела.

— Не увидишь, не увидишь! — радостно воскликнула Мария Петровна.

Я тоже улыбнулась, хотя... заявление соседки несколько смутило.

Домой мчалась, как Пятачок на День рождения к Иа — иа. В какой-то момент поняла — если так сильно прижимать пакет к груди, ампулы лопнут. Фармацевт исправила и пояснила некоторые дозировки, два лекарства заменила другими, более эффективными. И ещё рассказала, как делать внутримышечные уколы. От меня теперь требуется малость — не облажаться.

Косарь обнаружился на том же месте, кажется, даже на миллиметр не сдвинулся. Но я всё равно потребовала гарантий, выпалила, прям с порога:

— Поклянись, что меня никто не обидит!

Деревенский здоровяк потупился и растерялся, а я попятилась. Так, на всякий случай.

— Не обидит, — пробасил Косарь. И добавил, краснея: — Не позволю.

Кажется, я тоже вспыхнула. А под странным, внимательным взглядом детины смутилась ещё больше. Ну конечно... Если догадки верны, то мой внешний вид способен вызвать у местного населения культурный шок. Обтягивающие джинсы и майку с откровенным декольте лучше оставить для Москвы.

— Ещё минуточку! — провозгласила я. — Переоденусь!

В моём гардеробе подходящей одежды не нашлось. Взгляд случайно упал на потрёпанный чемодан, в котором хранились прабабушкины вещи — в своё время, рука не поднялась выбросить. К счастью, она была такой же худышкой, как и я. И рост у нас примерно одинаковый.

Когда я появилась на пороге во второй раз, парень ахнул. Никогда не думала, что девушка в длинной цветастой юбке и скромной белой блузочке может вызвать такой восторг. Ан нет! Вкус мужчин, особенно деревенских, непредсказуем. Эх, нужно было щёки свёклой подрумянить, чтоб усилить эффект.

— Веди! — скомандовала я, и первой заспешила к лесу.

Лекарства сложила не в пакет, а в бабушкину тряпичную сумку. Этот аксессуар не прибавлял уверенности, зато отлично сочетался с образом деревенской колдуньи. Интересно, чем занималась предыдущая ведьма? И как она здесь оказалась? Тоже дверь?

Ближе к лесу берег и впрямь расширялся, причём значительно. Он поднимался вверх не слишком круто, очертаниями сильно походил на голову ящерицы, а полоска земли, на которой стоял мой домик, действительно напоминала высунутый язык.

Косарь шел уверенно, явно замедлял шаг, потому что я за ним не поспевала. Он оказался на голову выше, и ноги у парня точно длинней моих были. Хорошо, что не пришлось от него удирать, догнал бы в два счёта.

Лес начался не подлеском, а стеной высоченных сосен. Но удивило другое — тут не было тропинки. Значит, к дому колдуньи дорогу давно забыли.

Косарь будто мысли подглядел, пояснил:

— Я случайно к тебе забрёл. Подумал: а вдруг колдунья вернулась. Раньше-то не сильно нужна была, а сейчас — позарез! А то ведь помрёт моряк, обидно будет.

Я промолчала. Вести беседу с громадным Косарем было страшновато. И ещё у меня уши горели, и сердце чуть — чуть ёкало, когда парень смотрел в мою сторону.

Его лицо, которое вначале показалось красным и перекошенным, было вполне нормальным. Я бы сказала типичным, славянским. Крупный, задиристый нос, пухлые губы, серо — голубые глаза. Брови сидели довольно низко, от этого взгляд казался суровым, но поведение и манеры Косаря подсказывали — парень добрый, даже слишком. Из таких девчонки обычно верёвки вяжут, и мулине вяжут.

Через пятнадцать минут прогулки, когда мощные еловые лапы окончательно заслонили солнечный свет, мне стало жутко. Проснулось дремавшее до той поры благоразумие, только применить его было некуда. Я заметно прибавила шаг, чем явно смутила Косаря.

— Скоро на луг выйдем, — осторожно проговорил он. — Не бойся.

— А я не боюсь.

Колени у меня просто так дрожат, а то, что спина вспотела — так это от жары. Я вообще-то девушка смелая. И умная к тому же.

Когда отчаянье достигло точки максимума, лес кончился и взору предстал широкий луг, покрытый сплошным ковром одуванчиков. Рот непроизвольно распахнулся — даже не предполагала, что обычные сорняки могут выглядеть столь впечатляюще и источать такой аромат.

— А вон и деревня, — пробасил Косарь, махнул рукой.

Вдалеке действительно чернели дома. Справа от них расстилалась морская гладь, а слева — тот же желтый луг, обрамлённый стеной мрачного леса. Здесь берег был ещё выше, до моря метров двадцать, если не больше. Притом, что полей не наблюдалось, а море лежало не слишком близко, основное занятие деревенских я определить не смогла.

— Да рыбаки мы! — лучезарно пояснил Косарь. — Тут все берега высокие, сколько не ищи. Улов приходится в гору затаскивать, но что поделать? Зато деревня штормов не боится. А волны у нас знаешь какие поднимаются? Ого — го!

При мысли о шторме меня немного качнуло. Мигом представилось, как исполинская волна накрывает мою лачугу и уносит в море, вместе с хозяйкой. Ох, час от часу не легче.

Когда мы пересекли луг, безлюдная с виду деревня, резко преобразилась. А я оказалась совершенно не готова к такому повороту событий.

Сперва, навстречу выпрыгнула стайка мальчишек и девчонок в замызганных одежках.

Вслед за ними примчался брехливый пёс, размером с телёнка. За ним, ахая и охая, прибежали бабы в тусклых платях. Визг поднялся такой, что я чуть не оглохла. Местное население обступило плотным кольцом, засыпало Косаря вопросами, меня тоже о чём-то спрашивали, но слова смешивались с визгами и я ничего не понимала.

В довершение всего, в толпу ворвался плешивый дед, растолкал румяных женщин и с прытью пьяного гусара ринулся ко мне. Обниматься.

Я чудом успела спрятаться за широкую спину Косаря, тоже завизжала.

— Тихо! — прогремел Косарь. Выпятил грудь, по — барски шагнул навстречу деду. — Это не старая колдунья! Это новая! Её зовут Нанананастя!

— У... — протянули в толпе.

— Красивое имя! — пропищал кто-то из мальчишек.

Я подавилась смешком, но Косарь был серьёзен, как президент на инаугурации:

— Нанананастя идёт лечить хворого моряка. Так что вы это! Того! Пропустите!

Одна из женщин, видимо, та самая старостиха, всплеснула руками, расцвела беспредельно широкой улыбкой.

— Во — во! — кивнул мой провожатый.

Толпа расступилась, как море перед Моисеем. А я отчаянно вцепилась в локоть Косаря. Тот глянул странно, озадаченно выгнул бровь. Пришлось сознаться:

— Боюсь.

Дальше шли медленно, под визжащим конвоем любопытной толпы. Локоть Косаря не отпускала до тех пор, пока старостиха не распахнула перед нами дверь своего дома.

— Пойдём, — улыбочиво сказала она. — Авось у тебя получится выходить. Я-то уж совсем с ног сбилась. Две недели врачую, а он всё горит и горит...

Переступив порог, мы сразу очутились в большой общей комнате, одну стену которой занимала печь. У другой обнаружился стол и несколько скамеек, рядом нечто отдалённо похожее на ткацкий станок. В воздухе витал аромат свежего хлеба, борща и жареной рыбы. На этом сходство с русской избой заканчивалось.

Напротив входной — ещё три двери, во внутренние комнаты. Старостиха поспешила к крайней, той, что ближе к печи. И хотя меня внезапно обуяла нервная дрожь, резво побежала следом.

Моряк встретил нас тихим, нечеловеческим стоном.

— Со вчерашнего вечера в беспамятстве, — грустно сообщила женщина.

Я нервно сглотнула. Морально готовилась к неприглядному зрелищу, но реальность оказалась куда хуже. На сбитых измятых простынях, лежал мокрый, как мышь, мужчина. Некогда красивое лицо осунулось, лоб усеян мелким бисером пота, длинные, липкие пряди волос похожи на скопище чёрных змей. Одеяло сброшено, обнажает руки и грудь. Когда-то этот человек был очень силён, а сейчас кожа выглядит по — стариковски дрябло, болезнь стремительно пожирает тело. И пахнет в комнате... своеобразно.

Трогать его лоб было очень неприятно.

— Горит, — кивнула старостиха.

Моряк застонал, закашлялся. Голова дёрнулась, но тут же упала на подушку.

— Он сильный, — продолжила женщина. — Другой бы давно помер.

— Его нужно перевернуть на живот, ну или хотя бы на бок. Поможете?

Больной оказался лёгким, как бронированный джип груженный камнями. Пока переворачивали, моя жалость незаметно испарилась, а мысли о предстоящем уколе

доставили какое-то нездоровое удовольствие.

Под одеялом обнаружился ещё один сюрприз — моряк был совершенно гол, все прелести напоказ. На моих щеках тут же вспыхнул неподобающий профессионалу румянец. Старостиха заметила и усмехнулась, хитренько так, странненько. А когда попросила оставить меня наедине с бездвижным телом, значительно хмыкнула. Тоже мне хохмачка.

На первом уколе пальцы дрожали, на втором ходили ходуном. Сама с ног до головы покрылась холодным потом. Разум предательски подсказал — то ли ещё будет! Но я всё-таки надеялась, что практики не врут, и дальше будет легче. Приноровлюсь, набью руку и смогу делать уколы с завязанными глазами. Тем более, при внутримышечных инъекциях промахнуться сложно, а это уже полдела.

Использованные шприцы и ампулы спрятала в сумку — местному населению незачем видеть эти инструменты. По крайней мере, до тех пор, пока не разберусь что к чему. По этой же причине не доверила старостихе делать питьё для больного, попросила кружку кипятка и сама влила лекарство в моряка. Тот шевелил губами, но глаза так и не открыл.

— Через четыре часа нужно повторить процедуру, — сообщила я, вываливаясь из дурно пахнущей спальни. — Но не уверена, что смогу его вылечить.

Старостиха понимающе кивнула, с серьёзным видом протянула мне чашку компота. А до меня вдруг дошло — если антибиотики, витамины и прочие микстуры не подействуют, парень умрёт. Не как в кино, по — настоящему.

— Можно задать вам несколько вопросов?

— Конечно, — кивнула старостиха.

Женщина казалась очень милой: круглое улыбчивое лицо, чуть подёрнутое морщинами, аккуратно повязанный платок, чистое, хоть и очень блеклое, платье. Она относилась к тому типу людей, которые вызывают доверие, причём полное и сразу. Я немного поколебалась, всё-таки мои вопросы были не так просты, потом вздохнула поглубже и выпалила:

— Как называется ваша страна?

Голос женщины прозвучал очень спокойно:

— Ремвид.

Я ожидала такого поворота, но изумление скрыть не смогла, а старостиха продолжила с прежней невозмутимостью:

— А наша деревня зовётся Вешенкой, находится на самом краю королевства, на западной границе. Мы обычные, мирные люди и вреда тебе не причиним. И архиепископу не выдадим.

От такого заявления у меня волосы встали дыбом и спина вспотела.

— Архиепископу?

— Ну да, — пожалала плечами старостиха. — Он ведь велел сразу сообщать о появлении колдунов. Но мы не дураки! Вон, с прежней сколько лет бок о бок жили? И ничего, никакого зла! И бог от нас, кажись, не отвернулся. А без неё тяжело стало. Поэтому тебе рады. Очень рады!

Мир перед глазами качнулся. Я с трудом преодолела расстояние до лавки, плюхнулась на отполированную деревянную поверхность и потребовала рассказать всё!

Ситуация оказалась банальной, но запущенной.

Жители королевства Ремвид общались с колдунами давно и плотно, но в один прекрасный момент, столичный архиепископ решил, что такие контакты противны богу. Его поддержал король и вся аристократия. Колдунов ловили и казнили, изредка жгли дома и

наказывали тех, кто пытался помогать опальным. Спустя полгода, с волшебниками вроде бы покончили. Но власти не успокоились. Особый отряд короля начал прочёсывать страну от края до края, проверять все деревни и хутора. А после всё опять стихло.

— Превжняя колдунья тихо жила, — пояснила старостиха, — и отряд, проходя через нашу деревню, ничего подозрительного не нашел. Это лет десять назад было.

Слова женщины немного успокоили. Если ищейки короля больше не наведывались в эти края, значит буря действительно стихла. Однако расслабляться всё равно не стоит.

— А кроме превжней колдуньи в том доме кто-нибудь появлялся? Например, шикарная стервозная блондинка...

— Нет. Никого не было.

Возвращаться в свою лачугу я не спешила — нужно сделать ещё одну порцию уколов и дождаться старосту. Его жена оказалась очень проворной и понятливой, сразу же оградила меня от любопытства местных — заперла дверь, предварительно сообщив толпе:

— Она занята! Лечит!

За кружечкой горячего киселя, старостиха поведала о местном укладе.

Выяснилось, что деревенские живут в основном рыбалкой. На рассвете все мужчины уходят в море, а женщины и дети огородничают. Косарь рыбным промыслом не занимается, он отвозит общий улов в город, выменивает на другие товары. Если успеваеет обернуться быстро, как сегодня, помогает хозяйкам. Такой подход к разделению труда показался мне довольно здравым.

Скот в деревне тоже общий — целых три коровы и кобыла. Ещё держат домашнюю птицу и свиней. Одежду и обувь производят самостоятельно, хотя дело это крайне трудоёмкое. В общем и целом, жизнью народ доволен.

— А моряк этот откуда взялся? — поинтересовалась я.

— Косарь в кои-то веки в море вышел, и нашел, — вздохнула женщина. — После шторма. Только он не рыбак. Судя по одежде, на большом корабле ходил. Матросом.

Да, мне тоже показалось, что на рыбака болезный не тянет. Вот не похож и всё.

Ещё я попросила рассказать о прошлой колдунье, чтоб хоть примерно понять нормальную линию поведения.

Оказывается, в деревне Вешенка, она занималась врачеванием, учила детей математике и читала им сказки. Но от местных держалась в сторонке, в дом никого не пускала, помощь сердобольных жителей отвергала.

— А тебе помощь нужна? — участливо спросила женщина. — Огород вскопать, или крышу поправить?

Я потупилась и покраснела. Если уж немощная старушка ничего не просила, то мне и вовсе не положено. Я вообще не умею просить, а давать распоряжения и подавно.

— Только одно. Мне придётся и ночью к вам придти, точнее не к вам, к моряку...

— Проводим! — догадалась хозяйка, расцвела очередной улыбкой. — И встретим!

...Знакомство со старостой было похоже на новогодний салют. Огромный, пропахший рыбой мужик с заметной проседью в бороде, прыгал до потолка и радовался, как ребёнок. Я даже испугалась немного. Остальная часть кружка рыболовов тоже сияла, но, в отличие от старосты, обниматься не лезла. Зато провожали меня всей деревней, только хорошо это, или плохо, так и не поняла.

На следующий день я занялась покраской дома. Как благоразумная девочка, краску выбрала самую дешёвую и надёжную — масляную. Первым, кто оценил мой выбор, стала

крыса. Выскочила из щели в полу и пулей улетела в открытую дверь. Я повторила её подвиг через пятнадцать минут. Когда же решила оторваться от бранных дел и попить кофе, выяснила — запах краски проигнорировал границу между мирами и прочно обосновался в моей квартире. И я решилась на эксперимент.

Вооружившись оптимизмом, вышла в дом у моря и закрыла дверь. Колени сразу задрожали, сердце замедлило бег. Но когда вновь потянула за ручку, взору предстала всё та же квартира. Попробовала запереть дверь на ключ — получилось. Осмелев, несколько раз проверила исправность механизма и успокоилась: со стороны деревни Вешенка ключ работает в том же режиме. Значит, уходя можно не беспокоиться, что какой-нибудь любопытный житель королевства проникнет в другой мир.

Когда моя смелость перешла в наглость, я открыла дверь обычным ключом и недоумённо уставилась на забитый книгами чулан. В основном тут были советские учебники для младших классов и книги сказок, но попался ещё томик Бунина и пара потрёпанных книг из серии «ЖЗЛ». А что, для неразвитого мира библиотека вполне подходящая.

Чтобы покрасить фасад, пришлось вытащить стремянку. На ней меня и поймал Косарь.
— Чем тут пахнет? — настороженно спросил он. — Плохо пахнет. Я бы сказал, воняет!
А что это за странная лестница?

— Волшебная, — с улыбкой ответила я.

Парень, который намеревался потрогать стремянку, отдёргнул руку и отскочил на добрых три метра.

— Да ладно тебе, не бойся. Она не кусается.

После вчерашнего знакомства с местным начальством, и прогулки на ночной укол под ручку с Косарем, я немного осмелела.

— Нанананастя, а что ты делаешь?

— Настя, просто Настя, — улыбнулась я.

Бровь Косаря встала вопросительной дугой. Признаваться, что при знакомстве заикалась от страха, не стала:

— На — на — на — настей меня зовут только в очень важных случаях!

Нет, всё-таки масляная краска — зло. Токсичные испарения, галлюциногенный эффект, пьяные шуточки.

— А, — понятно протянул детина. — Старостиха сказала, тебе помощь нужна. Говори, всё сделаю. Если надо, ещё кого-нибудь подряжу.

— Я цветник хочу разбить. Вон там, под окном, вскопать нужно, — стыдливо проблеяла я, мысленно прикидывая как отплатить парню. Использовать рабский труд нищих деревенских жителей я точно не собираюсь.

— Легко! — просиял Косарь. Метнулся за дом и вернулся со странной штуковиной, сильно похожей на весло. — Я как знал! — радостно продолжил он. — Вот, лопату захватил!

Со стремянки я не упала, но краски на землю плеснула с королевской щедростью. Осторожно, медленно спустилась вниз, отложила кисточку и уставилась на инструмент в руках здоровяка. Нет, это не лопата, это всё-таки весло.

— Она деревянная, — тоном опытного психиатра сообщила я.

Лицо парня вытянулось, глаза наоборот — округлились. Может я действительно нанюхалась до глюков?

Косарь очнулся быстро, чем лишний раз подтвердил уже замеченную мной сообразительность. Молча, как и подобает мужчине, взял весло и отошел в сторону. А потом

легко вонзил его в землю. Настала моя очередь выкатывать глаза и терять подбородок. Точно нанюхалась.

Я подскочила к Косарю, выхватила весло и попробовала сделать то же самое. Не вышло. Кончик деревянной лопаты вошёл в землю на пару сантиметров, не больше.

— Ты слабая, — констатировал парень, радостно оскалился.

— Стоп!

Спорить с огромным простоватым детиной опасно. Я решила доказать делом, благо лопату уже купила. Быстренько метнулась в московскую квартиру, схватила инструмент и, на глазах изумлённого землекопа, выковыряла довольно глубокую ямку.

— Но она... железная! — воскликнул Косарь возмущённо.

— Волшебная, — хмуро поправила я.

Уже вечером, побегав по интернету, я узнала, что русские крестьяне тоже копали землю «вёслами», аж до середины двадцатого века, но на тот момент, даже не подозревала о такой дикости. Молча, протянула лопату обалдевшему Косарю. Он не отпрыгнул, но и руки не протянул.

— Возьми. Попробуй.

— Так она ведь волшебная... — с сомнением произнёс парень.

— Я тоже волшебная. Меня ты трогал и ничего страшного не случилось.

Щёки Косаря стали малиновыми. Наверное, я перегнула с аргументами. Зато лопату парень всё-таки взял. И пока я докрашивала стену, деревенский оболтус едва не докопался до нефти.

Вторым сюрпризом стало появление хорошенькой рыженькой девушки, которая принесла большой пирог и кувшин молока. Девица осторожничала так, будто шла по минному полю напрямик в объятья врага. Меня и воняющий домик обошла по широкой дуге, робким воробушком прижалась к Косарю.

— Я обед принесла, — пискнула рыженькая. — Для всех. Для обоих.

Парень расправил плечи, бросил хитрый взгляд на меня и громогласно заявил:

— А что, Любка! Хошь я тя с колдуньей познакомлю?

Та выкатила пугливые серо — голубые глазки и задрожала.

Вот ведь гад!

Я торопливо вытерла руки о джинсы и поспешила познакомиться сама. Оказалось, девушку смутил мой наряд, ну и запах краски, конечно. Рыженькая была сестрой Косаря, первой красавицей деревни. Пообщавшись с ней десять минут, сделала ещё один вывод — не все красавицы заносчивы. Или это какой-то неправильный мир? Какое-то ненормальное королевство?

Обедали сидя на земле, приближаться к крыльцу деревенские отказались наотрез. Громче всех паниковала Люба, которая совершенно не спешила нас покидать.

После того, как я переоделась в «приличное», мы отправились в деревню. Косарь очень хотел прихватить с собой лопату, но я не разрешила — наверное, не стоит шокировать народ волшебными вещами. Рано. Да и рассказ старостихи в памяти всплыл, про указ архиепископа и королевских ищек...

Спальня моряка встретила меня прежним неприятным запахом. Сам виновник торжества стонал и кашлял, открывал глаза, но взгляд был мутным. Прежде чем вколоть положенные лекарства, я осмелилась провести дезинфекцию: распахнула окно, благо погода тёплая, достала заготовленную бутылку водки и марлю.

Необходимость этих мер вызывала сомнения, обнаженное мужское тело смущало жутко, только отступить было некуда. Откинув одеяло, принялась обтирать. Если микробы не погибнут, то хотя бы порадуются. В следующий раз нужно принести для него чистые простыни — если здесь люди сами делают ткань, значит постельное бельё в дефиците.

Ближе к вечеру, распивая кофе на крыльце своей лачуги, я окончательно утвердилась в мысли, что попала в рай. Только этот рай очень дорого стоит. Покупка семян и саженцев — кроме цветника, я решила обзавестись ещё и садиком — съела большую часть моих сбережений. Лекарства для моряка тоже облегчили кошелёк. А ещё хорошо бы купить мебель и кое — какие инструменты.

Да и местному населению придётся помогать — не могу смотреть как народ возится с деревянными лопатами и ткацкими станками. Это дикость, самая настоящая. Конечно, делиться результатами наших технологий не совсем разумно, но, в конце концов, я ведь не пистолет какой-нибудь притащить собираюсь.

В общем, деньги нужны, как воздух.

Эх, окажись на моём месте Ленка, она бы вмиг организовала туристический бизнес. Желающих хоть на час вырваться из Москвы и окунуться в море — пруд пруди. Но я на такую аферу не решусь. С моим везеньем о домике даже заикаться нельзя. Отберут.

Нужно придумать что-то другое, менее опасное. Вот только что?

Хорошая мысль посетила на второй кружке кофе и утром я принялась воплощать её в жизнь.

Московские рынки — штука своеобразная. Это нечто среднее между восточным базаром и европейским супермаркетом. В воздухе витает аромат специй, прилавки ломаются, цены кусаются почище самого злобного бульдога. И внимание продавцов чересчур пристальное, даже страшно становится.

Я набрала в грудь побольше воздуха и решительно направилась к рыбным рядам.

Здесь было всё, даже осьминоги. Румяные, довольные жизнью продавщицы, наперебой расхваливали товар, зазывали. Я скользила взглядом по ценникам, нервно сглатывала — неужели кто-то действительно готов платить такие деньги? Попутно вглядывалась в лица продавщиц — нет, не то. Наконец, наткнулась на улыбчивого дядечку с горбатым носом и характерным акцентом:

— Вай! Дарагая! Какую рыбку тэбэ хочется?

Прищурилась. Мужчина в белом фартуке на продавца совсем не похож. Слишком холёный.

— Вы хозяин?.. — спросила я, кивая на прилавок.

— Канэшна! Скидка тэбэ сдэлаю! Большой!

— А можно с вами поговорить? По делу?

Улыбка мужчины стала ещё шире, обнажив белые, идеально ровные зубы. Уж не знаю, что вообразил торговец, но, кивнув кому-то из соседей, со скоростью урагана выбраться из-за прилавка. Я отошла на несколько метров от торгового ряда, увлекая за собой сияющего продавца.

— Вай, какой красивый дэвушка! — заученно воскликнул джигит. — Работа ищеш?

Я протянула мужчине пакет с двумя рыбинами, позаимствованными у старостиhi. Сказала осторожно:

— У меня есть много такой рыбы, могу продать. Дёшево.

Улыбка с губ торговца не сползла, но лицо стало напряженным. Он заговорил

совершенно нормальным голосом, без тени акцента:

— А документы у тебя есть? Сертификаты, СЭС?

В ответ состроила жалобную мину и помотала головой.

В меня вперился колючий, оценивающий взгляд. Показалось, слышу как шевелятся его извилины, вычисляют — правду говорю, или это спланированная провокация Роспотребнадзора или какой-нибудь ушлой телепрограммы.

— Рыба хорошая, — тихо пояснила я. — Не краденая. Качество можете проверить, никакой заразы нет.

— И сколько?

— А сколько нужно? — спросила я, хоть и не поняла о чём речь — о цене или количестве.

— Давай так, — вздохнул джигит. — Ты покажешь сколько есть, а я решу сколько брать. По деньгам договоримся на месте. Меня Ахмедом зовут, — он протянул руку.

— Настя, — пискнула я. — Только рыба будет вечером, а забрать её можно ночью.

— Да? — недоверчиво сощурился он.

— Рыба хорошая, клянусь. Вы сами всё увидите. И дёшево...

Ахмед нехотя взял у меня телефон, обещал позвонить вечером. Дело оставалось за малым.

На последние деньги купила тридцать пластиковых ящиков и побежала договариваться со старостой деревни. Конечно, это следовало обговорить сразу, но кто же знал, что всё срastётся так быстро?

Уговаривать старосту не пришлось — улов в этот день был огромным, хотя просьбе он удивился сильно. На закате, у моей лачуги выстроился ряд плетёных корзин, доверху забитых рыбой. Тушки бились и брыкались, пытались выпрыгнуть и сигануть в море. С помощью изрядно озадаченных Косаря и Любки, перегрузили улов в ящики, и тут началось самое трудное.

Мои помощники категорически отказались входить в дом, а сама поднять ящик весом в тридцать килограммов, из которого то и дело выпрыгивают чешуйчатые бестии, не могла. Пришлось идти к Марии Петровне и вымалывать у неё тележку.

После случая в аптеке встреча с соседкой особой радости не вызывала. Прежде чем позвонить в дверь, я сочинила целую легенду о том, как трудно мне живётся, и приготовила целый ворох благодарностей от больного «родственника». А вот придумать зачем же мне понадобилась тележка, так и не смогла.

Но Мария Петровна повела себя на удивление тактично: ни одного вопроса не задала, только улыбалась в ответ на комплементы. Что же случилось с каргой? Неужели, на старости лет, злобная сплетница решила исправиться?

Вторая часть «марлезонского балета» случилась, когда первый ящик перекочевал через порог моей квартиры. Несколько рыбин тут же выпрыгнули, заскакали по полу. Одна ломанулась в спальню, вторая помчалась на кухню, оставляя липкий след на паркете. Ой, чувствую, отмываться от этой сделки придётся долго.

Ближе к полуночи, я растянулась на полу прихожей, среди горы вонючих ящиков и нескольких взбесившихся тушек, и поняла: идея — дрянь. Мобильник тут же запищал, не слишком ласковый голос Ахмеда сообщил:

— Настя, мы приехали. Но это, кажется, жилой дом.

От слов «мы приехали» сердце споткнулось. Сообразила, наконец, что собираюсь

продать гору контрабандной рыбы сомнительным горцам. Перед глазами промелькнули кадры криминальной хроники, к горлу подступил ком. Но пасовать поздно.

— Всё верно. Заходите.

Заперла дверь волшебным ключом, повернула в замке обычный. На пороге стоял Ахмед, за его спиной двое смуглых мордovorотов в спортивных костюмах. Меня отодвинули в сторону одним движением руки, впрочем, я не сопротивлялась.

— Это всё? — спросил джигит.

— Ага, — проблеяла я.

Торговец пристально осмотрел один из верхних ящичков, нахмурился. Парни за его спиной казались бесстрастными статуями.

— Выносите, — скомандовал Ахмед мрачно.

От этой парочки рыба сбегать не пыталась. Видать оцепенела от страха.

Пока грузчики освобождали мою прихожую от морепродуктов, Ахмед по — хозяйски осмотрел квартиру, скривился. Конечно, квартирка-то старенькая, последний ремонт лет сто назад делали. Мебель советского периода интерьер тоже не красит, а маленькая плазма водруженная на стул придаёт общей картине оттенок фарса.

Ну и пусть! Увидят, что кроме рыбы брать с меня нечего, глядишь, в живых оставят.

— Бедно живёшь, — заметил Ахмед.

Я промолчала. Отступила к стене.

Как только из прихожей исчез последний ящик, торговец закрыл дверь. И хотя его головорезы остались снаружи, чувствовала себя крайне неудобно, начала шарить взглядом в поиске чего-нибудь тяжелого.

— Ты рискованная девушка, Настя, — голос торговца пробрал до костей. Он вздохнул, извлёк из кармана перевязанную резинкой пачку. — Я не буду спрашивать откуда у тебя эта рыба, но если будет ещё — звони.

Я и сама превратилась в водоплавающее. Вывалившись на зелёную траву у лачуги, глотала воздух и в истерике била плавниками. Любка и Косарь, которые обязались дождаться моего возвращения, глядели на это действие обеспокоенно.

— Что случилось? — пробасил Косарь. — Тебя кто-то обидел?

Замотала головой, всё ещё не веря, что всё обошлось. Чёрт, какая же я дура!

— Настя... — осторожно позвала Любка.

— Всё в порядке, — выдохнула я, усаживаясь прямо на землю. — Нужно пересчитать деньги.

Местные оживились:

— Деньги? Неужели кто-то дал за эту рыбу монеты? Не может быть! Покажи!

Когда я извлекла на свет пачку купюр, деревенские скисли.

— Ты обменяла несколько корзин рыбы на это? — выгнул бровь Косарь.

— Да ну вас!

В свете фонарика, я пересчитала выручку и настроение резко улучшилось. Сто тысяч! Хотя тут же пришло разочарование — продешевила... С другой стороны, документов на эту рыбу у меня нет, и налоги платить не нужно, да и вообще... Правда, меня, как неудавшегося юриста, незаконные сделки всё-таки напрягают, но с совестью договориться смогу.

Главное — я нашла способ зарабатывать!

Следующим утром, после посещения хвораго моряка, отправилась в хозяйственный магазин. Чтобы дотащить покупки, пришлось нанимать такси, но оно того стоило.

В итоге, у домика на холме выросла гора сокровищ. Подоспевший к обеду Косарь едва не свалился в обморок. Три десятка лопат, тяпки, вилы, железные вёдра и кастрюли повергли парня в шок. Я с гордостью объяснила, что это плата за вчерашнюю рыбу.

— Вот это да! — протянул Косарь. — И это за несколько корзин?

— Это ещё не всё, — улыбнулась я, чем окончательно добила несчастного. — Нужно показать вещи старосте. Если ему понравится такой обмен, сможем продавать всю пойманную рыбу туда, — я кивнула в сторону домика. — Но мне понадобится твоя помощь.

Смелый Косарь попятился.

— Косарь? — тихо спросила я. — Ты ведь не боишься?

Парень заметно напрягся, побагровел, на щеках заходили желваки.

— Не боюсь, — выпалил он, даже шаг вперёд сделал. — Но нам нельзя заходить в дом. Там смерть.

Кажется, это я уже слышала. На секунду меня охватило сомнение: что если правда? Что если переход в другой мир кого-то из местных невозможен? Вдруг портал испепелит улыбчивого Косаря? Нет, не может такого быть. Если я смогла, значит и он сможет.

В дом парень зашел дрожа. Но небеса не разверзлись, молнии не полыхнули, даже земля не провалилась. На всякий случай, я прикрыла входную дверь, взяла его за руку и повела ко второй дверце.

— Ты только не волнуйся. Ничего страшного там нет. И ещё... не удивляйся.

Косарь шумно сглотнул, сжал мою руку так, что косточки захрустели. Порог моей квартиры переступал с закрытыми глазами, дышал, как перепуганный заяц — часто и мелко.

— Всё хорошо, — ласково сказала я. — Всё получилось.

Он приоткрыл один глаз, вздрогнул. Следующие пятнадцать минут мы медленно ходили по квартире, трогали вещи и приходили к выводу, что бояться действительно нечего. Холодильник не кусается, унитаз не плюётся ядом, шкаф не спешит прожевать и выплюнуть.

— Ну как?

— Не знаю, — растерянно отозвался парень, пожал плечами. — Тут очень красиво.

— Ладно, бороться с шоком цивилизации будем постепенно. А сейчас запомни главное: ничего не бойся и никому не рассказывай как выглядит это место.

— Понял, — бухнул Косарь и, кажется, немного расслабился.

А когда мне удалось договориться о временной аренде подвала, который располагался прямо под моей квартирой, расслабиться смогла и я. Всё та же Мария Петровна, выполнявшая функцию старшей по подъезду, попросила совсем немного денег, допытываться зачем мне это нужно не стала. Единственной её просьбой было — не водить в подвал рок — группы и сатанистов. Вручая ключ от навесного замка, Мария Петровна светилась, как стоваттная лампочка. Может зря я о ней плохо думала? Может старушка и впрямь добрая? В конце концов, с моей прабабушкой она дружила...

Вход в это помещение располагался напротив подъездной двери. Три ступеньки вниз и вуаля: довольно просторная и чистая комната, отгороженная от остального подвала прочной бетонной стеной. Говорили, это помещение организовал один из прежних управдомов, в советское время здесь проводили какие-то собрания и голосования. Иногда, жить в старом доме очень выгодно.

Старосте Вешенки мой план тоже понравился. Он с детским трепетом рассматривал лопаты и тяпки, а я озадачила его списком необходимых деревне вещей. Если фантазии деревенских не хватит — воспользуюсь советами интернета.

Следующую сделку с Ахмедом назначили на эту ночь, заготовили в три раза больше ящиков с рыбой, которую не просто перегрузили, но и рассортировали. Отдельно упаковали партию всевозможных морских гадов. Косарь готовился выполнять роль грузчика и моей охраны, заранее потел и нервно смеялся.

Но на этом хорошее закончилось...

— Очнулся болезный! — воскликнула старостиха, едва я, вооруженная шприцами и ампулами, переступила порог её дома.

Завидев меня, моряк насторожился, как загнанный в клетку хищник. Чёрные глаза объятые нездоровым блеском впились в моё лицо, брови съехались к переносице, и без того узкие губы сжались в тонкую линию.

— Что с ним? — спросила я шепотом.

— Не знаю, — так же тихо ответила старостиха, тоже напряглась.

Оставлять меня наедине с пациентом женщина категорически не хотела, а я прикидывала: если местное население уже познакомилось с прелестями лопаты, может стоит и тайну антибиотиков открыть? Нет, слишком много информации взорвёт неразвитый мозг. И как не брыкалась старостиха, ей всё-таки пришлось выйти. Напоследок женщина шепнула:

— Кричи, если что.

Спасибо. Подобные инструкции всегда воодушевляют.

Приблизиться к моряку я не решилась, присела на скамейку, приставленную к противоположной стене, спросила:

— Вы меня боитесь? Почему?

При попытке рассмеяться больной зашелся диким, выворачивающим кашлем, из хищных глаз покатались бессильные слёзы.

— Значит, не боитесь? Что тогда?

— Ты кто? — прохрипел моряк.

— Настя, — просто ответила я.

Ноздри моряка раздулись, плечи заметно напряглись.

— Почему вы так на меня смотрите? — не выдержала я. После того, как ворочала этого кабана, ставила ему уколы и унижалась ради него перед аптекаршей, поведение болезного выглядело махровой неблагодарностью.

— Ты девица? — в лоб спросил он.

Ну... как тебе сказать... Если смотреть с позиций вашего мира — нет, если с позиций моего... Чёрт, кого я обманываю?! Нет и нет. А вслух ответила:

— Да, конечно.

Лицо моряка расслабилось, на губах заиграла странная усмешка.

— Ну, в таком случае, можешь приблизиться, — нахально протянул он.

Я вскочила, кулаки непроизвольно сжались и начали чесаться. Что он себе позволяет? Да как смеет? Какой-то матрос будет рассказывать мне как себя вести?

— Я здесь для того, чтобы вас вылечить, — холодно отчеканила я. — Сейчас вам стало лучше, но если не завершить лечение, болезнь снова возьмёт верх и вы, скорей всего, умрёте. Хотите умереть?

Усмешка черноволосого моряка стала шире, гаже. В голосе зазвучала надменность:

— Да ладно тебе, не кипятись. Как лечить будешь?

— На живот перевернитесь, — проскрежетала я. — Пожалуйста.

— Зачем? — снова насторожился он.

После долгой игры в гляделки и нового приступа кашля, пациент сдался.

Я никогда не готовила шприцы с такой скоростью, и даже не подозревала, что слова «будет чуточку больно» могут принести столько удовольствия. Когда отбросила одеяло, моряк вздрогнул и напрягся так, что даже на ушах мышцы вздулись.

— Расслабьтесь, — скомандовала я, живо представляя как ломаю иголку об этот камень. Кстати, когда моряк был в отключке, его зад не казался таким идеальным, как теперь. — Ягодицы расслабьте, — уточнила я. А когда он попытался обернуться, рывкнула: — Расслабьтесь же наконец!

И со всей злости врезала по идеальной попе черноглазого.

Замер. Через несколько секунд и впрямь расслабился, но игла всё равно входила трудно. Мозоль там что ли? Второй укол прошел ещё труднее, моряк даже вскрикнул.

— Как вас зовут? — спросила я. Хотя зачем? Мне ведь совсем неинтересно!

— Рогор, — сказал, как каркнул.

— Я прихожу к вам каждые двенадцать часов, Рогор. Лечить буду ещё десять дней. После вы избавитесь от моего общества навсегда.

— Вот как?

Я молча схватила кружку кипятка, заранее приготовленную старостихой, всыпала в неё аптечный порошок. Как хорошо, что этот тип очнулся! Больше не придётся поить его, придерживая дурную голову и уговаривая бессознательное тело не выплёвывать лекарство.

— Выпейте это, — сказала, и мухой вылетела вон.

— Что? — тут же насторожилась старостиха.

— Мерзкий тип! — выпалила я, а сама призадумалась... нужно прояснить ещё один вопрос и, желательно, побыстрее.

Увы, интуиция не подвела. Шепотом, краснея и отводя глаза, старостиха объяснила, что девственность — это сокровище, главная ценность. Не сумевшая сберечь честь считается распутницей. Раньше таких казнили, теперь выгоняют с позором, или... пускают на общие нужды. В благочестивой Вешенке подобных случаев не бывало, а в соседней деревне пару веков назад, случилось. Шум стоял даже после того, как распутница померла, на тот момент ей было восемьдесят.

— А недавно, — шептала красная, как свёкла, старостиха, — в столице сделали отдельный дом, где таких девок держат. А в соседнем королевстве этих домов с десяток. Куда же мир катится?!

Ответ на вопрос я, естественно, знала... И, конечно, промолчала.

Ахмед осмотрел новую партию товара с большим интересом, ещё больше любопытства вызвал угрюмый, краснющий Косарь. Деревенский детина всё время стоял в сторонке, внимательно следил за каждым движением торговца.

— Мы можем поставлять рыбу каждый день, — сообщила я. — Объём сами видите.

Ахмед кивнул, всей пятернёй почесал горбатый нос.

— Хорошо. Возьму.

И хотя любопытство в бизнесе штука опасная, всё-таки спросила:

— А если продать не сможете?

— Заморозим, — просто ответил он. Потом кивнул на Косаря, спросил с хитрецей: — Жених?

Я хихикнула, а Ахмед наклонился ближе, прошептал с деланным акцентом:

— Если надоест, мнэ звони. У мэня чэтыре сына и дватцать плэмянников! За пять минут замуж выдам!

Сумма новой сделки сделала мою улыбку ещё шире, аж щёки заболели и губа в уголке треснула. Я одарила трудолюбивого Косаря тёплым взглядом, и только теперь сообразила чему удивлялся Ахмед. Мало того, что Косарь похож на былинного богатыря: русые волосы, серо — голубые глаза, плечи — шире не бывает, мускулатура — мечта бодибилдера, так он ещё и одет... как Илья Муромец в начале карьеры, когда только — только с печи встал. Да, это прокол.

— Косарь, а давай-ка мы с тобой чаю попьем! — торжественно предложила я.

Чай парню не понравился, от кофе он вообще переплевался, ну а когда я попыталась снять с него мерку — покраснел и чуть не сбежал. Долго и терпеливо объясняла зачем это нужно, в итоге плюнула и решила купить одежду «на глазок».

— Что ещё нужно деревне? — спросила я.

Косарь хмуро огляделся по сторонам, будто моя квартира и есть магазин, пробухтел:

— Обычно, мы меняемся на муку, мясо, соль и кожи. Иногда берём глиняные горшки. Если совсем повезёт, можно выменять топор или нож.

Почему в районе деревни такие проблемы с железом, мне рассказали — все месторождения расположены на противоположном конце страны. Живность в достаточном количестве местные разводить не умеют, да и пасти её толком негде. С солью, видимо, тоже беда. Значит, с этого и начнём. Ещё можно попробовать обогатить их флору, тем более сейчас весна, самое время для посадок. Только таскать всё одной...

— Косарь! У меня родилась ещё одна отличная идея!

Чтобы подобрать одежду на здоровяка — Косаря, пришлось обойти три магазина. Говорят, современный человек крупнее и выше, акселерация процветает, и вообще гормоном роста питаемся, а одежду продают маленькую и узкую. Где логика?

Парень долго упирался, никак не хотел примерять, но едва влез в джинсы — приклеился к ним, как кот к пузырьку валерьянки. Поглощённый модными переживаниями, не сразу сообразил, что идём в чужой, совершенно незнакомый мир.

— Главное — не нервничай! — объясняла я. — Представь, будто идёшь по родной деревне. На самом деле, Москва и есть деревня. Честно. Вот увидишь! Постарайся не слишком пялиться по сторонам, ни с кем не разговаривай. И ещё, нам предстоит покататься на волшебных повозках, но ты не робей. Если закружится голова — скажи.

От переживаний у самой подгибались ноги, спотыкалась на каждом шагу. Когда дошли до метро, страх превратился в ужас, чтоб не упасть пришлось схватить Косаря за руку. Тёплую, сухую, сильную руку!

— Ты чего дрожишь? — пробасил парень.

— Боюсь.

— Кого?

Косарь стоял невозмутимым айсбергом и сиял, как прожектор. Вот хитрюга! Я тут распинаюсь, объясняю, переживаю за него, а он...

— Почему ты так спокоен? Ты ведь боялся стремянки, лопаты, моего дома в конце концов.

Верзила пожал плечами.

— Я понял: если буду пугаться — не смогу тебя защитить. Ты маленькая и хилая, любой обидеть может.

И всё? Так просто? Мужчины! Странные, нелогичные, непонятные!

— Давай уж, веди к своим волшебным повозкам, колдунья.

...По садоводческой ярмарке Косарь ходил с невозмутимым, каменным лицом.

В основном, по торговым рядам прогуливались женщины, их взгляды были завистливыми и до чёртиков приятными. Изредка, встречались мужчины, эти глядели на моего спутника как на товарища по несчастью, кивали с сочувствием. Продавцы Косарю тоже не завидовали, а я давилась смехом.

А вот когда отвезли два набитых доверху такси к моему дому, выгрузили несколько тонн саженцев, и отправились смотреть топоры, деревенский здоровяк дрогнул. И хотя обещал ни с кем не общаться, так сцепился языком с консультантом, что сочувственные взгляды начали посылать мне...

Третьим пунктом нашей мега — экскурсии стал строительный рынок. Тут покупок не планировалось, просто хотела, чтобы Косарь посмотрел что из этого добра может пригодиться деревенским. Как назло, опять наткнулись на топоры... И понеслась. Обсуждение перешло в спор, а спор превратился в лекцию Косаря о принципах заточки и использования топора, на которую сбегались все окрестные продавцы. В итоге, нам пообещали бешеные скидки на любые товары, в любое время суток.

Домой я шла со скоростью улитки — инвалида, зато мой деревенский приятель светился таким счастьем, что проезжающие мимо машины притормаживали. Удивительно быстро освоился, как ему удалось?

— Нужно ещё в продуктовый зайти, — проблеяла я. — У меня кофе закончился.

— Та чёрная гадость? — скривился Косарь. — Как ты её пьёшь?

— С удовольствием. В больших количествах.

Мы завернули в мини — маркет, расположенный рядом с домом. Грузоподъёмность Косаря позволяла набрать еды на пару месяцев, но сил выбирать просто не было. Да и зачем? Сердобольная старостиха взяла заботу о моём рационе на себя, каждый раз потчевала борщами, пирогами и кашами.

Я схватила банку кофе и поплелась к кассе, предоставив неуёмному спутнику самостоятельно промчаться по магазину. И тут меня подкараулил самый неприятный из всех возможных сюрпризов...

— Настюха! Сколько лет! Сколько зим!

Голос я узнала сразу, похолодела. На несколько секунд пожалела, что я ненастоящая колдунья — была б настоящей, смогла бы провалиться под землю, или просто исчезнуть. Вместо этого пришлось натянуть на лицо улыбку и ответить:

— Привет, Вася. Как поживаешь?

— Лучше всех! — Он просто светился радостью, плевался ей, как бенгальский огонь искрами. — Скучаешь по мне?

Конечно... Я скучаю по всем бывшим парням. Каждый день о них думаю...

На самом деле, Вася был не просто «бывшим», а самым ярким и очаровательным парнем на курсе. Я влюбилась по уши, как только увидела. Мечтала о нём, в порыве страсти даже стихотворение какое-то написала. Но о чувствах своих, конечно, молчала. Боялась и стеснялась до чёртиков. Потом случайно столкнулась с ним во дворе прабабушкиного дома, оказалось, живёт по соседству. На этой почве мы и подружились.

Он начал ухаживать. Небрежно, нехотя... А я всё равно была счастлива. Роман продлился два месяца, разбитое сердце болело год. Вася разорвал отношения очень некрасиво, на глазах у всех. Потом рассказывал друзьям о моих сексуальных пристрастиях и умениях. Громко рассказывал, сама слышала. Я даже из института уйти хотела, но одумалась... чтоб вылететь на следующий год.

— Кстати, ты плохо выглядишь, Настюха. Голодаешь? Родители как? Не простили?

Ещё одной отличительной чертой Васи была прямота, граничащая с хамством. И нездоровый интерес к чужим проблемам. Впрочем, тому, у кого собственных нет, чужие, порой, доставляют двойное удовольствие. Сразу вспомнила, что одета в неприглядные джинсы, простенькую, дешёвую кофточку и старые, как шкура мамонта, кроссовки.

Я почувствовала себя маленьким, гадким червяком, разрезанным и помещённым под увеличительное стекло. В груди заныло.

— Нет, не простили.

— Сочувствую, — радостно произнёс Вася. — Мои на всё лето на дачу уехали. Может, в гости зайдёшь? Покувыркаемся. Как раньше. А? Я тебя накормлю.

— Я не голодаю, Вася. Просто не выспалась и весь день по магазинам пробегала.

— Да ладно, — подмигнул он. Наглый, лоснящийся, довольный жизнью.

Рядом неожиданно выросла громадная гора — Косарь.

«Только молчи! — мысленно взмолилась я. — Засмеёт! И тебя, и меня!»

Деревенский верзила просьбы, увы, не услышал.

— Это кто? — бухнул громила.

Бывший однокурсник присвистнул, глянул с уважением.

— Вася, — сообщил он, протягивая руку.

Косарь внимательно осмотрел раскрытую ладонь парня и не пожал — деревенским

просто не знаком такой способ приветствия.

— Можно я его ударю? — спокойно, без тени злости, спросил Косарь.

И я поняла — теперь улыбаюсь искренне. Мелкая месть, детская, а всё равно приятно. Вася не отступил, не убежал в панике, просто побледнел, но этого было достаточно.

— Нам пора, — тихо сказала я. — Передавай привет ребятам.

Едва вышли из магазина, Косарь пристал с расспросами. Только объяснять жителю целомудренной Вешенки смысл наших с Васей отношений не стала. Тот, сперва надулся, но вернувшись в домик на берегу моря оттаял — купленные саженцы требовали немедленного распределения и посадки.

А вот меня ждала ещё одна неприятная встреча...

— Ну здравствуй, Настя, — хамовато протянул Рогор — моряк. Второй раз за день я почувствовала себя крайне некомфортно. — Ты ведь нездешняя?

Есть такой особенный тип людей, сказать которым «ты» просто язык не поворачивается. Я ответила с подчёркнуто — вежливой интонацией:

— А вам какая разница?

— Интересно.

— На живот перевернитесь, пожалуйста.

Перевернулся. Но даже это движение получилось каким-то хамовато — наглым. На секунду почудилось, будто передо мной Вася. Я безжалостно вогнала иголку в мышцу. Эх, нужно было колоть по центру синяка, который остался от предыдущего, не слишком удачного, укола.

— Говорят, у тебя жених есть, — не унимался больной. Слишком разговорчив для умирающего, может стоит ещё разок окунуть его в море? И, чёрт побери, почему его это интересует?

— Помолчите.

— Неужели действительно хочешь связать судьбу с деревенским увальнем и до конца дней возиться в навозе?

Ничего не понимаю. Какое это имеет отношение к делу? Что происходит? Какого рожна чахоточный мореплаватель рассказывает мне про навоз? Мерзкий тип, до того противный, что дрожь пробирает и желудок к горлу подкатывает.

— У меня нет жениха, — ответила я, закипая. — Ближайшие пару лет вообще замуж не собираюсь.

— А старой девой остаться не боишься?

Ну что за вопрос? Мне двадцать лет! По меркам моего мира это почти детство!

— Когда вы лежали без сознания, лечить вас было гораздо приятнее.

Умолк. Проводил странным, хитрым взглядом.

Где его только откопали? Не моряк, а пират какой-то! С замашками психоаналитика.

Чувство неприязни оказалось до того стойким, что даже вернувшись домой продолжала кривиться несколько часов кряду. На следующий укол нужно взять с собой Косаря — после того, как парень покатался на Метро, шприцы его не удивят. Зато не в меру разговорчивый моряк, наверняка, присмирееет.

Жизнь завертелась неугомонной юлой.

Мужчины ловили рыбу, женщины и ребятня внимательно сортировали, раскладывали по ящикам. После, в несколько заходов, перевозили улов к моей лачуге. Увы, телега, запряженная единственной лошастью, через лес проехать не могла, ящики приходилось возить на маленьких, ручных тележках. Тут их подхватывал Косарь, переправлял в подвал московского дома. Я с сомнением смотрела на его усилия, предлагала привлечь к работе и других, но Косарь наотрез отказался. Заявил:

— Чем меньше людей знает секрет твоего колдовства, тем лучше.

Сам ходил барином, на вопросы любопытствующих отвечал с важностью, но ни одного лишнего слова не говорил. Ещё больше меня удивляла его осмотрительность — Косарь сам догадался, что появляться в деревне в джинсах не стоит, по крайней мере, ему. Но всякий раз, расставаясь с любимыми заморскими портками, грустил и подозрительно хмурился.

Теперь ездить на торг в соседний город стало бессмысленно — весь улов уходил в крепкие руки Ахмеда. Зато у деревни появилась другая потребность — склад для хранения добра, вырученного за рыбу. Под это дело отрядили пару молодых рыбаков, стройка пошла довольно резво.

В результате наших первых покупок, луг, отделяющий деревню от леса, превратился в сад. Увы, для этого пришлось скосить дорогие моему сердцу одуванчики. Пока сад выглядит неприглядно, но через пару лет здесь вырастет настоящий витаминный завод.

Новые огородные культуры вызвали множество споров среди населения. Однако староста топнул ногой, и даже несогласные принялись сажать кабачки с баклажанами, особый сорт огурцов, а так же невиданную ягоду со странным названием «томат».

Больше всего огородников удивила «культурная» малина, а я с круглыми глазами слушала рассказы о лесной. Пыталась представить какво это — ползать по чащобе с лукошком. Лично меня такие подвиги не воодушевляют.

Самой большой проблемой стали закупки мяса. Качество нашей говядины привело Косаря и всех стряпух деревни в шок. Стали прикидывать как бы купить... пару десятков телят. Я вообразила глаза соседей, когда начну затаскивать в свою квартиру мычащее стадо, и наотрез отказалась.

Ответ нашелся довольно быстро — кролики! Да, это не только ценный мех, но и вполне съедобное мясо, которое быстро плодится и питается банальной травой. Выслушав эту идею, Косарь сильно удивился. Пришлось везти его в частное фермерское хозяйство. И если к жизни города парень был довольно равнодушен, то на ферме восторгов не скрывал. Мы скупили всех крольчат. Ещё к ним добавились цыплята какой-то особой породы. Другой живности на ферме, к счастью, не было.

Через неделю поняла — моя жизнь превратилась в непрерывную торговую сделку: по ночам — продажа рыбы Ахмеду, днём — беготня по рынкам и магазинам с Косарем. Времени на сон минимум, про отдых вообще забыла.

И ещё, за этими заботами, даже не заметила, как выпала из привычного мира. Я больше не включала телевизор, интернетом пользовалась редко и только по делу. Даже мобильный был выключен и забыт, потому что единственный человек, с кем нужно постоянно поддерживать связь — Ахмед, но он уже без звонка приезжает.

С этими мыслями, я подошла к зеркалу и замерла в ужасе. Я и раньше красавицей не была, а теперь превратилась в существо чудовище: лицо осунулось, под глазами расцвели тёмные круги, нос обгорел, губы обветрились. Думаю, если бы на мне пахали, видок был бы лучше, причём в разы.

Под впечатлением, вывалилась на берег моря и замерла с распахнутым ртом. Только сейчас по — настоящему осознала, что пока устраивала продовольственный рай для отдельно взятой деревни, местные жители разбили у моего домика цветник, посадили небольшой сад и уже примеривались организовать огород. Мир за эти дни преобразился до неузнаваемости — расцвёл, обрёл новые, по — летнему яркие краски. В воздухе появились новые ароматы, а на одном из старых деревьев свила гнездо какая-то пичуга. Вокруг шумело море, к которому я больше не спускалась, над головой светил желтый кругляш солнца. Лёгкий солёный бриз ласково трепал волосы, целовал щёки.

Как странно, я ведь уже настолько привыкла к этой красоте, что просто перестала её замечать. Даже на тихой окраине королевства Ревмид умудряюсь жить в ритме мегаполиса. — Мне нужен выходной, — ошарашено прошептала я. — Срочно!

Я была готова сию минуту отодвинуть все заботы, нарядиться в купальник и принять позу звезды (благо рядом никого), но внутренний голос ехидно напомнил, что у меня есть минимум одно неотложное дело. Моряк, будь он неладен!

Отчаянно шмыгнув носом, я пошла переодеваться в «приличное», то есть в прабабушкину юбку. Местное население уже привыкло к облегающим джинсам, но Рогора травмировать не стоит, он и без того ненормальный.

Походы к моряку оставались единственной обязанностью не связанной с обустройством местного быта. Но я их ненавидела. Больной умудрялся меня раздражать даже в присутствии Косаря. Даже когда молчал, вызывал нервный тик и желание вогнать иглу шприца поглубже.

Почему я хожу к моряку под охраной в деревне не спрашивали, списали на причуды колдуньи. Только старостиха знала чуть больше остальных. А именно: моряк меня пугает и слегка бесит.

В этот раз мне предстояло топтать к Рогору самостоятельно — Косарь занят постройкой клеток для кроликов. Подозреваю, что в помощники к нему навязалась вся деревенская детвора. И это не удивительно — кролики вызвали в Вешенке настоящий фурор. Как же: заяц не под кустом, а в клетке. Невидадь! Диво дивное!

Зато сегодняшнее посещение моряка должно стать последним. Курс уколов кончился, а таблетки он и без меня проглотит. Авось не отравится. А если и отравится — не жалко.

Я сложила лекарства в матерчатую сумку и распахнула дверь.

Как говорится, сюрприз — это такой подарок, о котором твоя жертва даже не подозревает. Я не подозревала. Представить не могла. Так что сюрприз удался, а я чуть не сделалась зайкой.

Моряк, как ни в чём не бывало, стоял на пороге моей квартиры и широко улыбался. Огромный, как скала. Здоровущий. Я сразу почувствовала себя микробом, инстинктивно попятилась.

Он был одет в кожаные штаны странной выделки, широкую светлую рубаху нездешнего покроя и сапоги, подозрительно похожие на обувь старосты. Густая щетина бесследно исчезла, и хотя после болезни лицо исхудало, выглядел Рогор неплохо. Не красавец, но что-то есть...

Прежде чем я успела обрести голос и возмутиться вторжению, спросил:

— А где твой телохранитель?

Ой.

Даже не ой, а ой — ой — ой!

— Здесь, со мной, — тут же нашлась я. Порой, удачная ложь лучше удачной шутки.

— Жаль. Но я всё равно зайду.

Одним лёгким движением Рогор отодвинул меня в сторону и переступил порог. Отчаянно хотелось крикнуть «Караул! Убивают!», но от страха язык прилип к нёбу и сердце остановилось. Рогор тем временем, преспокойненько закрыл дверь на ключ, а связку спрятал в карман. В том, что мой обман разоблачён уже не сомневалась.

Мне стало по — настоящему дурно. Хамоватый моряк заметил, подмигнул.

Тут же осмотрелся и стянул вторую, обычную, связку, которая висела на гвоздике, чуть в стороне от двери. А мне пришлось опереться о стену, потому что ноги отказались повиноваться.

Рогор подошел близко — близко, наклонился, шепнул с таким видом, будто доверял мне государственную тайну:

— Веди, Настя.

— К — к-куда?

— В койку.

...Эти три шага были самыми долгими в моей жизни. Рогор шел следом, нависал, как грозовая туча. Едва вошли в спальню, моряк потянулся к ремню, а я зажмурилась, не в силах вынести это унижение.

Из оцепенения вывел насмешливый голос:

— Мне долго ждать?

— А?

Он лежал на моей кровати лицом вниз, над приспущенными штанами красноречиво сияли две упругие ягодицы.

— Укол, — ехидно напомнил Рогор. — Или ты надеялась на что-то другое?

Я вспыхнула факелом, покраснела до кончиков ушей. Боже, как нелепо! Как стыдно! Руки стали деревянными, голова — каменной. Мама дорогая, за что мне такой позор?

— Долго ещё? — и хотя в голосе моряка прорезались ворчливые нотки, улыбка кричала, что он готов смотреть на моё смущение вечно.

— Ладно, — справившись с испугом, пробормотала я. — Но этот укол ты запомнишь на всю жизнь, зараза.

Я сделала всё, чтобы Рогор испытал незабываемые ощущения, но он даже не пискнул.

— Чтобы окончательно победить болезнь, вам придётся продолжить пить лекарства. Моя помощь здесь уже не понадобится. — Вытащив из сумки два суконных мешочка, в которые пересыпала необходимые таблетки, отдала их Рогору. — Пить после еды, утром и вечером.

Он поднялся, не глядя сунул лекарства в карман. Присутствие такого громадного мужчины делало и без того небольшую спальню крохотной. Хорошо хоть кровать выдержала эту тушу, а ведь могла сложиться пополам.

— Ладно, — ухмыльнулся моряк. — Чем угостишь заморского гостя?

— Ключи отдай.

— Всему своё время, Настя. Мы ведь никуда не торопимся, верно?

После того, как Рогор подставил спину, бояться я перестала. Зла он точно не причинит,

зато нервы явно помотает. Эта догадка придала храбрости, я сумела взглянуть прямо, с дерзостью бойцового котёнка.

— А если там Косарь под дверью стоит?

— Постоит и уйдёт.

— Нет, он не уйдёт. Начнёт беспокоиться и злиться.

— Пусть злится, ему не помешает.

— Рогор!

Губы моряка дрогнули. Улыбка, которая и так держалась на них словно приклеенная, стала шире.

— Не кипятись, Настя. Давай посидим, поболтаем. Чаю попьем, в конце концов.

— Ты... Ты знаешь что такое чай?

— Пробовал пару раз, — отозвался Рогор и, не дожидаясь пока выйду из ступора, двинулся на кухню.

Если он ещё и чайник включит, то я позвоню 03 и прыгну в руки санитаров. И решетки на окнах меня не остановят.

Но к чайнику моряк не притронулся, просто водрузил свой зад на табуретку и замер в ожидании. Даже вздрогнул, когда электрический кувшинчик зашипел, подогревая воду. А когда я вручила ему дымящуюся кружку, слегка скривился. Значит, если и пробовал этот напиток, то не сильно проникся.

— А может кофе? — осторожно предложила я.

— Нет!

Интересно, интересно... И когда ж это Рогор успел приобщиться к благам нашего мира? И главное — где?

— Был у нас один колдун, — пояснил моряк. — Потом сгинул ни с того, ни с сего. Умер, наверно.

— А «у нас» — это где?

— В Горанге.

Очень информативно, просто с ума сойти.

Следующий вопрос задать не успела — дверной звонок разразился неистовым щебетом. От неожиданности подпрыгнула, Рогор тоже перепугался. Гадкая улыбочка наконец-то исчезла с его лица.

— Ко мне пришли, — не без злорадства сообщила я.

— Как пришли, так и уйдут, — неожиданно парировал Рогор. — Ты лучше вот что скажи... Ты действительно замуж не собираешься?

Ну вот! Опять двадцать пять! Что за игру затеял этот черноглазый бес?

— Нет.

— А Косарь об этом знает?

— Причём здесь Косарь?

Голос моряка прозвучал по — бандитски хрипло:

— Ты действительно слепая или притворяешься?

— Мы с Косарем друзья, — неуверенно ответила я.

— Вот как? — и снова эта улыбочка, чёрт бы её побрал! — Он думает совсем иначе. А деревенские уже подарки к свадьбе готовят...

— Что?! Какие ещё подарки?

Мой вопрос потонул в новой нетерпеливой трели. Раньше дверной звонок не казался

столь громким. Моряк отставил кружку, сам придвинулся. Его глаза утратили ехидные искорки, это всерьёз насторожило.

— Настя, тебе действительно нравится такая жизнь?

— Что? Какая?

— Ты ведёшь себя как мелкий купчишко. Это недостойно, Настя. Перед тобой целый мир, а ты занимаешься глупостями.

— Любая работа достойна, — отчеканила я. В глубине души вспыхнула злость.

— Согласен. — Рогор был предельно серьёзен. — Но если можешь добиться большего, размениваться на мелочи — преступление.

Я смерила моряка пристальным взглядом. Ответный вопрос прозвучал не слишком вежливо:

— И что же мне делать?

— Уходи. Уходи из этого, — он обвёл глазами кухню, — мира.

Такого предложения я не ожидала.

— Ну уйду, а дальше-то что?

— Запри эту проклятую дверь и выброси ключ.

— С ума сошел?

В третий раз звонок не чирикал, а орал. Причём надсадно и крайне противно. Едва смолк, на дверь обрушился град ударов, они звучали гораздо громче, у меня даже уши заложило.

— Отдай ключи, — я требовательно протянула ладонь. Рогор сомневался несколько секунд, после встал и сам направился к двери.

Он спокойно вставил ключ, повернул. Мгновенье мной владела надежда — моряк благоразумен, он решил уйти в свой мир, оставить наедине с настырным гостем. Но когда дверь распахнулась, вместо ветхой лачуги взгляду предстала...

— Настя! — возопила разъярённая темноволосая женщина, в которой не сразу узнала сестру. Настроение и без этого было не слишком радужным, теперь упало в бездну. — Настя!!! Как ты посмела!

Натка будто не заметила Рогора, оттолкнула, промчалась в кухню. Её глаза метали молнии, на щеках алел недобрый румянец, а кулаки выглядели крайне опасно.

— Что ты себе позволяешь?! Что ты здесь устроила?!

— Я...

— Как только додумалась? Как посмела?! Вот для чего тебе отдельная квартира понадобилась!

— Для че...

— Притон! — проревела Натка. Показалось, ещё немного и сестрица ударит себя кулаком в грудь, окончательно уподобится разъярённому Тарзану. Увы, вместо этого, удар получила я... Пощёчина оказалась до того звонкой, до того болючей, что звёздочки перед глазами вспыхнули. — Наркоманка! Проститутка! Что, думала мы не узнаем? Мать третий день в слезах! Отец чуть инфаркт не схватил!

— Я...

— Молчать!

Рука Натки снова взметнулась в воздух, новая пощёчина оказалась ещё больней.

Я попыталась вскочить, объяснить...

— Сидеть!

Я никогда не умела спорить. И ещё... мне с детства внушали, что старшую сестру нужно слушаться. Во всём.

— Вот значит как! — продолжала бесноваться Натка. — Мы там ютимся, а ты тут... проститутка! Посмотри на себя! Во что ты одета! Это что? Бабкины вещички? Свои уже пропила, да? Ну ты и мразь, ну ты...

— Хватит.

Голос Рогора прозвучал подобно громовому раскату. Натка вздрогнула, а через секунду молнии в её глазах стали злей, кулаки снова сжались. Всё... пощёчины закончились, сейчас начнётся страшное.

— А вот и наш хахаль! — протянула сестра. Взгляд, которым она одарила моряка, мог оплавить гранит. — Ну и чучело!

Рогор благоразумно молчал.

— Мда... Хорошо устроилась, сестричка. Мы там ютимся, а ты здесь козла какого-то обхаживаешь. Проститутка...

— Хватит, — повторил черноглазый. В его голосе было столько холода, столько власти, что Натка попятилась.

Натка испугалась? В это поверить сложнее, чем в волшебный ключик и параллельный мир.

— Хватит, — в третий раз это слово прозвучало совсем жутко.

— Ка... Как ты смеешь? — орать Натка перестала, перешла на менторский тон.

— Смею.

Лицо Рогора превратилось в камень. Я бы поостереглась стоять рядом с ним, но Натка всегда отличалась смелостью. Гордо задрав подбородок, сестра приготовилась сказать что-то обидное.

— Молчи, — приказал моряк. — Единственное, что тебе сейчас дозволено — извиниться перед Настей.

Сестра пошла пятнами. Я, кажется, тоже.

— Не надо, — пробормотала я. — Не надо извинений. Я всё объясню. Натка, ты неправильно поняла. Это не притон. У меня всё хорошо, я работаю.

— Да?..

— Работаю, — торопливо повторила я. — И...

Рогор смотрел возмущённо. Наконец, не выдержал:

— Зачем ты оправдываешься? Перестань!

— Я...

— Чёрт бы вас побрал, — пробормотала Натка.

Стоило Рогору сдвинуться с места, сестра рванула к выходу со скоростью баллистической ракеты. А я осталась в полном недоумении.

Натка сбежала. Даже не отчитала как следует. Разве так бывает? Нет. Не бывает. Мне померещилось. А может я действительно наркоманка и проститутка? Может королевство Ремвид, домик у моря, Рогор — всего лишь галлюцинации? Или я без всяких наркотиков... сошла с ума? От бесконечных унижений и нищеты...

— Чего хотела эта женщина?

— А?

Я вздрогнула всем телом. Рогор сидел напротив, на той же табуретке, сжимал в ручищах чашку. Чай ещё не остыл, от него по — прежнему шел едва заметный парок.

— Квартиру...

Брови моряка чуть приподнялись, пришлось пояснить:

— Квартира принадлежала моей прабабушке, она умерла полтора года назад. Всё имущество баба Саша отписала мне.

— Желание умершего — закон.

— Знаю. Но у Натки... У неё уже семья. Муж, дочка маленькая. Они хотели переехать сюда, а я... Знаешь, впервые в жизни решила настоять на своём.

— Почему?

Рогор задал самый большой вопрос, сердце сжалось. Я не смогла совладать со слезами, крупные, горячие капли покатались по щекам. Ненавижу плакать на людях, я и без того выгляжу жалко.

— Бабушка просила. И не просто просила, умоляла. Последние полтора года, когда она чахнуть начала, к ней только я и ездила. А она словно чувствовала, твердила постоянно: тут ты обретёшь настоящее счастье. Баба Саша очень хотела, чтобы я была счастлива. Сейчас мне кажется, она единственная, кто действительно любил меня.

А Натка... Натка живёт с родителями. У них четырёхкомнатная квартира, большая, в сталинском доме... И коридор большой, племяшка на велосипеде по нему гоняет...

— Не плачь, — прошептал моряк. — Всё образуется.

— Нет. Я зря ослушалась. Зря переехала в эту квартиру.

— Это говоришь не ты, а твои слёзы.

Где-то, на грани рассудка, я понимала — моряк прав, но визит Натки, мой сбивчивый рассказ, всколыхнули самые жуткие воспоминания. Казалось, снова переживаю похороны бабы Саши и ужасный скандал, который последовал за ними.

— Видишь, — вновь заговорил черноглазый, — тебе нельзя здесь оставаться. Этот мир не для тебя. У нас лучше.

Рассуждения моряка вызвали лёгкую улыбку, истончили пелену слёз.

— В твоём мире я нужна до тех пор, пока работает эта дверь. Кто я без ключа? Никто.

— Ты не права, Настя. Ты обладаешь знаниями, которых нет у нас. Они гораздо важнее лопат и тяпок. Ты можешь переехать в столицу...

— Не смей!

— Не веришь? Тогда пойдём со мной.

— Куда? На борт вёсельного судёнышка? Матроской?

Тут же представила себя в тельняшке и шапочке с заливчатской лентой. Стильно, ничего не скажешь.

— Отдай ключи, — устало попросила я. — Мне пора возвращаться в... в твой мир.

— Я провожу, — отозвался Рогор.

Чёрт, этот парень издевается? Или он всерьёз решил поухаживать? Смешно, ничего не скажешь. Впрочем, мужская глупость и не на такое способна.

Волшебный ключ привычно открыл дверь в лачугу. Она была пуста. Увы, Косарь не дежурил под дверью. Видимо, мой компаньон по — прежнему строгал доски и строил клетки для кроликов.

Моряк без лишних слов вернул обе связки, одарил печальным взглядом и побрёл прочь.

— Кстати, а зачем ты всё-таки приходил?

Рогор развернулся, замер. А потом в один шаг оказался рядом и сгрёб в охапку. Хотела крикнуть, но воздух в лёгких вдруг кончился, ноги подкосились, а в голове зазвенели тысячи

колокольчиков.

Я не поняла: то ли он сам наклонился, то ли приподнял меня, но наши губы неожиданно встретились, мир померк. Реальность закружилась в бешеном ритме и рассыпалась в прах, когда Рогор отстранился.

— Ты принадлежишь мне, — чуть слышно прошептал черноглазый.

И тут я очнулась.

— Что?!

— Ты принадлежишь мне, — повторил моряк ласково.

— Да неужели? — заорала я. — С чего ты это взял? Я что, по — твоему, вещь?

На заносчивой физиономии проступило лёгкое удивление, во взгляде появилась настороженность. Я попыталась высвободиться из кольца рук, но не смогла — слишком крепко держит, зараза!

— Ты ответила на поцелуй, — сказал Рогор.

— Это было минутное помешательство, кретин!

— Кто? — окончательно опешил черноглазый.

— Пусти меня, засранец! — Капкан ослаб и я, что было сил, рванулась в сторону. — Ты отвратительный, мерзкий, совершенно неинтересный тип! Понял?

Моряк стоял как громом пораженный, хлопал глазками и не дышал. А я — решительная и независимая — круто развернулась и шагнула к двери. Но меня настигли, развернули обратно и припёрли к стенке, в прямом смысле. В чёрных глазах полыхал очень недобрый огонь...

— Ты ответила на поцелуй, — вкрадчиво сообщил моряк, — значит, я тебе нравлюсь.

Ого! В наших мыслях появилась логика!

— Не нравишься. А если не отпустишь: я закричу, явится Косарь и свернёт тебе шею.

— Он не услышит. Он слишком далеко.

Резонно. А котелок у парня варит... в отличие от моего.

— Отпусти.

— Как хочешь, — бесцветно ответил он. И действительно отпустил.

Я осталась в одиночестве, у распахнутой двери междумирья.

Чёрт, ну почему мне так не везёт? Опять напоролась на самонадеянного типа с длинными ручищами. И откуда такие берутся? Дайте автомат — всех расстреляю.

Утро началось с истерики.

Едва я, вооруженная длинным списком нужных вещей, распахнула дверь, на меня набросился Косарь.

— Ты говорила с этим гадом? Наедине?!

И хотя полночи промучилась воспоминаниями о встрече с Рогором, не сразу сообразила, что речь о нём.

— Откуда ты знаешь?

— Что?! — взревел Косарь.

Упс. Наверное, надо было сперва признаться, потом покаяться, а уж в самом — самом конце спросить откуда дует этот ветер.

— Извини. Он сам пришел.

Чёрт, что со мной? Ещё один глупый ответ и Косарь меня по стенке размажет.

— Зачем ты егопустила?

— А у меня выбора не было.

Показалось, из ноздрей Косаря вот — вот повалит дым, а его нога с минуты на минуту взроет доски, как простой песок.

— Ты хоть понимаешь, что натворила? Ты понимаешь, что это опасно?

Я пожалала плечами. Конечно понимаю, но сделанного не воротишь. К тому же, ничего ужасного не случилось, так о чём волноваться?

— А если он расскажет о тебе, о твоём колдовстве? Знаешь, что будет?! Ищейки архиепископа тебя живьём закопают! И нас заодно!

— Погоди... а он разве...

— Да! — воскликнул Косарь, грозно потрясая кулаками. — Он ушёл! Он ушёл, чтобы выболтать наши секреты!

Ушёл. От этой новости внутри что-то оборвалось. А ведь он говорил... а я не обратила внимания. Впрочем, какая разница? Мне судьба моряка совершенно безразлична.

— Нет, Рогор никому не расскажет, — уверенно ответила я.

— Ещё как расскажет!

— Нет. Я чувствую, я знаю. Он не проболтается.

Что-то в моём облике заставило Косаря отступить. И хотя парень по — прежнему выдыхал огонь, стало ясно — буря миновала. Его голос прозвучал сдержанно:

— Он просил передать, что вернётся за тобой.

— Чего? — изумилась я.

— Ничего, — пробубнил Косарь, явно довольный моей реакцией. — Я ему лодку продал.

— Продал? А у Рогора что же, и деньги были?

— Были. Когда выловил, у него кошель на поясе болтался. Я в него не заглядывал, но мешочек увесистым был. И вот он этими монетами с деревней расплатился, за лечение, за постой. И со мной, за лодку. Только лучше бы просто так ушёл, без благодарностей.

— Почему?

— Да потому... Потому, что монеты эти не нашенские. Рогор, оказывается, из Горанга.

— А что это? — насторожилась я.

— Горанг! — выпалил Косарь, с таким видом, будто я должна сразу понять и грохнуться в обморок. Но я падать не собиралась, только глазами хлопала. Наконец, деревенский здоровяк сдался. — Соседнее королевство. Плохое королевство. Там... Там люди такие... страшные. Да и вообще...

— Ты можешь объяснить?

Парень помялся, ответил нехотя:

— Горанцы не умеют жить мирно, всё время с кем-нибудь воюют. Два года назад и на нас напали, половину северных земель разорили. Скольких убили — даже подумать страшно. И дерутся нечестно. У них... маги. Не такие как ты, настоящие. И молнии из пальцев пускают, и огненные шары выдыхают... Придёт такой маг в селенье, рукой махнёт и всё, одно пепелище осталось. А потом вороньё на печёное мясо слетается...

Вот те на! Час от часу не легче!

— А у вас, у Ремвида, магов нет?

— Откуда им взяться? — Косарь пожал плечами. — Раньше у нас колдуны вроде тебя были, но они в войне не помогали, чуть что — прятались. А настоящие маги тут не рождаются, земля не та. Источник магии только в Горанге есть, вот они и зверствуют. Горанг от нас податей требует...

Ох, ну и мирок. А с виду такой простой, такой милый.

— А далеко до Горанга?

— Отсюда? Отсюда далеко. Он с севера к Ремвиду примыкает.

Ну, хоть одна хорошая новость.

— Да ладно, не грусти! — сжалился Косарь. — Если и впрямь войной пойдут, за дверью своей спрячешься и всё. И моряк этот вряд ли до Горанга доберётся, особенно на лодке. Там и рифы, и течение такое, что не всякий вёсельный корабль справится.

— И архиепископу Ремвида Рогор ничего не скажет, — в тон продолжила я, — он ведь горанец.

Косарь заметно смутился. Маленькая ложь, с которой здоровяк начал этот разговор, выглядела теперь очень глупо. А я ведь и вправду поверила, испугалась. Может он и в остальном лукавил?

Допустим, в Горанге действительно есть маги. Допустим, это воинственное королевство и впрямь хочет поработить Ремвид. Но почему эта история всплыла только сейчас? Почему местные жители ведут себя как ни в чём не бывало?

Вывод один — у Косаря крыша от ревности подвинулась, вот и начал запугивать. Вывести его на чистую воду не сложно, но делать этого не следует, иначе совсем с катушек слетит. Притворюсь, что поверила, отряхнусь и пойду дальше.

— Ладно, хватит об этом, — скомандовала я. — У нас дел по горло.

Парень смерил придиричивым взглядом, прищурился.

— Ты бледная. Тебе бы отдохнуть...

— Обязательно отдохну. Завтра. А сегодня есть дела поважнее.

Мы действительно устроили выходной, но случилось это только через неделю.

К тому времени деревенские успели достроить сарай, а мы с Косарем купили несколько тонн соли и сахара. Приволокли несколько коробов спичек и мыла, которое вызвало в деревне фурор — до моего появления вешенцы и понятия не имели о столь полезном девайсе. И массу другого полезного барахла.

Отдельной песней стала покупка стеклянных банок, крышек и закаточных машинок. Ну

и соответствующее обучение местных, конечно. Женщины, кажется, не поверили, что законсервированные продукты можно хранить несколько лет, но рецепты и технологию записали.

К слову, грамота в этих краях оказалась распространённым знанием, только я прочесть их каракули не смогла. Странно: говорить с населением могу, а вот читать — никак! Наверное, это как-то с действием портала связано.

Ещё нам удалось купить партию нормального мяса. В этом деле, что совсем неудивительно, помог Ахмед. После мы договорились об оптовых поставках простейшей ткани, которую можно выдать за текстиль домашнего производства, чтобы попробовать продать на местной ярмарке. Ведь, как ни крути, внутренняя валюта тоже нужна, на всякий случай.

Досок и прочего строительного мусора тоже накупили выше крыши. В этот раз в экстазе было всё мужское население деревни. Косарь гордо рассказывал соотечественникам о волшебных свойствах листового железа, впрочем, предлагал сверху застилать его соломой, для конспирации. То же относилось к другим... специфическим материалам. Народ слушал и кивал.

Косарь вообще не переставал меня удивлять. Он действовал очень точно, очень грамотно. Из всего многообразия благ моей цивилизации выбирал только важное. Ни одного шага в сторону не сделал, будто для него не существовало соблазнов. Кроме джинсов, конечно. И что особенно радовало — Косарь всерьёз думал о конспирации.

Если б ни его заботы, я бы вырастила на месте Вешенки пряничный городок, с блестящими крышами и пластиковыми окнами. А так... внешне деревня почти не изменилась, только сад появился и всё.

В первый выходной, я, наконец, выспалась. После лёгкого завтрака, надела купальник и отправилась к морю.

Армия, которая занималась моим огородом и бытом (добрые деревенские жители начали возводить для меня нормальный дом, рядом с лачугой) была отослана восвояси. Косарю была поручена торговая разведка в ближайшем городе королевства, а я, в кои-то веки, осталась одна!

Последние несколько дней солнце палило нещадно, вода превратилась в парное молоко. Сбросив лишнюю одежду, я рыбкай занырнула в море и плавала, пока губы ни посинели. Морской воздух пьянил, солнце сладострастно ласкало кожу, кружило голову. Каждая клеточка моего тела понимала — я в раю!

Я улеглась на берегу, приняла позу звезды и попыталась представить своё будущее.

Наше общение с Ахмедом приносит довольно крупные дивиденды, дело налажено. Не рыба — явление сезонное, нужно найти другие товары для продажи. Осенью, например, можем попробовать торговать белыми грибами, их здесь тонны. Поделки местных жителей легко маскируются под изделия народных промыслов моего мира, хотя зарабатывать на подобных сувенирах трудно. Сбор целебных трав тоже не самое прибыльное предприятие, хотя... копейка рубль бережет, как говорится. Если собрать воедино весь мелкий бизнес, можно неплохую империю построить.

Но главное — я могу восстановиться в институте. Денег хватает. И совместить учёбу с работой будет теперь гораздо проще.

Чёрт, а я и не знала, что жизнь может приносить столько удовольствия!

Только откуда это гнетущее чувство, будто забыла о чём-то важном?..

Возвратившись домой, нашла и включила мобильный телефон. Экран нехотя мигнул красочной заставкой, а спустя пять минут завизжал, как до смерти испуганный поросёнок. Сообщения о непринятых звонках посыпались лавиной. Надо же... Кто же так сильно скучал?

Будто подслушав мои мысли, телефон разразился новой нетерпеливой трелью. Определитель выплюнул на экран лаконичную надпись: «Артём, админ». Поколебавшись, нажала кнопку приёма и услышала:

— Алло! Настя! Привет!

— Привет, Артём, — бодро ответила я.

— Ты почему на звонки не отвечаешь? Я уже беспокоиться начал! Как поживаешь?

— Нормально.

После недолгой, но красноречивой паузы, Артём сказал:

— Знаешь, я извиниться хотел. Неправ был. Зря тебя уволил. Может вернёшься?

— Нет, — отчеканила я. Но тут же взяла себя в руки, объяснила: — Я нашла другую работу. Платят неплохо, так что...

— Ладно... Но за деньгами хотя бы заедешь? Ты ведь не думала, что действительно без зарплаты оставлю?

Я колебалась недолго:

— Конечно. Когда приехать?

— А давай сегодня? Сейчас половина третьего... К пяти сможешь?

— Смогу, — с улыбкой ответила я.

Разговор оборвался, оставив после себя странное ощущение.

С одной стороны, извинения Артёма приятны, с другой... наше расставание относится к тем эпизодам жизни, о которых хочется забыть раз и навсегда. У меня холодок по спине побежал, едва вспомнила тот бесконечно далёкий день, и старая привычка выиграла: мысленно начала оправдываться перед администратором, перед Ленкой, перед блондинкой...

Я ведь действительно сплеховала. И Артёма под неприятный разговор подставила, и блондинке аппетит испортила. Нужно было промолчать, или другие слова найти, а я... Что обо мне теперь думают? Презирают, наверное. Нужно извиниться, торт какой-нибудь подарить...

И ещё нужно извиниться перед сестрой. Она ведь не просто так примчалась, беспокоилась за меня. И вспыхнула не на пустом месте, от страха.

Наскоро одевшись, побежала в цветочный магазин. Мой заказ поставил продавщицу в тупик. Пришлось звонить Ахмеду.

Выслушав вопрос, торговец мгновенно включил фальшивый акцент, ответил:

— Вай, дарагая! Сотня алых роз? Да лэрко!

— А доставку сделать сможете?

— Для тэбя — хоть Луну с нэба!

— Отлично! Я очень — очень на вас надеюсь! А записочку в букет вложите?

— Канэшна!

Фух... Одним важным делом меньше. Может, получив подарок, Натка оттаёт и перезвонит? Даже если не простит, на душе станет чуточку спокойней. А за год — другой накоплю достаточно денег и куплю ей отдельную квартиру. В два раза больше этой.

Следующим номером программы стал поход к парикмахеру. Угрызения совести тяжелы,

но предстать перед бывшими коллегами замухрышкой совсем не хочется. За какой-то час из меня слепили вполне симпатичную девицу, осталось только одеться и накраситься.

Благодаря настойчивому Косарю, в моём гардеробе появилось несколько очень приличных вещичек, но с одеждой решила не рисковать. Надела джинсы и лёгкую белую блузу. Скромно, но со вкусом. Сунула в карман мобильник и несколько купюр — таскать с собой сумочку неохота, не сегодня. Чуть — чуть подвела глаза, подкрасила губы и выпорхнула за дверь.

— Настя?

Ох уж мне эти встречи, одна другой лучше... Но голос Марии Петровны прозвучал так приветливо, так ласково, что я даже нахмуриться не смогла.

— Здравствуйте, — я кивнула соседке, одарила её широкой улыбкой.

— Ой, какая ты сегодня красивая! Собралась куда?

— Нужно заехать на старую работу.

— Надолго?

Я невольно насторожилась, ответила не сразу:

— Как получится.

— Ты не пугайся! — Мария Петровна расплылась в улыбке. — Просто сантехник вечером заглянуть должен, сток проверить. А то ведь у нас с тобой первый этаж, всё к нам льётся. Ежели чего засорится, как пойдёт вверх без предупреждения...

— Да, да, — перебила я торопливо. Слушать подробности о том, как чего бурлит, пахнет и выливается на паркет, совсем не хотелось, а для Марии Петровны эта тема была одной из любимых — старушка тридцать лет прожила на первом этаже, вопрос изучила досконально.

— Он вообще-то раньше обещался, но где-то авария, так что задерживается. Ты мне ключи оставь, на всякий случай. Я впущу, если придёт. И присмотрю, конечно.

Я и раньше доверяла соседке ключи, но учитывая новые особенности моей двери, вручать Марии Петровне связку было страшновато.

— Ты носишь с собой два комплекта? Зачем? — искреннее удивилась соседка.

— На всякий случай. Вдруг один потеряется.

— А... — многозначительно протянула Мария Петровна.

Под её пристальным взглядом, я запихнула связку с волшебным ключиком в карман, и уже развернулась, чтобы уйти, но любопытная соседка не отпустила.

— А где же твой ухажёр?

— Какой ухажёр?

— Светленький такой. Большой. Или у тебя ещё какой есть?

Интересно, когда я состарюсь, тоже буду приставать к молоденьким соседкам и выспрашивать? Или ограничусь простым подглядыванием в дверной глазок?

— У себя, — тихо ответила я. — Дома. Только он не ухажёр...

— Ну конечно! — понимающе воскликнула старушка, озорно подмигнула. И продолжила, снизив голос до заговорческого шепота: — Ладно, потом поболтаем. А то у меня там каша выкипает...

Благодаря Марии Петровне, тортик купить не успела. Так и явилась — с пустыми руками и виноватыми глазами.

Ресторан, в котором проработала целых три месяца, ничуть не изменился. Все тот же полумрак, лёгкий запах сигаретного дыма, смешанный с ароматами кухни. Унылый бармен

лениво трёт стаканы, одинокий посетитель ковыряет салат, периодически прикладывается к пузатой кружке пива. У барной стойки две девчонки в белых накрахмаленных передниках. Одна усиленно тычет пальцем в кнопки мобильного, вторая считает мух.

— Ленка? — тихо позвала я.

Официантка оторвалась от арифметических упражнений, недоумённо взглянула на меня. Через секунду узнала, хорошенькие губки сложились бантиком, в глазах вспыхнули смешинки.

— Настюха! — взвизгнула девушка, бросилась ко мне.

В горячих объятьях Ленки едва не расплакалась.

— Стой тут! — скомандовала подруга. — Сейчас Артёма позову! Или пройдёшь в кабинет?

— Нет, лучше здесь. Может кофе выпьем? Посетителей всё равно нет.

— Не могу... — вздохнула Ленка. — Сама понимаешь... инструкция, правила...

— Ладно. Зови Артёма.

Она умчалась, а я махнула второй девушке, попросила чашечку «эспрессо». Не знаю что на меня нашло, но присела именно за тот столик, с которого начались мои приключения. От осознания того, что по этой столешнице недавно растекалась собачья лужа, стало чуточку противно.

Прибежал всклокоченный Артём. Со времени последней встречи, администратор заметно поправился. Если бы он не предложил вернуть деньги, решила бы, что на мои кровные отождрался.

— Как поживаешь? — выдохнул Артём, подсаживаясь за столик. — Хм, ты загорела? Отдыхать ездила? Куда?

— Да так. Это не отдых, скорее командировка.

— А... — завистливо протянул парень. — Новая работа...

В его руках появился тощий белый конверт. Голос администратора прозвучал гордо:

— Здесь всё. И чуть — чуть премии.

Мда... После пачек, которые каждую ночь вручает Ахмед, конвертик не впечатлил. Только эти деньги дались гораздо трудней. Они ценнее. Но главное не в этом...

— Артём, ты извини меня. Я ведь в самом деле решила, что не заплаतिшь. Мне так стыдно теперь. Стыдно, что подумала о тебе плохо.

— Настя! Ну я же не вор какой-нибудь! — администратор посмотрел выжидательно, потом продолжил: — Вот недавно один клиент ноутбук у нас забыл...

И снова пауза. Липкая какая-то, неприятная.

— И?... — подтолкнула я.

— Я вернул. На следующий день вернул. Я ведь не вор. Понимаешь?

Интонации Артёма изменились, но эти перемены были едва заметны.

Я украдкой огляделась. Ресторан пуст, единственный посетитель уже допил пиво и исчез. За витринными окнами обычный пейзаж, у входа припаркована пара невзрачных автомобилей. Никаких признаков взбалмошной блондинки, которой когда-то принадлежали ключи от сказочной лачуги.

Может и намёк Артёма померещился?

Призвав всю наглость, на которую способна, я выдавила из себя улыбку, сказала:

— Я отойду на минутку, ты не против?

— Куда?

— В туалет, — заговорчески прошептала я.

По лицу администратора пробежала тень беспокойства.

— Сейчас точно конфуз случится, — добавила я, сделала большие глаза.

— Ну так беги! — вдруг развеселился Артём.

Боковым зрением заметила — за окном промелькнуло что-то красное. Отчаянно хотелось повернуть голову, но я заставила себя смотреть прямо.

Стараясь держаться непринуждённо, встала и поспешила в уборную. Подмигнула Ленке и её новой напарнице, махнула рукой бармену, он как раз выставлял на стойку мой «эспрессо».

За занавеской, отделяющей комнаты с буквами «М» и «Ж» от ресторанный зала, свернула влево. Оказалось, одинокий посетитель ещё не ушёл, он деловито застёгивал ширинку и очень удивился, увидев меня.

— Девушка, это мужской туалет!

— Знаю, — сообщила я, проскальзывая в последнюю кабинку.

К счастью, и здесь всё осталось по — прежнему. Единственное окно, через которое в ресторан пару раз залезали воры, так и не удосужились зарешетить. Всё-таки в скупости Артёма есть свои прелести.

Я распахнула створку, подтянулась, взбираясь на высокий подоконник. Окно выходило во двор, маленький и захламланный. Спрыгнув на кучу мусора, едва не подвернула ногу.

Ну всё. С меня хватит. Это последнее приключение. С завтрашнего дня становлюсь затворницей. Общаться буду только с Ахмедом и вешенцами. Видимо прав был моряк, когда говорил, что этот мир не для меня. А я, глупая, не поверила.

Оказавшись на улице, сразу заметила красный «Феррари», припаркованный у входа в ресторан, развернулась и поспешила к метро.

Адю, Артём. Больше ты меня не увидишь.

Чёрт, какая я всё-таки глупая. Доверяю каждому встречному — поперечному, смущаюсь по любому поводу, соглашаюсь со всеми. Потом ещё удивляюсь, почему жизнь складывается так, а не иначе. Правильно говорила Ленка — характер нужно воспитывать, переступать через себя, если потребуется.

Вот послала бы Артёма куда подальше, и ничего бы не случилось. Не было бы этого неприятного разговора, не было бы угрызений совести. А теперь что? Чувствую себя воровкой. Он ведь нарочно это слово выбрал.

А блондинка, стало быть, поняла, где ключи потеряла. И хуже всего то, что о волшебных свойствах ключа знает, иначе не примчалась бы. Не стала бы уговаривать Артёма заманить меня на встречу.

Чёрт, я ведь и конверт с последней зарплатой не забрала! Дура. Дважды дура.

И что теперь будет?

Блондинка — девушка с большими возможностями, это невооруженным глазом видно. Значит, рано или поздно, меня найдут и, в лучшем случае, отберут ключи. В худшем, и самом вероятном, ещё и прикопают в каком-нибудь лесочке.

Нужно что-то придумать, причём срочно. Жаль, посоветоваться не с кем, разве что с Косарем. Только задача эта не для его интеллекта, деревенский мачо подобный ребус не решит. Может Ахмеда спросить? Этот без труда проворачивает такие аферы, рядом с которыми моя проблема — чих.

Неожиданно ожил мобильный, запел знакомую мелодию. Глянув на экран, невольно

улыбнулась, ответила:

- Привет, Ахмед! Только что о тебе вспоминала. Долго жить будешь.
- Очень на это надеюсь, — отозвался южанин хмуро. — Ты где сейчас?
- Из метро вышла, к дому подхожу.
- Тогда слушай внимательно. У нас проблемы...

Как нас нашли — не понимаю. Ахмед уверял, что продаёт эту рыбу только проверенным клиентам, причём о существовании некой Насти молчит, как партизан. Обо мне только узкий круг его родственников знает, но они скорее умрут, чем выдадут — я слишком ценный партнёр, слишком много денег приношу.

Если люди Ахмеда не причём, тогда кто?

Я никому про контрабанду не рассказывала, только жителям Вешенки. Но проще уверовать в непорочное зачатие соседской кошки, чем поверить, будто мои друзья из параллельного мира сообразили позвонить в ОБЭП и Роспотребнадзор...

Финансовых следов мы с Ахмедом не оставляли. Он рассчитывался наличным, я тоже деньгами не «светила», все крупные покупки совершала через того же Ахмеда. Только один раз связалась с банком — завела крошечный счёт, там всего-то двести тысяч, на учёбу. Не думаю, что эта сумма могла стать поводом для таких неприятностей...

Впрочем, когда в гости едет пара автобусов ОМОНа и чёртова прорва всевозможных инспекторов, это не неприятности, а катастрофа. Причём с большой буквы.

Чёрт, ну что за день сегодня?

Я мчалась к дому как укушенная. Нужно срочно предупредить Косаря об отмене ближайшей сделки, а самой спрятаться на морском берегу. Иначе быть мне в наручниках, спать на казенном матрасе.

Спрячусь, пережду бурю, через месяц — другой вернусь. Заодно придумаю новую, безопасную схему, может быть пойму, где прокололись. А там, глядишь, всё снова наладится. К тому же, если сидеть ниже травы, то и блондинка вряд ли отыщет. Чёрт, наверное, эта катастрофа к лучшему! Вот только...

У двери подъезда встала столбом. Связка волшебных ключей в кармане, а вот обычные ключи у Марии Петровны остались, без них в подъезд не попасть.

Обращать на себя внимание соседки не хочется, но деваться некуда. Пришлось позвонить в домофон. Время будто остановилось, гудки казались бесконечно долгими, тягучими, как расплавленная карамель. Мария Петровна не ответила.

Я позвонила ещё раз — ничего. Неужели проклятый сантехник уже пришел и соседка теперь торчит в моей квартире? И как в этом случае воспользоваться волшебным ключом?

В другой квартире тоже не ответили, и в третьей, и в четвёртой. По телу пошла нервная дрожь, коленки начали подгибаться. Что делать? Бежать?

Рядом пискнуло и дверь, наконец, открылась. Ещё одна пенсионерка, кажется с третьего этажа, медленно выплывала на улицу. Перед ней тянула поводок растрёпанная серая собачонка. Меня мгновенно облаяли, а когда прошмыгнула в подъезд — ещё и обматерили. Я искренне хотела извиниться, но слова застыли в горле, а ноги всё-таки подогнулись. Преодолеть три ступеньки, отделявшие от лестничной клетки, не смогла.

— Ч... Ч... Ч... — единственное, что сумела сказать.

Завидев меня, Натка упёрла руки в бока и раздула щёки, чем напомнила простую русскую бабу, поджидающую заведомо пьяного мужа. Рядом с ней мило улыбалась Мария Петровна, старушка походила на сухонького ангела. Этот разговор начала именно она:

— Настенька! Как хорошо, что ты вернулась! Мы уже отчаялись дожидаться! Почему ты так задержалась? Вот, сестра твоя вся извелась. Я ей дверь открыла, не чужой ведь человек...

Сестра не выдержала. Она вообще не умеет молчать.

— Только попробуй возразить! Только попробуй!

— Да, — подхватила Мария Петровна, продолжила невпопад: — Молодая девушка не должна жить одна. Это опасно. Кругом столько маньяков!

— Молодая девушка, — выпалила Натка, — должна слушать старших! А ты ведёшь себя как законченная эгоистка!

— Ты ведь понимаешь, Настенька, это для твоего же блага. Не противься. Наташенька мне всё рассказала. Переедешь к родителям, вернёшься в институт. Всё наладится, вот увидишь.

— Вернёшься, вернёшься! — глаза Натки полыхнули огнём. — Ещё как вернёшься!

— Правильно, — кивнула соседка. — А то мало ли. Знаешь какие нынче времена?

— Хватит! — крикнула я. — Хватит!

Натка вскинулась, как бойцовая собака, но Мария Петровна её удержала. В напряженной тишине мой голос прозвучал как удар молотка, возвестившего, что крышка гроба заколочена:

— Где моя дверь?

Брови сестры взлетели на середину лба.

— Где моя дверь?! — повторила, едва не сорвавшись на крик.

Натка пожала плечами, любовно провела ладонью по новенькой металлической поверхности. Дверь была не просто новой, она была дорогой, и на фоне осыпающегося бетона выглядела нелепо.

— Какая разница? Ты здесь больше не живёшь. Ключи от нового замка не проси, всё равно не получишь. Твои вещички уже уехали к родителям.

— Но это моя квартира.

— И что?

От такой наглости я опешила, сказала чуть слышно:

— Я могу заявить в полицию.

— Заявить? На родную сестру? — искренне возмутилась Натка.

А Мария Петровна скривилась, громко прицокнула языком и заключила:

— Тварь ты неблагодарная.

— Я?

Чтобы не упасть пришлось схватиться за стену, в глазах потемнело.

Натка продолжила изобличать, Мария Петровна рьяно поддержала сестру, сыпала доводами. Их голоса слились в один, этот шум становился всё громче. Я начала тихонечко сползать по стенке.

Всё ясно. Натка убедила соседку в своей правоте, а та решила помочь. Из вредности, скорее всего. Она подкараулила, выяснила как долго меня не будет и сообщила сестре. Новая дверь была заказана заранее, срочная установка — тоже. Но чтобы поставить новую дверь, нужно для начала отпереть старую.

Вернее, можно и не отпирать, но тогда у рабочих возникнут лишние вопросы. А это дополнительные проблемы, дополнительные деньги. И не всякий установщик согласится на такой риск, ведь взлом квартиры как-никак. Вот для чего Мария Петровна выпросила у меня связку.

Натка пообещала старушке полную неприкосновенность. Она отлично знает: спорить не умею, в полицию не пойду. Я из тех, кто молча проглатывает любые гадости. Максимум на

что способна — расплакаться.

Натка знает, а ОМОН, увы, не в курсе... Сейчас ворвутся, скрутят, положат лицом в пол, а я ведь и без этого готова сдаться. Тем более, другого выхода нет.

Потом меня посадят, а у сестры появится шанс стать полноправной хозяйкой этой квартиры... Если её не конфискуют, конечно.

На свободу выйду лет через пять, нищей и никому ненужной.

Почему это случилось? Почему волшебная история закончилась так бездарно?

— Натка, где старая дверь?

Я задала вопрос очень тихо, но он всё-таки прорвался сквозь истеричную отповедь. Сестра недоумённо захлопала ресницами.

— Настя, я говорю о серьёзных вещах, а ты прицепилась к какой-то двери!

— Где она? — обречённо повторила я.

— Где — где... на помойке, конечно.

— Молчи! — выпалила Мария Петровна запоздало.

— А что такого? — отозвалась сестра.

Лицо соседки вытянулось, позеленело. Старушка кинулась ко мне, но запнулась и кубарем покатила вниз, пересчитала костями немногочисленные ступеньки.

Чёрт!

Я вскочила, вихрем рванула прочь. Под звонкие визги сестры, вырвалась из подъезда и снова оказалась на грани безумия.

До мусорных баков рукой подать. Даже отсюда можно без труда прочесть надпись на полиэтиленовом пакете, распластанном поверх общей кучи, различить стаканчики из-под йогуртов, перемешанные с банановыми шкурками и пивными банками. Вон и дверь стоит, сиротливо подпирает мусорный бак... Идиллию портит только одна деталь — мусоровоз.

Гигантская машина с ярко — оранжевым кузовом, тяжело развернулась, перегородила улицу. Водитель смачно выругался в адрес тех, кто паркуется вблизи стратегического объекта. Его напарник проворно выпрыгнул из кабины, махнул рукой. Не прекращая сотрясать округу отборными словами, водитель мусоровоза включил подъемник.

— Подождите! — на бегу крикнула я.

Нет, забросить дверь в кузов они не успеют, но если поднимут бак, она потеряет опору и упадёт. Старая конструкция может не выдержать, и всё, последний шанс уплывёт прямо из-под носа.

— Подождите!

В меня вперились два озадаченных взгляда.

— Что-то потеряли? — догадался водитель.

Губы второго дрогнули в улыбке, во взгляде появилась надежда. Явно рассчитывает на бесплатное шоу, уже представляет, как ныряю в мусорный бак.

«Нырять не буду, — мысленно ответила я, — но шоу гарантирую.»

Подлетев к двери, коснулась старенькой ручки со штампованным узором и чуть не умерла от счастья. Дверь демонтировали осторожно, ничуть не повредили. Но главное — её аккуратно заперли, видимо, не хотели плодить мусор, или просто поленились дважды сходить к бакам, отнести дверную коробку отдельно.

Я вытащила из кармана связку, с замиранием сердца вставила волшебный ключ.

— Девушка? — изумлённо вскрикнул водитель.

— Она сумасшедшая, — тут же заключил второй.

Коммунальщики хотели продолжить обсуждение моих умственных способностей, но их отвлек близкий визг шин. Я тоже бросила короткий взгляд в ту сторону.

Кузов мусоровоза перекрыл обзор, однако я всё-таки увидела небольшой автобус с занавешенными окнами. Кажется, за ним встал ещё один, такой же.

Из автобуса крикнули:

— Эй, мужики! Освободите проезд!

— Сейчас, — лениво отозвался водитель мусоровоза. — Только мусор загрузим.

— Какой к... мусор? А ну отгоняй, ...!

— Ты слепой? Не могу я! Я ж самосвал, а не велосипед! — огрызнулся коммунальщик. — Если торопитесь — там второй въезд! С той стороны двора!

— Чтоб тебя!

Всё. Это за мной.

У меня задрожали руки, ноги снова начали подгибаться. Я попыталась провернуть ключ, но он не поддался. Чёрт, неужели повредили замок?

— Девушка! — рявкнул раздосадованный водитель.

— Сейчас! — пискнула я. Зашептала ключу: — Повернись. Ну пожалуйста! Умоляю тебя! Открой дверку!

Получилось. Замок нехотя щёлкнул. Второй поворот ключа дался совсем просто.

На секунду зажмурившись, потянула за ручку. Вместо серого бока мусорного контейнера, взгляду предстали дощатые стены лачуги, ноздрей коснулся солёный запах моря.

За спиной раздался визг шин, я инстинктивно обернулась. Но вместо автобуса, полного несгибаемых бойцов, ко мне мчался красный «Феррари».

— Что... — шумно выпалил водитель мусоровоза, замахал руками.

Я недослушала его реплику, шагнула через порог и заперлась изнутри. На втором обороте ключа, доски содрогнулись. Блондинка не собиралась таранить мусоровоз, «Феррари» врезался в дверь. На долю секунды разминулся со мной.

Как в полусне, выбралась на улицу. Кругляш закатного солнца висел над морем, окрашивал воду в зловещие тона. Рядом с лачугой высилась громадина недостроенного дома, под импровизированным навесом притаились ящики с гвоздями и инструментами.

На негнущихся ногах, приблизилась, выбрала из россыпи железок молоток и пару длинных гвоздей.

У меня всё равно нет шансов вернуться. Если после тарана дверь уцелела, её отвезут в какое-нибудь укромное место и возьмут под наблюдение. Любая попытка вновь воспользоваться этим ходом приведёт в могилу. Если же у блондинки отыщется запасной ключ, то не поздоровится всем. Маленькую, мирную Вешенку раскатают по брёвнышку. От женщины, которая вот так, запросто, разбила дорогущую машину, можно ожидать всего.

И всё-таки моя рука дрогнула.

Минут пять я сидела перед запертой дверью и глупо таращилась на выпирающую личинку замка. Когда примерила первый гвоздь, мир перед глазами поплыл.

Чёрт, что же я натворила? Почему не вернула связку сразу? Ведь и ёжику, с его единственной извилиной ясно — добром подобные истории не заканчиваются.

Зажмурившись, саданула молотком. Потом ещё раз, и ещё. Второй гвоздь забила с остервенением садиста, окончательно разворотив замок. Всё, теперь я в безопасности. Осталось только сообщить местным, что колдовство кончилось, и жить им придётся по —

старому.

Внеплановое собрание деревни сразу вызвало настороженность, а после моего рассказа народ откровенно приуныл.

Конечно, рассказывать вешенцам все подробности этого приключения не стала, постаралась изложить ситуацию просто и доходчиво. Это не спасло от вороха вопросов, в конце концов, пришлось признаться, что меня пытались убить, и что домик колдуньи навсегда утратил волшебство, превратился в обычную лачугу.

— Как же так? — пробормотал староста. Его поддержал нестройный гул голосов. Местные жители бросали на меня хмурые, недоумённые взгляды, мялись.

— Я сделала всё, что могла.

— Верю, — отозвался староста, деловито почесал затылок. Разочарования он не скрывал. — И куда же ты теперь?

Вопрос оказался неожиданным. Я залилась краской, потупилась.

— Как это? — пробасил Косарь. — С нами останется!

Староста поспешно кивнул, остальные последовали примеру вожака. По толпе пробежался шепоток: неужто выгоним колдунью? Да ни в коем разе! Сколько добра сделала. Пусть остаётся.

А Косарь продолжал:

— У нас же теперь запасов — выше крыши. Можно вообще не работать. А чё? Сад вот — вот вырастет, мяса навалом, соли — хоть одним место ешь. Да ну и бог с ним, с домиком. Так даже лучше будет!

Последний вывод Косаря поддержки не нашел, но зато в остальном народ был полностью солидарен.

— Решено! — заключил староста. — Дом мы тебе достроим, хлебом — солью поделимся. А там, глядишь, приживёшься. Может и замуж кто возьмёт! — хитрый взгляд деревенского главы скользнул по массивной фигуре Косаря. Щёки парня вспыхнули алым, он отвёл глаза и отступил на шаг.

— Вот и славненько! — поддержала старостиха. Женщина подошла ко мне, ласково обняла за плечи. От неё пахло хлебом и молоком.

Толпа благодушно загудела, послышались смешки. Недавнее напряжение развеялось, будто и не было.

— А если архиепископ узнает? — пискнул кто-то.

Старостиха отстранилась, впилась в толпу хмурым взглядом. Деревенский голова тоже насторожился, прищурился. Под молчаливое удивление местных, из толпы выдвинулась Любка. Это её писклявый голосок нарушил идиллию.

— Не узнает, — бухнул Косарь, зло косясь на сестру.

Но Любка была настроена решительно:

— Он наверняка узнает, если колдунья с нами останется. Пришлёт ищеек и всех нас того, этого. А ежели её не станет, так и нам ничего не сделают. Да и зачем она нужна, раз колдовство ейное исчезло? Чёй-то мы кормить её будем? Из благодарности? Так она же сама на нас, на нашей рыбе, наживалась. Или вы думаете, просто так, из доброты душевной всё сделала?

— Любка! — хмуро прорычал Косарь.

— Что? Разве я вру? Ты ж сам в её доме был, поди лучше меня знаешь как она жила. Вот и скажи нам, бедствовала или как.

Смешно. Даже слишком. Двести тысяч плюс ещё чуть — чуть — всё, что взяла себе. По сравнению с тем, сколько отдала Вешенке — копейки. Да и взяла-то их потому, что Косарь настоял.

— Любка! — шикнул на девицу староста.

— Погубит она нас, — убеждённо ответила та. — Точно погубит. И пользы от неё больше нет. Значит, гнать надо, в три шеи. Пока сами по шее не получили.

От затрепины Косаря Любка увернулась чудом. А я смотрела на хорошенькую девушку с рыжими волосами и глазам не верила.

— Окажись на её месте прежняя колдунья, так сама бы ушла, — заключила Любка. — Потому как совестливая была! А эта бесстыжая.

— А ну цыц! — взревел Косарь, медленно наступая на сестру. — Что ты понимаешь, дура? Или память у тебя короткая, а?

— Память моя подлинней твоей будет!

— Любка! Выпорю!

В семейную разборку вступился отец. Такой же массивный и светловолосый, как Косарь. Он без труда ухватил дочь за косу, тут же приложил по заду. Девица запищала, как придуренный цыплёнок.

— Дура! — досадливо пробасил Косарь, сплюнул под ноги.

— Всё, расходимся, — в тон ему сообщил староста. — Неча тут... возмущаться. Как сход решил, так и будет. Эй, Настя, у нас сегодня ночуешь.

Я стояла как громом пришибленная.

С самого начала знала — без волшебной двери я никто. Но почему-то надеялась, что деревенские не предадут. А тут чуть ли ни до драки дошло. И затеяла эту свару не какая-то посторонняя девица, а сестра Косаря.

— Настя, ты идёшь? — ласково позвала старостиха.

Я мотнула головой и побрела к лесу. На плечи могильной плитой навалилась тоска.

Нет, мне нельзя оставаться в деревне. Не хочу каждый день ловить презрительные взгляды Любки. Рано или поздно, эти взгляды превратятся в сплетни и недобрый шепоток за спиной. Потом, в меня полетят камни. И что бы ни случилось в деревне, я всегда буду виновата, ведь я — не просто девчонка, я — чужая.

Да и смогу ли провести остаток жизни, ковыряясь в навозе? Может и смогу, но проверять это экспериментальным путём совсем не хочется.

Осторожно выудила из кармана связку ключей. Брелок — тойтерьер шкодливо улыбался нарисованным ртом. На миг показалось — собачонка забавляется моими неприятностями, но приступ паранойи развеял подскочивший Косарь.

— Настя, ты куда?

— К себе.

— Но там нельзя жить! Наш курятник и то лучше!

— Пусть.

Я скинула руку здоровяка, которая будто невзначай легла на плечо и прибавила шаг.

Косарь не отвязался, пошёл следом, сопровождая нашу прогулку недовольным сопением. На краю леса я не выдержала, обернулась.

— Косарь, иди домой!

— Я с тобой, — хмуро сообщил он.

— Нет.

— Настя, ну чего ты взъелась?

— Ничего. Мне нужно побыть одной.

— Настя...

Остаток пути преодолели в полном молчании. Косарь даже сопеть перестал, и почти не топал. Попыталась не пустить его в лачугу, но что я могу против громилы, у которого кулачища размером с мою голову?

— Ты что-то задумала, верно? — осторожно начал Косарь, когда я свернулась калачиком на кровати и прикрылась простынкой. Сам сидел на полу, у изголовья. — Ну не молчи, прошу тебя.

— На рассвете я уйду.

— Куда? — бухнул здоровяк.

— Не знаю. Но тут не останусь.

— Но...

— Не уговаривай.

Он и не стал, усмехнулся только:

— Значит вот как. Одна дура сказала, другая поверила?

— Чего ты добиваешься? — не выдержала я.

— Я не хочу тебя потерять.

Здорово. Только этого не хватало.

— Настя, может ты всё-таки объяснишь? Я ведь не отстану. И пока не узнаю что к чему, никуда не пушу. Понадобится — привяжу, как козу, за околицей...

Упрямство Косаря я давно подметила — если нужно, парень готов стоять на своём до посинения. Такого даже танк не подвинет. Да и сбегать от него бессмысленно, всё равно найдёт — он, в отличие от меня, знает эту местность, как свои пять пальцев. Если действительно хочу уйти, придётся договариваться.

— Ладно. Но ответ сперва на один вопрос... — при мысли о том, что Косарь подтвердит догадку, к горлу подкатил ком. Я закашлялась, попыталась прогнать подступившие слёзы. — Как звали прежнюю колдунью?

— Баба Саша, — невозмутимо ответил парень.

Чёрт, ну почему не задала этот вопрос раньше?..

В детстве всегда казалось, будто от прабабушки пахнет морем. Иногда, она дарила нам с сестрой красивые ракушки, таких ни у кого не было. Ещё, баба Саша часто угощала очень вкусным хлебом и рыбными пирогами, а мама выпытывала, как испечь такую вкуснотень. Потом насильовала духовку, но ей этот подвиг кулинарии никогда не удавался. Конечно, ведь пироги не прабабушка пекла, а одна из местных хозяек, и не в духовке, в печи. А пять лет назад баба Саша начала чахнуть. Внезапно, без видимых причин. И плакала. Каждый день в слезах проводила. Через три с половиной года угасла совсем.

— Баба Саша умерла, — зачем-то сказала я.

— Мы так и думали, — грустно отозвался Косарь.

— Как ты узнал, что мы с ней знакомы?

— Так... Когда ты в первый раз в деревню пошла, на тебе её юбка была. Это все заметили.

— А почему не сказали?

— А зачем?

Да уж, действительно... Впрочем, на месте жителей Вешенки, я бы тоже не удивилась.

Благодаря Косарю, кусочки мозаики состыковались. Под бдительным взглядом парня, я начала рассуждать вслух. Итак...

Ключи, которые потеряла блондинка, и впрямь волшебные.

Когда-то один из них принадлежал моей прабабушке, она часто бывала на этом берегу, общалась с жителями Вешенки. Будучи женщиной осторожной, хранила путешествия в тайне, но не от всех.

Мария Петровна — соседка и подружка, секрет знала. И судя по всему, приняла какое-то участие в исчезновении ключа.

Теперь-то понимаю, что Мария Петровна сразу заметила перемены в моей жизни. Встреча в аптеке стала первым сигналом — и курице ясно, что человеку с пневмонией в помощи не откажут, и совсем неважно есть ли у него медицинский полис. Аренда подвала и ночные посещения Ахмеда тоже наводили на мысли. Наши с Косарем покупки — тем более: мы вносили в квартиру слишком много вещей, а выносили... выносили только ящики с рыбой. Чёрт, как глупо попались. Хотя, она бы всё равно догадалась, ведь самое главное уже знала.

Но если Мария Петровна раскусила меня несколько недель назад, а блондинка продолжала рыть асфальт в поисках утраченной связки, значит... значит, они незнакомы. Так каким же образом, ключ «от квартиры» бабы Саши перекочевал к блондинке?

Блондинка о свойствах ключей знала, но в лачуге у моря никогда не появлялась — местные жители её не видели, да и следов в избушке не было. Значит, открыть проход в этот домик она не могла, сюда ведёт, точнее — вела, единственная дверь.

Возможно, с помощью этого ключа, блондинка перемещалась в какую-нибудь другую хибару, но верится в это слабо.

Скорее всего, каждый ключ открывает только одну дверь, и есть вероятность, что все двери ведут в один и тот же мир.

Если это действительно так, то где-то существует ещё два прохода в мою реальность. Я могу вернуться домой.

— погоди! — воскликнул Косарь. — Я пока не спрашиваю, как думаешь искать эти двери. Но как домой-то вернёшься?

— В смысле? Через порог переступлю, и всё.

— Я не об этом. Тебя ведь преследуют. Твой король, или как он там зовётся...

— Ах это... — я грустно усмехнулась. Из моего рассказа на деревенской сходке, Косарь понял гораздо больше остальных. Впрочем, это не удивительно, парень неплохо знаком с моим миром. И хотя кажется простым, мозгами пораскинуть умеет. — Элементарно. Я хочу возложить решение этих проблем на плечи блондинки. Предложу сделку: она со своими деньжищами улаживает мои вопросы, а я возвращаю связку.

— А разве так можно?

— Можно.

Парень потупился, смутился.

— Это... как-то неправильно, что ли.

— Зато эффективно. В конце концов, я никого не убила. Я действовала в интересах... Чёрт, давай не будем об этом! К тому же, сейчас важнее отыскать сами двери.

— Ну и как же мы будем их искать? — недовольно пробормотал Косарь.

— Мы?

— Конечно. Ты ведь не думаешь, что я позволю тебе в одиночестве бродить по нашей

земле? Тут бывает опасно, а ты — хилая. И девица к тому же. Вместе пойдём. И даже не пытайся спорить.

Я украдкой выдохнула.

Благодаря Любкиному выступлению на деревенской сходке, я всерьёз обиделась. Не только на неё, на всех жителей Вешенки, оптом. И если бы Косарь оставил мне выбор, был бы послан, далеко и очень витиевато. А так... я всего лишь покоряюсь судьбе. Надеюсь, она оценит и наградит.

Ветер нехотя раздувал парус, унося лодку всё дальше от берега. Вокруг лениво колыхалась морская гладь. Старые доски скрипели до того громко, что заглушали крики чаек. Дно лодки давно заполнилось водой, ноги утопали по щиколотку.

«Ну, Косарь! — мысленно ухмылялся горанец. — Ну, прохвост. Самую поганую, самую гнилую лодку подсунул. Решил, что попытаюсь добраться на этом корыте до Горанга? Что ж, каждый борется за своё счастье, как может, но эту услугу я запомню. Ой как запомню...»

Впрочем, казнить простодушного деревенского парня Рогор не планировал. Косаря и без того жизнь обидела — подарила встречу с недостижимой девушкой.

— Настя... — Рогор в который раз попробовал имя на вкус.

Знакомство с вешенской колдуньей с лихвой окупило все тяготы. Главное — забрать девчонку из захолустной деревни прежде, чем архиепископ Ремвида отправит её на костёр.

Наконец, на горизонте появилось тёмное пятно. В том, что перед ним корабль — разведчик Рогор не сомневался. Корабли Горанга второй год ходят близ западного побережья Ремвида, успешно избегая встреч с патрулями и рыбаками, в то время как наивный король собирается оборонять северную границу.

Теперь дело за малым — добраться до судна. Капитан разведчика непременно заинтересуется рыбаком, посмевающим преследовать его корабль, а дальше — дело техники...

Но Рогор недооценил ситуацию, корабль двинулся навстречу. Его паруса раздувались, и им было глубоко плевать на встречный ветер.

— Стало быть, на борту маг, — вслух заключил Рогор. — Так, так... И с какой стати? Впрочем, это к лучшему.

Когда лодка коснулась пузатого корабельного бока, Рогору бросили канат. Ступив на палубу, горанец очутился в плотном кольце окружения. Матросы не стесняясь тыкали в Рогора саблями и довольно скалились. За их спинами ухмылялся до неприличия молоденький маг в длинном светлом одеянии.

— Передайте капитану, — заявил маг гордо, — что Креатин Зерский выиграл пари!

Рогор, который всё это время притворялся ледяной статуей, удивлённо приподнял бровь.

Через пару минут на палубе появился заспанный капитан. Потягиваясь и зевая на ходу, он бросил насмешливый взгляд на добычу мага, уже открыл рот, чтобы произнести язвительную речь в адрес мальчика, но резко побледнел и попятился.

Креатин Зерский удовлетворённо кивнул, сказал, раздуваясь от важности:

— Вот видите, господин капитан! Я-таки взял пленного. Это рыбак из во — он той деревни, — маг ткнул пальцем в сторону берега. — Сейчас применю к нему заклинание правды и он выложит всё, что знает.

— Не... — задохнулся капитан, побелел окончательно.

— Что? Не ожидали? — поддразнил юнец. — А я говорил! А вы не верили! Неча было издеваться и смеяться!

— Замолчи! — воскликнул капитан в ужасе.

— А? — не унимался тот. — Чего это вы? Чего это вы пятитесь, господин капитан?

Обернувшись, юный колдун заметил на лице пленника ироничную улыбку и заподозрил, что дело нечисто. Но не растерялся, спросил с вызовом:

— Ты кто?

Пленный продолжал молчать, а его улыбка становилась всё шире.

«Так и рот порвать недолго,» — подумал маг, и попятился. Не от страха, на всякий случай. Матросы тоже сообразили, что не всё так просто, опустили сабли.

Наконец, пленный соизволил заговорить:

— Что за балаган на военном корабле?

Капитан позеленел, согнулся в почтительном поклоне.

— Господин Рогор, мы... нам... вот... того... подсунули.

— Не мямли, капитан.

— Простите, — выдохнул несчастный, по — прежнему пытаюсь кланяться и отступить. — Просто ваше появление столь неожиданно...

— Знаю, — отозвался Рогор. — Меня уже сочли погибшим? И могилку, небось, справили?

Капитан мелко закивал, предложил торопливо:

— Господин главнокомандующий, пройдёмте в мою каюту?

От общего удивлённого вздоха, дрогнула палуба. Молоденький маг рухнул в обморок. Паруса, наполненные магическим ветром резко сдулись, корабль споткнулся.

— Пожалуй, — отозвался Рогор. И добавил, кивнув на мага: — Приведите в чувство, он скоро понадобится.

Из короткого разговора с капитаном, Рогор узнал, что за полтора месяца его отсутствия ничего особенного не случилось. Король Горанга по — прежнему планирует нападение на Ремвид, маги старательно рисуют иллюзии активности у северной границы, а флот готовится переправить армию на запад.

Пять кораблей — разведчиков ходят близ западных берегов, неотрывно следят за обстановкой. Они вышли в море едва закончились зимние шторма, согласно задумке самого Рогора. Однако исчезновение главнокомандующего, а заодно и всей дипломатической миссии, отосланной в столицу Ремвида в конце осени, заставило короля пойти на беспрецедентный шаг — снабдить каждый корабль магом. Каких усилий это стоило, понимали немногие.

Горанг — единственное королевство, где обитают настоящие маги, а не клоуны, что снуют между мирами, как крысы. И хотя Совет Магов существует благодаря покровительству короны, всё равно пытается диктовать условия. Поставить зазнаек на место очень сложно — один маг может не запыхавшись уложить добрую сотню бойцов, поэтому приходится договариваться.

Последний договор с Советом привёл к появлению квот: четверть магов находится в подчинении у военных, остальные вольны делать что угодно. Изредка, «военные» и «гражданские» маги меняются. Четверть магов — это всего лишь тридцать человек. На поддержание иллюзий у северной границы требуется минимум десять. Еще пять — постоянно присутствуют во дворце, а остальные распределены по элитным гарнизонам. Отослать на корабли — разведчики просто некого.

Чтобы выторговать у Совета ещё пяток магов, королю пришлось пойти на очередной компромисс, а чем это кончится, даже боги предугадать не смогут. Хитрее мага зверя нет, это даже дети знают.

— Так к нам попал этот недоученный... — капитан наморщил нос, вздохнул, будто взвешивал слова, — Креатин. Говорящее имя, вам не кажется? Первые несколько дней

дурачился, и мне пришлось заключить с ним пари: мол, поймаешь рыбака, будешь молодцом. Не поймаешь — месяц беспрекословного подчинения. Кто же знал, что рыбацкая лодка и впрямь уйдёт так далеко от берега? И что править лодкой будете... вы.

— Да уж, — усмехнулся Рогор. — Но я рад, что так сложилось. Более того, считаю эту встречу подарком богов.

— Хотите связаться с королём? — понимающе кивнул собеседник.

— Да, нужно кое-что прояснить.

Креатин Зерский и впрямь был молод, особыми знаниями не обладал, а на фоне тех, с кем привык общаться Рогор, казался сущим щенком. Через пять минут общения с парнем, главнокомандующий пришел к мысли, что того выпроводили на военный корабль, чтобы сорвать операцию.

Сперва парень смутился и ронял нелепые извинения, потом долго пытался настроиться на телепатическую связь с главным придворным магом, после заикаясь и бледнея, настраивался на разум Рогора, чтобы позволить тому поговорить с магом напрямую. К концу этой драмы, главнокомандующий уже примеривался к тощей шее волшебника.

Когда связь всё-таки наладили, а придворный маг, узнав Рогора, спешно побежал к королю, на землю уже спустились сумерки.

Внезапное воскрешение главнокомандующего вызвало лёгкую радость монарха. Рогор услышал облегчённый вздох, а через секунду король подтвердил сделанные им выводы...

В конце осени, Рогору пришлось отправиться в столицу Ремвида, возглавить так называемую «дипломатическую миссию». Главнокомандующий, от имени своего короля, предлагал Ремvidу сдаться, добровольно подписать вассальный договор. На успех этого дела никто не рассчитывал, но ведь попытка — не пытка, тем более, по всем законам, мирным посланникам гарантирована неприкосновенность. Если они не маги, конечно.

Весной, корабль с высокопоставленными горанцами вышел из столицы Ремвида, неся весть королю Горанга. Идти пришлось на юг, к морю, чтобы после, обогнув материк с запада, попасть в пределы родного королевства. На западных рубежах их и настигли.

Рогор до сих пор ломал голову пытаясь понять, кто мог атаковать магическим огнём, причём такой силы, что корабль вспыхнул, подобно пучку соломы. В Ремвиде магов нет, а в Горанге нет отступников, способных перейти на сторону врага.

Опасаясь плена, Рогор переделался простым матросом, и его действительно пытались захватить, прибывшие к месту крушения, но он всё-таки увернулся.

Разведчики нашли пару обломков корабля, а флотское командование Горанга пришло к неутешительному заключению — последний зимний шторм сделал своё дело. Рогора вместе с другими пассажирами, посчитали погибшим.

Гибель главнокомандующего повлекла за собой интриги, многие пытались занять «хлебное» место. Те, кому хватило разума остаться в стороне, тоже гибли — заговорщики убирали всех потенциальных конкурентов. В итоге, офицерская верхушка значительно поредела, а начало войны пришлось отложить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Что ж, эти события — ещё один повод проверить соратников. Но займёмся этим после того, как берега Ремвида станут нашими,» — рассудил Рогор, а вслух сказал:

— Ваше величество, я готов лично вести армию, но есть одна просьба.

— Просьба? — удивился правитель. Рогор был единственным, кто никогда ни о чём не просил. Возможно, именно поэтому встал по правую руку от короля. — Рогор, сейчас не

время для условий, ты это прекрасно понимаешь.

Главнокомандующий ничуть не смутился, на месте короля он бы среагировал так же. И всё-таки обида кольнула в сердце. Неужели король сомневается? Неужели всерьёз думает, будто верный воин будет использовать ситуацию, чтобы нагреть руки, превратит начало войны в выгодную сделку?

— Ваше величество, я не маг.

— Знаю... — перебил тот.

— Я не маг, поэтому в спину не ударю. Моя просьба никак не связана с ситуацией и положением, в котором мы находимся.

— Что тогда? — в голосе правителя прозвучал отголосок любопытства.

— В одной из деревень есть колдунья. Я хочу её забрать. Себе. В личное пользование.

Ментальное молчание короля Горанга было красноречивее любых взглядов.

— Она из тех, кто между мирами прыгает? — недоверчиво спросил он.

— Да.

— Но зачем?!

— Хочу, — коротко отозвался Рогор.

— Ну... В таком случае, мог и не спрашивать! — развеселился король, тут же перешел на дружеский тон: — Иди и бери, я-то тут причём?

— Мне нужны гарантии. Неприкосновенность, подтверждённая королём.

Правитель залился раскатистым хохотом, Рогор едва смог разобрать ответ:

— Неужели влюбился? Железный Рогор влюбился?

— Нет, — рявкнул главнокомандующий, с запозданием понимая — этот рык ему ещё откликнется. — Просто желание. Но я хочу быть уверен, что оно исполнится.

— Хорошо, — отозвался король. — Сегодня будет объявлено о твоём «воскрешении». Войска в полной готовности, но нам потребуется несколько дней, чтоб уладить распри, восстановить субординацию. Через полторы недели к западному берегу прибудет флот.

— Отлично. За день до этого, я заберу колдунью и отправлю корабль в Горанг.

— Я позабочусь о том, чтобы твоё желание исполнилось, — отозвался король весело, и связь прервалась.

Юный маг, сопровождающий корабль — разведчик, сполз по стеночке и закатил глаза. Он был блее верхушек северных гор, дышал тяжело и часто. Рядом с ним нервно попивал вино капитан.

— Твой корабль начнёт эту войну, — бросил Рогор.

Радостная весть сделала капитана таким же бледным, едва не уронила на пол.

Зато сам Рогор заметно повеселел — приятно, когда судьба идёт тебе навстречу, и ещё приятнее, когда сбываются мечты.

Когда юный Креатин Зерский сообщил, что основной флот в сутках пути, Рогор скомандовал идти к берегу. Вокруг сгущались сумерки, волны беспокойно облизывали бока корабля, попутный ветер едва не рвал паруса. Вопреки ожиданиям команды, шли вовсе не к бухте, а к длинной косе, похожей на высунутый язык ящерицы.

Матросы разведчика, как и другие моряки королевского флота, сражаться умели. В арсенале корабля имелись не только сабли и доспехи, но даже одно осадное орудие. В своё время, именно Рогор распорядился оснастить корабли и обучить команды — на войне как на войне, лишних бойцов не бывает. Тогда матросы не оценили идею, посчитали муштру несправедливым наказанием. Теперь поглядывали на Рогора с уважением и лёгким ужасом.

Главкомандующий был одет как обычный матрос, но спутать с другими невозможно. Холодное, болезненное лицо, густая чёрная грива, осанка — будто копьё проглотил, а взгляд... таким и убить можно, любой василиск позавидует. За полторы недели ожидания, в особую силу этого взгляда поверили все.

— Кабы я шел воевать деревню, где меня выходили, я б хоть шлем надел, или маску какую, — шепнул один матрос другому.

К неожиданности первого, Рогор обернулся. Но промолчал.

Когда до берега осталось около четырёхсот локтей, главкомандующий выбрал пятерых и велел грузиться в шлюпку. Магу наказал: если на берегу вспыхнет факел, следует прочесть его мысли, а сам Рогор сделает всё, чтобы Креатин понял его послание. Юный маг опасливо покосился на капитана, после всё-таки расслабился.

Вскоре, шлюпка с пятью бойцами и Рогором оказалась на песчаной полоске пляжа, над которым исполинской громадиной высился берег. Лестницу нашли на ощупь, поднимались медленно — ноги скользили, лестница, выбитая в земле, норовила сбросить захватчиков в море.

Ступив на землю, Рогор насторожился. Окинул хищным взглядом недостроенный дом, высившийся рядом с хлипкой лачугой, стену далёкого леса. Наконец, махнув остальным, по — кошачьи двинулся к лачуге, единственное окошко которой зияло чернотой.

Отряд остановился на пороге, и хотя ждать нападения неоткуда, в руках горанцев блёкло вспыхнули лезвия. В домик колдуньи Рогор вошел один.

Он и не рассчитывал застать Настю здесь — зачем ютиться в скрипящем сарае, если за дверью вполне сносное жилище? Но всё-таки, от царящей вокруг пустоты стало неуютно. В два шага Рогор преодолел расстояние от порога до внутренней двери и осторожно постучал. Ничего.

Главкомандующий армией Горанга постучал снова, с прежним напряжением вслушиваясь в тишину. Дверь не шелохнулась.

«Она не слышит? — хмуро подумал Рогор. — Или не может услышать, раз дверь заперта?»

Странное чувство заставило пригнуться, уставиться на личинку замка. Глаза уже привыкли к темноте, но толком рассмотреть не удалось. Рогор велел зажечь один из принесённых с собой факелов и глухо зарычал. Сомнений не осталось — замок сломан.

«Кто? — возопил Рогор мысленно. — Люди ремвидского архиепископа? Или жители Вешенки?»

В то, что Настя вняла недавнему совету и сама сломала замок, чтобы навсегда отказаться от своего мира, Рогор не верил.

«Что же случилось?»

Выскочив из лачуги, главкомандующий принялся размахивать факелом, непрерывно проговаривая про себя:

«Идите к рыбацкой бухте! Всех воинов на берег! Деревенских не убивать!»

Маг не оплошал.

Через два часа, все жители Вешенки были заперты в амбаре, а в доме старосты состоялся допрос.

Запинающийся глава деревни подробно рассказал в чём дело. Его жена, которая узнав недавнего постояльца проявила не свойственный бабам нор и не позволила запереть себя с остальными, стояла рядом и прожигала горанца взглядом. Её мнения главкомандующий

не спрашивал, но исподволь следил за каждым вздохом, за каждой ужимкой.

— Ушли... ушли два дня тому. С Косарем вместе.

«С Косарем... Конечно, только влюблённый дурень способен пойти вслед за опальной,»

— зло подумал Рогор и в который раз задал главный вопрос:

— Куда именно она ушла?

— Не знаю, — проблеял староста, а старостиha сощурила глаза, явно приготовилась плюнуть в лицо неблагодарного Рогора. — Они ведь тихо ушли, на рассвете. Мы проснулись, сунулись к дому колдуньи, а их и нет уже.

— Вспоминай! — прорычал горанец. — Что она говорила накануне? Ну! Хоть какая-то подсказка!

— Ничего не говорила. Только смотрела... печально так, будто заноза у ней в груди сидит. Мы ведь думали, с нами теперь останется...

— А ты? — Рогор послал старостиhe полный злости взгляд.

— Тоже не знаю, — бесстрашно ответила та.

— А если спрошу как следует? — горанец придвинулся, рука потянулась к морщинистой шее женщины.

— Ах же ж ты дурень! Ах же ж ты тварь неблагодарная! Знала бы — собственными руками прибила, пока в горячке лежал! И Настя для него расстаралась, а он! Извести решил, кровопийца!

Глухой рык заставил старостиху захлопнуть рот и отступить на шаг. Только боевой пыл женщина не растеряла. Рогор заметил, как покосилась на стоящий рядом ухват. Нет, так ничего не добиться.

Разъярённый горанец молча прикидывал — стоит ли поговорить с бабой по душам? Рассказать, что желает защитить Настю, и уже заручился поддержкой самого сильного короля — короля Горанга... Едва Рогор решился на эти слова, дверь скрипнула, внутрь просунулась всклокоченная голова Креатина Зерского.

— Что тебе? — не выдержал главнокомандующий.

Парень осознавал, что успел надоесть Рогору больше морской качки, но горячо мечтал наладить отношения — дружить с Железным воином лучше, чем враждовать. Особенно, если после захвата Ремвида тебе прочат десять лет военной службы.

— Я могу, — брякнул Креатин. Зажмурился, приготовился услышать в свой адрес много обидных, несправедливых слов.

— Что можешь?

— Найти кого надо. Только мне для этого вещь нужна. Хотя бы одна, но из тех, какие долго носили. И карта Ремвида.

— И что? — насторожился Рогор. — Вот так сразу и найдёшь?

— Не сразу, — смутился Креатин. — Там сперва обряд, после ещё один...

— Ясно. — Бросил главнокомандующий, невидящим взглядом уставился на старосту. Где искать вещи оставленные Настей он догадался сам.

«Девчонку нужно найти, чего бы это ни стоило — мысленно рассуждал Рогор. — Если я достаточно знаю двор Горанга, слух о ней уже облетел столицу, значит, вернись я один, засмеют. Да, действительно смешно: первый воин королевства, главнокомандующий, упустил какую-то бабу, а прежде неприкосновенность для неё выпросил.

Но отправить на её поиски отряд не могу, искать сам — не могу тем более. Чтобы догнать глупую колдунью, придётся ускорить ход войск. Боги, на что я иду ради какой-то

соплячки? Или я совсем спятил от её уколов и пилюль?»

Мы покинули Вешенку на рассвете.

Но прежде чем выйти за порог, Косарь заставил съесть куриный пирог и выхлебать кружку киселя. Потом, протянул узелок с одеждой.

— Это что? — хмуро спросила я, извлекая на свет божий блёклое платье, в котором сразу узнала парадный наряд Любки. Перспектива одеться в обноски косаревой сестры, мягко говоря, не обрадовала. Он бы ещё панталоны приволок!

— Не спорь, — отозвался парень мягко. Кивнул на мои джинсы. — В этом по нашим дорогам ходить нельзя. Слишком заметно.

Я заскрежетала зубами. Косарь, конечно, прав. Но неужели не понимает: дело не в самом платье, а в прежней обладательнице. Да и вообще... мне от вешенских ничего не нужно! Ноги моей здесь больше не будет! Пусть живут как хотят.

— Обижаешься? — в действительности, Косарь не спрашивал, констатировал.

Увы, ночёвка в старинной избушке не способствовала прощению, а старый влажный матрас убил последние капли человеколюбия. К утру, я ненавидела вешенских всем сердцем. Теперь, по сравнению с ними, даже блондинка и Мария Петровна казались ангелами. Даже перспектива оказаться в руках властей и ответить за незаконную торговлю, казалась не такой уж и страшной.

— Зря, — обронил Косарь, глядя на мои пылающие щёки. — Любка — дура, ты это знаешь. А остальные не виноваты. Они же оставить тебя хотели, помочь.

Ну — ну... Неужели я действительно похожа на помоечную кошку, которую можно либо «оставить», либо выбросить обратно?

Впрочем, сама виновата. Нужно быть злее, расчётливей, а я... мямля! В родном мире каждый обидеть мог, так почему здесь должно быть иначе? Пока не научусь огрызаться и ставить нахалов на место, моя жизнь останется чередой неудач и предательств. Я должна научиться быть сильной, иначе пропаду. Вон, даже Косарь уже вертит мной как хочет!

— Я надену это платье, — проскрежетала я. — И сапоги надену. Я постараюсь вести себя как вы. Но на этом мои уступки закончатся.

Парень искренне удивился:

— Настя, не глупи!

— Послушай... Всё это время я вела себя благоразумно и осторожно. И что из этого вышло? Ничего! Значит теперь, я буду поступать... поступать... Иначе!

Показалось, глаза Косаря вот — вот лопнут.

— Благоразумно?

— А ты не согласен? — выпалила я, высокомерно изогнула бровь. Этот жест подсмотрела у Рогора. Вот на кого ровняться нужно, вот кто умеет даже лёжа присмерти заставить незнакомых людей вытягиваться по струнке и благоговейно ждать указаний.

— Ну... Когда мы встретились в первый раз... ты без лишних вопросов пошла с незнакомым парнем в чужую деревню. Мне кажется, это не слишком благоразумный поступок.

Я залилась краской, но не отступила. По — прежнему смотрела на него убийственным взглядом. По крайней мере, очень надеялась, что мой взгляд создаёт именно такое впечатление. А Косарь продолжал:

— Потом ты пошла на рынок и предложила первому попавшемуся продавцу незаконную сделку... и пригласила его к себе домой. Как ни крути, а это не слишком разумно.

И когда он успел нахвататься?

— Ещё... привела меня в свой мир, отдала соседке ключи от квартиры и поехала туда, где тебя заведомо ждали враги...

— Хватит! — выпалила я.

Парень пожал плечами, но всё-таки заткнулся. Да, недооценила я Косаря. Зато теперь у меня появилась хорошая возможность воспитать в себе характер. Из принципа буду поступать по — своему. И хоть ты тресни!

В конце концов, кто он такой, чтоб указывать? Обычный деревенщина, который до знакомства со мной по уши в навозе сидел. А я — современная, в меру образованная девушка, и повидала куда больше какого-то Косаря. Я почти юрист, в конце концов! А высшее образование — это не хвост собачий!

— Пойдём что ли... — прервал мои мысли Косарь. — А то солнце вот — вот взойдёт, наши проснутся, придётся объяснять... Прощаться...

— А ты разве не попрощался? Как же тогда платье и еду раздобыл?

— Украл, — тихо ответил парень и первым вышел из лачуги.

Мне всё-таки пришлось чуть задержаться. Обижаться на вешенских, и Косаря заодно, можно сколько угодно, но в одном парень прав — узнать во мне колдунью не должны. Народ здесь хоть и простоватый, но наблюдательный, поэтому нужно соответствовать даже в мелочах. Прежде всего — как следует спрятать ключи и избавиться от мобильного.

Я отыскала в шкафу швейный набор, который принесла сюда на днях, чтобы показать старостихе. До демонстрации руки не дошли, зато теперь набор очень пригодился — «бабушкиным методом» законспирировала и ключи, и сим — карту, и несколько купюр, захваченных с собой перед поездкой на встречу с Артёмом. Остаётся надеяться, что раздевать меня никто не будет.

Аккуратно сложила джинсы и блузку, спрятала в посудный шкаф. Нацепила Любкино платье, сапоги, окинула прощальным взглядом ставший родным домик, и вышла вон.

К путешествию Косарь приготовился основательно: у порога ждали два пухлых заплечных мешка, тут же лежал любимый топор Косаря и небольшой нож для меня. Всё хозяйство прикрывала кожаная безрукавка, в которую парень поспешно облачился. Тут же преобразился, стал похож на разбойника. С таким и впрямь не страшно, даже на большой дороге.

Мы пересекли знакомый лес. Потом, проигнорировав утопанную дорожку, свернули влево, двинулись вдоль кромки. Глядя на нас, окрестные птицы пугливо перекрикивались, деревья тоже казались удивлёнными.

Серое рассветное небо вскоре окрасилось розовым, потом золотым и, наконец, превратилось в бездонный голубой океан. Всё-таки, в этом мире очень красиво. Жаль, что большую часть времени потратила на хлопоты, за которые, в итоге, даже «спасибо» не сказали. Если б жила тихо, как баба Саша, лишь изредка выбиралась к морю, всё бы сложилось куда лучше. И переться в неизвестную даль не пришлось бы.

Первой точкой нашего маршрута был ближайший город с лаконичным названием Западный. Именно туда, до моего появления, Косарь возил улов деревенских рыбаков.

На местном рынке Косаря знали и он уверял, дескать это лучшее место для начала поисков. Я сомневалась. Причём не столько в возможностях провинциального рынка,

сколько в самом плане.

Изначально у нас было два варианта действий: искать сами лачуги, либо искать следы — предметы из моего мира.

Первый способ Косарю категорически не понравился. Он уверил, что ходить по деревням и выспрашивать жила ли там какая-нибудь колдунья или колдун — глупо. Люди ни за что не признаются — о таком говорить непринято. А если и признаются, то нет гарантий, что мои ключи подойдут. В этом случае, поиски могут растянуться на долгие месяцы, а то и годы.

Зато второй вариант не нравился мне. Я-то знаю, что такое дефицит, помню по рассказам родителей и бабушки. И что такое запрещённые товары тоже в курсе. Абы кому раритеты не продают, а изделия из моего мира именно к раритетам относятся. Плюс — выспрашивая о таких товарах, мы вроде как намекаем, что денег у нас прорва, значит, можем пострадать. В том, что грабители водятся и в сказочном Ремвиде, я не сомневалась.

Но если действительно найдём товары, то вероятность отыскать правильную дверь гораздо выше. Ещё «предмет» можно «датировать», определить регион, к которому он относится, а это тоже важно: вдруг открою дверь в какой-нибудь Америке и что потом делать? Как жить? Как с блондинкой связаться? Тогда уж лучше в Ремвиде, тут хоть язык понятный и знакомые есть.

Главное — не паниковать и не отчаиваться раньше времени.

Я бросила короткий взгляд на Косаря, невольно нахмурилась. В нашем путешествии была ещё одна деталь, с которой я горячо спорила: Косарь придумал для нас «легенду», согласно ей, я — его невеста, а идём мы к моим дальним — дальним родственникам просить благословения на свадьбу. Что может быть глупее, чем просить благословения у «седьмой воды на киселе»? Я б в такой бред точно не поверила. Остаётся надеяться, что воспользоваться ей случая не представится.

К полудню ноги начали гудеть, правая пятка горела огнём — верный признак новой мозоли. Вернее, пока единственной. Сколько их будет к концу этого путешествия? Наверное, ни одной, потому что ноги отвалятся раньше.

Чёрт, ну почему же я попала в такую жуткую сказку? У нормальных девушек в моей ситуации обычно принцы всякие под ногами вертятся, рыцари, а у меня кто? Простой деревенский парень, у которого даже лошади собственной нет!

— О чём думаешь? — внезапно спросил Косарь.

Я стыдливо покраснела и не ответила.

— Через пару часов привал устроим, как раз к речке подойдём, — начал объяснять попутчик. — Ночевать придётся под открытым небом, тут деревень нет. Зато к завтрашнему полудню будем на месте. — И, покосившись на меня, добавил: — если ход не убавим.

— Буду стараться идти быстрее, — уверенно ответила я.

После привала, который был не отдыхом, а десятиминутным издевательством, дорога свернула вправо и, наконец, превратилась из широкой тропинки в настоящий тракт. Слева по — прежнему высился лес, зато справа раскинулись бесконечные луга. Кажется, заметила пасущееся вдалеке стадо.

Ещё через час, сзади послышалось громкое цоканье.

— Попутка! — взвизгнула я, едва не повисла на шее у Косаря.

— Нам нельзя, — мрачно отозвался он. — С чужими ездить опасно.

— Да ладно тебе! Ну ты посмотри! Что опасного? Обычная деревенская телега, причём

явно в Западный едет, на утренний торг. Давай попросимся с ними, а?

— А платить чем будем?

Телега как раз поравнялась с нами. Мохнатый конь казался потомком великанов, а возница наоборот — гном среди гномов. Почему такой маленький человек не боится ехать в одиночку?

Стоп! У нас что же, денег нет?

Я вопросительно уставилась на Косаря, тот понял не озвученный вопрос, виновато развёл руками.

Мама дорогая, за что? В чужом мире и без денег! Что может быть ужаснее?

...Лучше б не спрашивала.

Близ моей лачуги, да и в самой деревне, ветер был до того частым гостем, что за всё время ни одного комара не встретила. Но чем дальше от благословенного места прошлой дислокации, тем шире материк, гуще лес и меньше ветров.

Сперва я просто отмахивалась, потом занялась избиением самой себя, а вечером просто взвыла. Комары были всюду, висели над дорогой плотным, непроницаемым облаком, залетали в нос, прицельно пикировали в глаза. Одежду прокусывали на раз, и кожу прогрызали едва ли ни до костей.

Я быстро покрылась огромными красными волдырями, начала чесаться, с трудом удерживаясь от того, чтобы не содрать ногтями кожу.

— Чем больше чешешь, тем больше чешется, — важно заметил Косарь. Самого кровопийцы почти не трогали.

— Косарь! — взвыла в ответ, истово раздирая шею. — Умоляю! Сделай что-нибудь!

— А что тут сделаешь? Нужно просто потерпеть, потом само пройдет.

Здоровяк говорил серьёзно, без тени сочувствия. А я начала звереть. Интересно, в уголовном кодексе Ремвида есть понятие аффекта?

— Ладно, — взглянув в моё лицо, нехотя сжалился парень. — Придётся встать на ночёвку раньше, чем задумывал. Но, получается, и в Западный попадём не к полудню, а позже. И на торг, видать, не успеем.

— К чёрту торг! Не убежит.

Мы свернули в лес, довольно быстро нашли поляну, рядом с которой протекал холодный, как арктический лёд, ручей. Комаров в лесу было меньше, правда в глазах всё равно рябило.

Пока Косарь собирал костёр, я со скоростью болида стянула сапоги и опустила ступни в ручей. Стало намного легче. От комариных укусов холод спасал хуже, но почувствовав хоть какое-то облегчение, я собралась раздеться и занырнуть с головой. Едва потянула подол вверх, за спиной раздался полный ужаса оклик:

— Настя! Что ты делаешь?

— Раздеваюсь, — огрызнулась я. — Если тебя это смущает — отвернись и не смотри!

С воплем «Ну ты же простудишься!» Косарь подскочил к ручью, схватил в охапку и отволол к будущему костру. Кажется, я его укусила.

— Нельзя, — повторил он, ничуть не сочувствуя моим проблемам. — Простынешь. И как тебя лечить? У нас ведь от простуды и умереть можно.

Ох... Лучше мне действительно умереть, чем терпеть этот дикий зуд!

— А может у вас снадобье какое-нибудь есть? От комаров?

— Нету. Кабы было, я б тебя ещё на привале натёр.

Натёр???

Кстати, о благоразумии... А насколько безопасна компания Косаря?

От нехорошей догадки душа сползла сперва в район коленок, а потом и вовсе... под стельки спряталась. Нет, Косарь не может обидеть, он не такой. Он честный, порядочный, добрый. Выручал несколько раз, защищал. И помощь предложил, не задумываясь о последствиях.

Я довольно долго наблюдала как парень складывает и разжигает костёр, как достаёт из своего мешка хлеб, сыр, вяленое мясо... И почти успокоилась, когда его случайный взгляд плеснул масла в огонь моей паранойи.

Косарь меня любит. И сколько бы я не отмахивалась, факт остаётся фактом. А влюблённый мужчина, особенно дикарь из недоразвитого королевства, способен на всё. Когда мы вместе болтались в моём мире, его сковывала обстановка, да и дел по горло было. Сейчас же, мы на его территории, причём одни в глухом лесу. Что если Косарь решит применить ко мне древний метод соблазнения? Сперва секс, а потом... Стерпится — слюбится, как говорят в народе.

Чёрт! Если между нами что-то случится, он точно не отвяжется. Вон, Рогору ведь хватило наглости заявить о правах собственника, и это после единственного поцелуя!

— Пора ужинать, — сообщил улыбчивый здоровяк, подсел ближе.

Одно хорошо... от охватившего ужаса, я совсем забыла про комариные укусы и стёртые ноги.

Вопреки моим страхам, ночь прошла спокойно.

Зато под утро вдалеке раздался волчий вой и мы, подхватив котомки, помчались к дороге. О завтраке, умывании и даже... утреннем походе в кустики, и мысли не возникло.

Точнее, о походе в кустики я всё-таки вспомнила, когда на выходе из леса, из малинника высунулась медвежья морда, одарила осмысленным взглядом и сказала «Р — р-р!». Ещё я узнала, какое ускорение может придать взрыв адреналина.

Едва дыхание вернулось, а сердце перестало набатом стучать в ушах, спросила спутника:

— А на ночлег в городе деньги есть?

— Нет. Но у меня в Западном тётка четвероюродная живёт, она нам в сенях постелет. Или в сараюшке.

Следующие пять минут я вслух вспоминала все матерные слова, какие узнала за двадцать лет жизни. Увы, их было немного. Пришлось часто повторяться и импровизировать: сочетать, склонять, выдумывать новые.

Косарь слушал мою тираду с выражением дикой обиды. Он даже покраснел и отступил на несколько шагов. Кажется, его собственная сказка о великолепной, скромной девушке из параллельного мира, только что обратилась в пыль. Так ему и надо!

Под занавес моей тирады, парень робко предложил:

— Так может вернёмся? Будем в Вешенке жить. Денег подзаработаем, а уж после...

Ага... Заработаешь на местном товаре, как же! Вот на предметах из моего мира заработать действительно можно, только проще сразу костёр сложить и к столбику себя привязать, потому что итог этой торговли будет именно таким.

— Пойдём! — скомандовала я, сама ужаснулась повелительным ноткам в голосе.

Косарь безропотно поплёлся следом.

Почти сразу за спиной послышался цокот копыт и надрывная фальшивая песня о козе.

Отчего-то, показалось, что поют обо мне. Огромная телега, доверху набитая всевозможным скарбом, породила в душе искреннюю зависть.

Я привычно посторонилась, Косарь оказался рядом, всем видом изображая заботу. Легенду нашу отрабатывает, лицедей проклятый. Чтоб ему пусто было!

Едва лошадка поравнялась с нами, я крикнула:

— Здравствуйте! Любезнейший, а вы случаем не в Западный направляетесь?

Худосочный возница в драных штанах притормозил, вылупил глазёнки. Я, на всякий случай, вежливо поклонилась. Запоздало поняла, что именно смущает мужичка — я и раньше красавицей не была, а после общения с комарами превратилось в сущее чудовище.

— В Западный, — осторожно ответил «водитель».

Я смущённо опустила глаза, спросила ласково — ласково:

— Любезнейший... Вы не могли бы нас подвести? Только денег, заплатить за проезд, у нас нет...

— Денег? Зачем? Садитесь, конечно! — и добавил совсем осторожно: — А твой-то чего? Сам спросить не мог? Немой?

Из немногочисленных правил, которые успела узнать в Вешенке, следовало: в этом мире равноправием даже не пахнет. Место женщины между печкой и люлькой, а тот муж, что позволит сойти с этой траектории, признаётся слабаком и подлежит всеобщему осмеянию.

— Немой, — подтвердила я. — От испуга речь потерял. Мы в лесу ночевали, а на нас медведь вышел.

— Ну... это, глядишь, пройдёт, — облегчённо сказал возница. — Я тоже как-то перепугался, после месяц слова вымолвить не мог. Такое и впрямь бывает. Вы не стойте, садитесь. У меня полтелеги сена, так вы прям на него. Сами-то откуда будете?

— Из Вешенки, — сообщила я, переваливаясь через бортик.

Лошадка тронулась, скрип колёс слился с приглушённым цоканьем и понуканьями возницы. Косарь в мою сторону даже не смотрел.

— Вешенка... Вешенка... — озадаченно повторил наш спаситель. После хлопнул себя по лбу и обернулся. — Так чего же вы по тракту пошли? Из Вешенки в Западный прямая дорога есть, раза в три короче.

Кажется, мне удалось сохранить лицо, хотя внутри случился ядерный взрыв, а кулаки сжались так, что ногти впились в ладони.

— Заблудились мы... Слишком редко в Западном бываем.

— А... — понимающе протянул мужик. Хотя на лбу было написано: только полный идиот, страдающий последней стадией пространственного кретинизма, мог заблудиться на прямой дороге, ведущей из пункта «А» в пункт «Б».

Я согласно кивнула, но от взгляда в сторону Косаря воздержалась.

Ну Косарь... Ну попутчик... Сочиняй отмазки и молись, чтобы я поверила, в твою невиновность!

— Эгей! — крикнул возница весело. — Держитесь ребятки! Через пару часов уже в городе будем!

Лес резко закончился, мир превратился в бесконечный луг. Вдалеке, справа, чернели крошечные домики незнакомой деревни.

Да, мужик прав. Главное — держаться. Несмотря на то, что расцарапать морду Косаря хочется сильнее, чем попасть домой.

— Я в самом деле заплутал, — шепотом оправдывался Косарь и казался до того искренним, что не поверить я не могла. Но всё равно изображала смертельную обиду, сконцентрировав внимание на торговых рядах.

Рынок Западного оказался... мерзким. Бесконечные рыбные развалы источали невыносимый смрад, накрывали вонючим облаком весь город. Овощной ряд был предельно убогим, кроме репы и прошлогоднего лука ничего толком не было. Тут же торговали тканями и одеждой — всего два лотка, даже взглянуть не на что.

Тем не менее, мы медленно ходили по рядам, в надежде высмотреть что-нибудь необычное. Увы, торговцы оказались не менее заурядными, чем их товары.

Отчаявшись, мы завернули в самый дальний, самый неприглядный угол рынка. Здесь притаились люди, которых в моём мире когда-то называли старьевщиками. Местный блошинный рынок только подтвердил и без того мрачные выводы — этот мир беден, как церковная мышь, и гол, как новорожденный младенец. Проще найти молекулу в вакууме, чем хоть какую-нибудь дверь!

Едва сдерживая слёзы, склонилась над прилавком одного из торговцев: старый закопченный горшок, обломок топора, несколько истлевших тряпиц, несколько крупных костей, явно коровьих, горка непонятных, сморщенных ягодок... Чёрт, ну и как жить дальше? Может, действительно вернуться в Вешенку?

— Что ты ищешь? — шепотом спросил торговец.

— Предметы из другого мира, — не подумав, ответила я.

Тут же получила болючий тычок от Косаря.

— Она шутит, — пробасил парень, перекрывая гомон всего рынка.

Торговец тяжело вздохнул и выдавил очень искреннее «жаль».

Мы усталились на мужичка, как два барана, а он продолжил, причём так тихо, что часть его слов пришлось читать по губам:

— Жаль. Есть у меня один знакомый...

— Где его найти? — глухо отозвалась я.

Торговец смерил пристальным взглядом, потом обратил внимание на Косаря. После ночёвки в лесу, он ещё больше походил на разбойника — короткая, светлая щетина вместо причёски, плавно переползающая на щёки и шею, ручища, как брёвна, широченные плечи, потрёпанная несвежая рубаха, кожаный жилет со следами грязи, внушительные сапожища.

— От площади направо. Третий дом.

Я ушам не поверила. Неужели торговец и впрямь согласился выдать своего «знакомого»?

— Спасибо, — искренне прошептала я, тут же смутилась: — Простите, нам нечем вас отблагодарить.

Последняя фраза мужику не понравилась. Он махнул рукой и отвернулся. Я хотела объяснить, извиниться ещё раз, но Косарь уже схватил за локоть и поволок прочь.

Прежде чем идти к «знакомому» старьевщику, мы решили перекусить. Остановились на площади города, представлявшей собой большую круглый блин, в центре которого высился не слишком изящный фонтан. Кстати, сам город Западный больше напоминал огромное село, а этот фонтан был единственным признаком настоящей цивилизации.

Вокруг, как грибы, торчали непрезентабельные деревянные домики. В отличие от деревенских, эти были двухэтажными, а те, что примыкали непосредственно к площади, даже оснащены некими подобиями балконов.

Местное население одаривало приезжих стандартными взглядами, в которых отчётливо читалось: понаехали! И кривоватыми улыбками, на которые хотелось ответить ударом кирпича или автоматной очередью.

Время близилось к полудню, солнце уже не припекало — жарило. От выступившего пота вчерашние волдыри воспалились, зудели жутко. Интересно, на кого я сейчас похожа? На Фреди Крюгера? И как с такой непрезентабельной внешностью разговаривать с серьёзным торговцем? Он ведь меня и на порог не пустит...

— Настя, не зевай! — воскликнул Косарь, пихая мне в руки кусок пирога и флягу, прикладываясь к которой старалась искренне забыть, что наполнял её из городского фонтана. — Эх, зря ты его напрямую спросила, — продолжил парень сокрушенно. — Кабы беды не вышло.

— Волков бояться — в лес не ходить. И вообще, лучше рискнуть, чем бродить по этому рынку несколько дней. Мы выяснили главное, теперь дело за малым.

— За малым? И что ты ему предложишь? Денег-то нет!

— Не паникуй, — строго скомандовала я. — Дожевывай и пойдём.

Так... От площади направо, третий дом...

Чёрт, а как определи где это «право»? Лицом к фонтану становиться или спиной?

Я выбрала простейший вариант, встала спиной к рынку и поспешила в переулок. Каждый шаг сопровождался недовольным пыхтением Косаря. К счастью, от комментариев мой спутник воздержался.

«Третий дом» оказался простым двухэтажным строением, без всяких балкончиков и резных наличников. Заподозрить, что здесь живёт богатый человек (а торговец предметами из моего мира по определению не может быть беден) было невозможно. С лёгким подозрением, что всё-таки ошиблась, постучала в дверь.

Она распахнулась практически сразу, я такой прыти не ожидала — вскрикнула и отскочила.

На пороге стоял высокий, худой старик в восточном халате и с недоверием таращился на нас. Похоже, он ждал кого-то другого.

— Что надо? — проскрипел старик.

— Ничего! — поспешно ответил Косарь, хватая меня за рукав. — Мы ошиблись.

Я возмущённо взвизгнула:

— Нет! Всё правильно.

Косарь зашипел, попытался оттащить от двери, но было поздно. Глаза старика вспыхнули любопытством, он ухватил за второй рукав и потянул к себе.

— Ты ведь из другого мира, верно? Заходи! Заходи скорее, пока никто не увидел!

Как ни странно, в состязании по перетягиванию меня, победил торговец. Здоровенный деревенский детина не выдержал напора сухонького старца, полетел через порог вместе со мной. Я споткнулась, благополучно растянулась на полу, сверху придавила неподъёмная туша — Косарь. Хотела вскрикнуть, но из сдавленных лёгких даже писка не вырвалось.

— Вставай! — скомандовал старик, спешно оттаскивая Косаря. Меня поднимал учтиво, хлопотливо прыгал вокруг.

Прежде чем закрыть дверь, старик высунул нос на улицу и опасно огляделся.

— Никто не видел, — облегчённо выдохнул он и вновь уставился на нас.

Кроме восточного халата, на нём были остроконечные восточные туфли. На лице — растительность, а — ля Старик Хоттабыч: кустистые белые брови и длинная, жидкая борода. Глаза, подёрнутые лёгкой дымкой, казались наивными и счастливыми до неприличия.

— Откуда... — выдохнул старец. — Откуда в наших краях колдунья?

Раскрывать секрет Вешенки совсем не хотелось.

— Издалека. Я случайно оказалась в этом городе. Услышала о вас, решила познакомиться.

Торговец не удивился. Он по — прежнему смотрел со щенячьим восторгом и боялся шевельнуться.

— Так чем торгуете? — не выдержала я.

— А? — старик всплеснул руками, и задался совсем другим вопросом: — Что же я вас на пороге держу? Проходите, проходите! Сейчас велю подавать обед! Как вы относитесь к вину? У меня есть лёгкое, с южных берегов Ремвида. Удивительное вино! Лучше нектара!

Под торопливое жужжание, ахи и вздохи, нас затащили в соседнюю комнату. Тут я узнала, что внешняя скромность жилища и впрямь обманчива...

Просторная комната напоминала подсобку музея искусств. На стенах, оклеенных светлыми обоями, кучно висела живопись. Каждая картина была заключена в тяжелую золочёную раму — мечту провинциальной купчихи прошлого века. Тут же, у стен, возвышались скульптурные композиции, начиная ангелочками, стилизованными под эпоху Ренессанса, и заканчивая советскими красавицами типа «Девушка с веслом», «Девушка с диском» и «Пловчиха на старте». Два «Писающих мальчика» стояли отдельно, судя по всему, являлись особой ценностью и гордостью хозяина.

Под потолком болтались три люстры допотопного дизайна, снабженные настоящими электрическими лампочками. Однако освещали комнату несколько «керосинок», умело превращённых в настенные бра. Пол комнаты покрывал большой кусок ковролина.

В центре возвышался громадный стол. Ножками служили оструганные брёвна, а вот столешница напоминала хорошо замаскированный ДСП. Вокруг него четыре обшарпанных стула с круглыми сиденьями и гнутыми спинками. Кажется, в моей квартире подобный стул тоже имелся...

Тщательно скрывая удивление, спросила:

— Вы этим торгуете?

Старик, который уже успел слетать в соседнюю комнату и громко проорать какой-то Малке, чтоб срочно подавала обед, расплылся в улыбке.

— И этим тоже. Но на такие вещи спрос маленький: для здешних слишком дорого, а столичные в наши края заезжают нечасто. В основном, я продаю вот это...

С этими словами, старик вновь скрылся в соседней комнате, чтобы вернуться с большим деревянным ящиком и представить моему взгляду широкий ассортимент хозяйственных

мелочей, явно китайского производства. Круглыми глазами, я уставилась на мотки пластиковых верёвок, упаковки прищепок, дешёвые ножеточки и овощечистки. Косарь молчал рядом, старательно изображал удивление.

— И хорошо берут? — поинтересовалась я.

— Не жалуюсь, — просиял старик, спеша усадить нас за стол.

Он опять исчез. В этот раз оставил нас на добрых десять минут.

— Не нравится мне этот тип, — тихо пробормотал Косарь. — Может пойдём отсюда, а?

— Успокойся. Всё хорошо.

Судя по всему, старик торгует запрещённым товаром лет тридцать. А китайское барахло получил относительно недавно — пять лет назад такие товары даже в Москве встречались редко. Значит, у него есть выход на кого-то, кто бывает в моём мире.

— Что ты задумала? — прошептал Косарь.

— Не задумала, а поняла. Нам не обязательно искать дверь, проще — найти колдуна.

Парень мой восторг не разделил:

— Скажешь тоже... Живого колдуна, даже если таковой имеется, тебе никто не выдаст.

А торгош — тем более, ему такой риск ни к чему.

— Спорим? — совсем развеселилась я.

Увы, заключить пари не удалось — именно в этот момент вернулся «Хоттабыч», вооружённый бутылкой вина и тремя бокалами. Он с невероятной гордостью водрузил стекляшки на стол. Я поспешила одобрительно кивнуть, мол, бокалы и в самом деле великолепны, в жизни ничего красивее не видела.

Сломать глиняную печать на бутылке поручили Косарю. Комната мгновенно утонула в волшебном, незнакомом аромате.

— Южное! — с важностью сообщил старик, многозначительно поднял палец. Тут же проявил удивительное знание традиций моего мира, предложил выпить за знакомство и чокнуться. — Вы хотели о чём-то попросить?

А старик, однако, догадлив... Я не сразу смогла справиться с робостью, бороться с румянцем даже не пыталась. Ненавижу просить, ненавижу унижаться...

— Мне нужна помощь.

— Я так и думал, — проскрипел старик, вмиг посерьёзnel. Но лицо оставалось по — прежнему благожелательным, глаза горели любопытством. — У тебя что-то случилось, верно?

— Да. Я потерялась. Мне нужно найти колдуна. Любого, кто может перемещаться в мой мир.

Вместо прямого ответа, старик завёл старую шарманку:

— В Ремвиде колдунов не жалуют... Согласно нашим законам, каждый, кто умеет обращаться с волшебной дверью, подлежит уничтожению. Архиепископ считает, что общение с иномирцами несёт зло.

— Давайте поговорим начистоту? Мнение архиепископа абсурдно, и вы прекрасно это знаете. Ну какое зло могу принести, например... я?

Торговец смерил задумчивым взглядом и если бы ни любопытство в его глазах, я бы не рискнула продолжить.

— Посмотрите на меня, ну разве я опасна? Всё наоборот. Я могу принести огромную пользу, и вам и всему Ремvidу. Я могу добыть лекарства, предоставить технологии. Сотрудничая с моим миром, Ремвид может стать самым могущественным королевством.

— Я понимаю, — кивнул старик. — Только это не отменяет приказа архиепископа. Если тебя поймут, если узнают о нашей встрече... меня отправят на костёр, вслед за тобой.

— Кто не рискует — не пьёт... — я на секунду задумалась, отхлебнула из прозрачного бокала, — такого замечательного южного вина.

— Молодость, — заключил старик со вздохом. — Ты говоришь правильные вещи, девочка. Но что можешь предложить за помощь? Фантазии о спасении всего мира мне неинтересны.

— Если сможете найти колдуна, я добуду для вас любые товары. В любых количествах.

— Телегу шелка? — оживился старик.

— Легко.

— И телегу соли!

— Ладно.

— И ещё пару вот таких статуй, — сухой перст торговца указал на «писающих мальчиков». — И фарфоровый сервиз!

— Хорошо.

— Ты ещё джинсы попроси, — не выдержал Косарь.

— Джинсы? А что это?

— И джинсы, — резюмировала я, протягивая торговцу руку.

О волшебной силе рукопожатия старик явно знал, но завершать нашу сделку не спешил.

— Мне нужно подумать. Не могу вот так, сразу... Я деловой человек. Понимаете?

О да... Понимаю... Более того, согласишься он так просто, я б насторожилась не хуже Косаря. Зато теперь серьёзность намерений «Хоттабыча» налицо, и мне это нравится.

В комнату ввалилась дородная, краснощёкая баба с дымящимся котелком щей. Через пять минут мы уплетали за обе щеки, причём хозяин лавки не уступал аппетитом оголодавшему Косарю. Вслед за щами на столе появился поднос жареного мяса и варёный корнеплод, по вкусу подозрительно похожий на картофель.

Старик щедро подливал вина, укрепляя мою уверенность в благополучном завершении сделки — кого попало таким напитком не потчуют.

В конце обеда, «Хоттабыч» предложил остаться у него. Сам планировал размышлять до утра, потому как важные дела спешных решений не терпят.

Я сыто икнула, уже приготовилась проследовать за краснощёкой в отведённую комнату. Но когда попыталась встать, ноги подкосились, я «звездой» распласталась на ковролине. Прежде чем разум затуманился окончательно, с грустью поняла — поднимать меня никто не спешит. Даже Косарь, зараза, остался в стороне от моего горя.

Очнулась в кромешной тьме, с ощущением дичайшего похмелья. Здесь было всё: желудок отплясывал джигу, мозг болтался в черепной коробке, как подсушенный орех в скорлупе, голова раскалывалась, а любое движение вызывало водоворот жутких ощущений.

Пошарив руками, нащупала ведро. Дай бог здоровья тому, кто догадался поставить его у изголовья кровати! В следующую секунду, желудок не выдержал и всё-таки исторг остатки обеда. Потом ещё раз. И ещё.

Я попыталась снова лечь, но в комнату вбежала краснощёкая женщина с керосиновой лампой в руках...

Боже, как она топает! Подкованный слон и то тише ходит! А лампа? Где она отыскала такую яркую лампу? В музее пыток?

Без малейшего почтения, краснощёкая всучила мне какой-то ковшик и заставила пить.

Жидкость была горькой, густой и крайне противной.

— Где я?

— В доме торговца Хабыча, конечно.

Хабыч? Кто такой Хабыч? А... Хоттабыч! Чёрт, я ведь даже имени его не спросила, когда встретились. Зато с прозвищем не ошиблась.

— А Косарь где?

— В соседней комнате.

— Ему тоже плохо?

— Увы, — грустно вздохнула женщина. — Ума не приложу отчего вам поплохело. Я ж всё свежее подала, а вино так вообще сказка.

Ага... Хороша сказка. Всего два бокала и мечта о встрече с наркологом становится заветной.

— Ну ничего, ничего, — успокоила краснощёкая. — Ты сейчас полежишь часок и всё пройдёт. А после и ехать можно.

— Ехать? Куда ехать?

— Как куда? С Хабычем. Он сказал, по делу.

Уф... Я с мрачным облегчением откинулась на подушки. Значит, всё-таки согласился. Что ж, такие новости вполне стоят похмелья.

Через час мне действительно полегчало: желудок по — прежнему отплясывал, но вырваться на свободу уже не пытался. И головная боль отступила.

Мысленно благословив краснощёкую, выбралась из спальни. Тут же столкнулась с помятым Косарем. Сравнить ощущения не стали — и без того тошно.

Хабыч ждал внизу, с аппетитом поглощал обильный завтрак. При виде еды, мой желудок опять совершил сальто, Косарь тоже позеленел.

— Проснулись, голубчики! — разувлыбался торговец. — А я уж испугался, что помрёте! Что ж вы... Чуток вина и уже с ног?

Вешенский верзила одарил Хабыча лютым взглядом, но промолчал. Схватив меня за руку, Косарь ринулся к двери. В спину прилетел ещё более оптимистичный возглас:

— Правильно! Подождите снаружи! Заодно воздухом подышите и с сыном моим познакомитесь!

— Что ещё за сын? — пробормотал Косарь, толкая входную дверь.

В лицо ударил прохладный ветерок, заставив отступить последние симптомы похмелья. Город, окутанный предрассветной серостью, мирно спал.

Метрах в трёх от нас фыркнуло, и только теперь заметила массивную хмурую лошадь, запряженную в телегу и не менее хмурого возницу. Старьевщик с рынка, а это был именно он, не выказал особой радости, просто махнул рукой и опять погрузился в дрёму.

— Косарь, мне это не нравится, — сдавленно прошептала я.

— Мне тоже, причём давно.

Я, наконец, очнулась. И о чём раньше думала? Вот ведь...

— Нет, ты послушай. Эти двое не просто партнёры. Этот, — я кивнула на возницу, — заманивает людей в лавку, а второй угощает вином, попросту — травит. Что делают после — не знаю, но мне кажется, обворовывают и убивают.

— Ну, это и курице ясно. Меня двумя бокалами вина не свалить. И спали мы слишком долго — с обеда и до самой ночи.

— Погоди. Дело не в этом. С нами хотели поступить как обычно, но передумали. Как

думаешь, почему?

— Не знаю и знать не хочу.

Я задумалась. Может эти двое и впрямь хотят отвезти нас к колдуну, чтобы получить телегу шелка и прочей ерунды? Или сдать в лапы архиепископа? Впрочем, во втором случае, нас должны были отдать страже. Точнее не «нас», а меня. Косарь ведь не колдун, это невооруженным взглядом видно. Чёрт, что же им нужно?

Отведя Косаря на пару шагов в сторону, тихонечко поведала о своих догадках.

— Ключи на месте? — мрачно прошептал он.

— Да. Я как только проснулась, сразу проверила.

— Бежать нужно.

Вот уж не знаю... А что если Хабыч и впрямь к колдуну отведёт? Упустить такой шанс, пусть даже поездка грозит серьёзными неприятностями...

— Нет. Нужно делать вид, что ни о чём не догадываемся. Если запахнет жареным — сбежим. К тому же, Хабыч явно знает о дверях и колдунах больше, чем говорит.

— Говорит? Да он вообще ничего не сказал!

— Косарь... — зашипела я.

Спутник посверлил меня взглядом, но всё-таки кивнул. Благоразумия в этой затее ноль, однако лучшего плана у нас нет. К тому же, сбежав от торговцев, дадим повод рассказать о нас властям.

— Эй, вы там надолго? — громким шепотом позвал Хабыч. Торговец как раз вывалился из дверей, примеривался влезть на козлы рядом со старьевщиком. Он сменил восточный халат на самую обычную одежду, какую носят и в Вешенке, и в Западном, стал похож на заурядного старичка. #286493106 / 26-апр-2015

Косарь тяжело вздохнул, одарил меня ещё одним недобрый взглядом и повёл к телеге. Перевалившись через бортик, я обнаружила широкую, довольно мягкую подстилку из соломы и несколько мешков. Наши заплечные котомки, содержание которых мы не проверяли, расположились рядом.

— Ну! В добрый путь! — воскликнул Хабыч. Телега тронулась.

— А в какой стороне ваш колдун живёт? — осторожно спросил Косарь.

Торговец, явно довольный любопытством парня, обернулся.

— Близ столицы. Так что путь будет долгим.

После вчерашних приключений, общаться с торговцем желания не было. Да и уверенности, что смогу достоверно изобразить святую простоту — тоже. Поэтому, благоразумно молчала. Косарь тоже помалкивал, но не благоразумно, а сердито.

Сперва боялась — вдруг напряженность детины выдаст наши намерения, но Хабыч сам придумал отговорку и без конца повторял её:

— Не хочешь девицу отпускать, да? Думаешь, как увидит дверь, так и сбежит?

Второй торговец, имени которого так и не назвали, к нам не поворачивался. В том, что к родне Хабыча он никаким боком, я не сомневалась. Просто подельник. Бандит, взятый в качестве моральной и силовой поддержки.

Дорога была скучной, пейзажи до чёртиков однообразными. Поэтому я дремала, изредка просыпалась, чтобы позволить эту роскошь Косарю. Один раз оба попытались притвориться спящими, но наша затея надежд не оправдала: торговцы не воспользовались моментом, чтобы в подробностях обсудить злодейский план, продолжили беседовать о пошлинах и дефиците железа. Чёрт, как же нам узнать, что к чему? Может ночью эта

парочка разговорится?

Увы, ночью торговцы обсуждали всё те же пошлины, и эти разговоры сильно смахивали на издевательство.

Ночевали мы на полянке близ дороги. Мне, как существу ранимому и к походной жизни неприученному, отвели место в телеге, на сене. Мужчины расположились у небольшого костерка и после скромного ужина уснули. Только отоспавшийся Косарь заметно маялся, то и дело приходил проверять — не сожрали ли вурдалаки моё хлипкое тельце.

Утром моё терпение кончилось. Едва телега вновь выкатила на дорогу, начала приставать к Хабычу с расспросами.

— А как выглядит этот колдун?

— Это не колдун, а колдунья. Ну какая она... Да обычная, на тебя чем-то похожа.

— А как она одевается?

— Да никак. Одежда, как одежда.

— А давно вы с ней знакомы?

Старик игриво подмигнул, дав понять, что на такие вопросы не отвечает. Разумно, если бы меня спросили «как долго нарушаешь закон», я б тоже промолчала. Но, в конце концов, Хабыч смилостивился.

— Мы с колдуньей давно познакомились. Она тогда только — только в наш мир пришла. Серенькая такая девчоночка, бледная. Сперва просто жила, потом плечи расправила, сговорила с торговцами, и понеслось... Я много позже к этой братии примкнул, стало быть на мне вины меньше. А баба она толковая, но больно деловая. Думаю, за просто так дверь для тебя не откроет. Так что пока думай, чем оплатить сможешь. И обо мне не забудь!

Не забуду, даже не надейся. Я вчерашнее похмелье на всю жизнь запомнила.

— И как же она... близ столицы? Под носом у архиепископа? — пробасил Косарь.

— Как-как... Как ёжики размножаются, — весело ответил торговец.

Вешенский здоровяк захлопал ресницами, недоумённо уставился на меня. Пришлось пояснить:

— Осторожно. Очень осторожно.

Возница заржал почище впряженной в телегу лошадки. А я словила от Косаря такой взгляд, что покраснела до кончиков ушей. Интересно, если бы я действительно была его невестой, он бы меня бросил? За, так сказать, неприличное поведение.

— А зовут её как?

— Э не!.. — хитро протянул старик. — Я и без того много о ней рассказал. Ты, конечно, девушка хорошая, но всего не открою. А то мало ли... пожалеешь для старого услужливого Хабыча телегу шелка и эти, как их, джинсы. К тому же, сама всё равно не найдёшь, даже если улицу и дом назову.

Я смущённо опустила глаза. Подозрения торговца вновь распалили щёки.

— Я вовсе не думала...

— Не оправдывайся! Всё понимаю. И недоверие твоё тоже. — Старик обернулся, уставился на меня с сожалением. — Ты ведь думаешь, дескать отравить пытался? А я же лучшее вино поставил, уважить хотел. И не догадывался, что вас от южного нектара так скрутит. Поди никогда такого не пили? Может оттого и поплохело?

Под этим взглядом стало по — настоящему стыдно. Что если дело не в отраве? Может у нас с Косарем банальная аллергия на какой-то ингредиент этого вина? А мы уже записали

Хабыча и его товарища в преступники.

— Нет, — попыталась оправдаться я. — Мы совсем не думали...

Старик отвернулся, выдав напоследок грустную, отеческую улыбку.

Зато Косарь, в отличие от меня, остался на своём. Больно ткнул в бок и покрутил пальцем у виска.

Чёрт, и кому из них верить?

Ближе к полудню, подъехали к перекрёстку. Здесь, невзрачная дорога, которую искренне считала трактом, пересекалась с другой — по — настоящему широкой, утопанной до состояния камня.

— Главный тракт, — гордо сообщил Хабыч, — по нему за две недели до столицы домчимся. Деревень по пути много, можно и запасы пополнять и ночевать, при желании. А вот в города заезжать я бы поостерёгся. Там стража, коли пристанут — не отбрешешься.

— А много городов? — спросила я.

— Три. Ну так что, эту ночь на постоялый двор просимся? Или в лесу? — этот вопрос старика адресовался Косарю. — Я и за четверых заплатить могу, если ещё телегу шелка накинете.

На щеках моего спутника взиграли желваки. Я уж открыла рот, чтобы согласиться, но Косарь опередил, выдавил с великой неохотой:

— Не надо. Мы сами за себя заплатим.

Что? Значит, деньги у нас всё-таки есть? Вот зараза! Ну погоди, я тебе устрою допрос в лучших традициях гестапо!

Мой душевный порыв был замечен и истолкован совершенно правильно. Косарь отодвинулся и принялся насвистывать незатейливый мотивчик, подозрительно похожий на известную попсовую песенку из моего мира.

— Ну и кто ты после этого? — зло прошипела я.

Он приложил палец к губам и сделал страшные глаза.

Тракт был прямым и не слишком оживлённым. Мимо проплывали (верее проползали) островки леса, луга и поля. Изредка, вдалеке виднелись скопления домиков и одинокие постройки. Солнце пекло в полную силу, заставляя обливаться потом и часто прикладываться к флягам с водой.

Подъехав к мосту через какую-то речушку, возница притормозил, чтобы позволить нам с Косарем наполнить все фляги. Тут-то я деревенского громилу и достала...

Едва спустились к реке, набросилась на Косаря с кулаками.

— И как это понимать? — прошипела я, примеряясь к шее здоровяка. Тот факт, что по сравнению с Косарем, я — хилая пигалица, пугал не больше, чем выпрыгнувший из воды лягушонок.

— А что? — смущённо отозвался он. — Ну подумаешь, приврал чуток...

— Чуток? И дорогу ты, значит, случайно перепутал! И в комариный лес случайно завёл? И медведь нам встретился совершенно случайно, так?! Да как тебе не стыдно, зараза?!

— Ну... медведь и вправду... не нарочно.

И всё-таки не удержалась, треснула кулаком в грудь. Это было лишним...

Через секунду я оказалась в медвежьих объятьях Косаря. Не обращая никакого внимания на мои трепыхания, парень ласково скалился и жмурился от счастья, как обожравшийся сметаны кот.

— Косарь! Я не шучу! Объяснись! Немедленно!

— А что тут объяснять? — просиял здоровяк. — Разве непонятно? Не хочу тебя отпускать.

Я глухо зарычала. В отличие от него, я в этой ситуации ничего весёлого не видела.

Косарь, кажется, осознал, тут же посерьёзней.

— Да не рычи ты... Я ж как лучше хотел. Думал, пыл остудить...

— Пыл?

— Ну да. Сама подумай: чего тебе дома делать? Там тебя стражники под белы ручки возьмут...

— Не возьмут! Я уже объясняла!

— Да ладно, ладно... Настя, ну ведь правда незачем туда возвращаться.

— Там мой дом!

— Ну не смейся. Видел я этот дом. И город твой видел. Ну чего в нём хорошего? Кроме электричества и джинсов?

— Косарь!

— Ты живёшь одна. Родители на тебя плюнули. Людей из своего мира избегаешь. Боишься каждого шороха... Там ты несчастна. — Он помедлил, собираясь с мыслями. — А здесь расцветаешь, как майский цветок. Настя, ты должна жить с нами. В Вешенке. Мы построим тебе дом, поможем освоиться, научим, расскажем.

— Нет, Косарь! Деревня не для меня. Я никогда не привыкну к такой жизни.

— К какой такой? — насторожился парень.

— К жизни в навозе! Все эти грядки, куры, рыба, чёрт бы её побрал. Посмотри на мои руки — через пару лет, кожа станет неотличима от рыбьей чешуи. А моё лицо? Оно обветрится, покроется морщинами! Что ещё? Рожать буду по ребёнку в год? Мечтать о хорошем урожае, чтобы зимой не сдохнуть от голода? С восторгом смотреть на очередное самодельное платье соседки и втихушку мечтать о таком же?

— Значит, вот как о нас думаешь... — убито отозвался Косарь, разжал руки.

Никогда не видела его таким. Лицо утратило краски, серо — голубые глаза потемнели, замерли, как две стекляшки. Кажется, парень даже пошатнулся.

— Извини, — запоздало буркнула я. — Не хотела тебя обидеть.

— Не хотела, но обидела. — И добавил, нарочито бодро: — Ладно, Настя, пойдём к телеге. А то уедут без тебя, и будешь... всю жизнь в навозе возиться. Как я.

Стыд застелил глаза, распалил щёки. На негнущихся ногах выбралась к телеге, с трудом перевалилась через бортик. На недовольный вопрос возницы «Чего вы там застряли?» только вздохнула.

Теперь уже я отодвигалась от мрачного Косаря и чувствовала себя вселенским злом. Ведь могла промолчать, а вместо этого выкатила всё, что думаю, обидела единственного друга.

«Ну и сволочь ты, Настя, — подумала я, пряча лицо в ладони. — Он ради тебя на воровство пошёл, из дома сбежал, жизнью рисковал, а ты... Тварь неблагодарная.»

Я закусила губу и постаралась не разреветься. Только слёзы из глаз всё равно выпорхнули, покатались, обжигая щёки.

Из этого оцепенения не вывел даже громкий, настагающий стук копыт и удивлённый возглас Хабыча:

— Да это же... королевский гонец! Эй, любезный, что случилось?

Гонец не ответил, промчался мимо, будто за ним сам чёрт бежит.

— Во дела... — выдохнул торговец так, будто прежде все гонцы его величества обязательно останавливались и докладывали Хабычу обо всех происшествиях. — Не к добру это. Ну-ка, трогай поскорее.

Обещанная ночёвка на постоялом дворе, увы, не состоялась. Недовольный возница бурчал, что тащимся, как хромая улитка, потому и не успели. Странно, а мне казалось, едем нормально, и не останавливались нигде.

Косарь разобиделся, решил игнорировать меня до окончания времён. Даже вечером, когда я привычно закопалась в сено и сжалась в комочек, не пришел. Приятных снов не пожелал. Так и остался у костра в компании провожатых. Что ж, я это заслужила.

За время, проведённое в Вешенке, лишь украдкой видела звёзды — просто возможности всерьёз полюбоваться ночным небом не было. За вчерашнюю ночь я с лихвой восполнила этот пробел. Чем ещё заняться, если на толковые разговоры Хабыч не согласен, а травить байки с незнакомыми мужиками как-то... не весело, что ли. Может к концу пути наша компания станет по — настоящему сплочённой, может за эти две недели вляпаемся в тысячу приключений, одно другого интереснее, а может...

Нет, ничего не случится. Я не из тех, кто с лёгкостью сходится с незнакомцами. Вляпаться в приятные приключения ещё сложнее. В лучшем случае, судьба подкинет встречу с разбойниками или стаей оголодавших, бешеных волков. Или... уронит в речку, где я обязательно потеряю ключи.

Чёрт, ну почему даже здесь, в волшебном мире, не могу рассчитывать на малюсенький кусочек счастья? Наверное, я безнадежна. Это ещё один повод вернуться домой. Дома быть в дураках, вернее в дурочках, приятнее. Там, как говорится, даже стены помогают.

Интересно, родители сильно волнуются? Натка, наверняка сообщила, что отправит меня к ним, а я не приехала...

А сама Натка? Получила ли мой подарок? Поняла что-нибудь или по — прежнему считает меня наркоманкой и проституткой?

Теперь-то я знаю, сестра не сама придумала план моего переезда. Ей старая карга, Мария Петровна, подсказала. И ведь неплохо старуха придумала: писать заявление в полицию я бы и впрямь не стала, а с волшебной дверью распрощалась бы раз и навсегда. Чёрт, почему она так меня ненавидит?

Чёрт! Ведь через пару минут после моего бегства должен был появиться ОМОН! Чёрт чёрт... боюсь, после такого, шансов на реабилитацию у меня нет. Никаких!

Ещё вспомнился Рогор. Холодное, величественное лицо, чёрные глаза, длинные волосы цвета дёгтя. Где он сейчас? Всё ещё гребёт в свой Горанг или уже разбился о рифы? Если погибнет, будет жаль. Хоть он и хам, а всё равно... есть в нём нечто особенное. Как меня от Натки защищал... будто я действительно чего-то стою. И с собой звал, глупый... Неужели всерьёз считал, что сбегу из одной дыры в другую? Впрочем, будь он понастойчивей, может и сбежала бы.

От последней мысли пробил озноб. Как можно думать о Рогоре, когда рядом Косарь. Не только влюблённый, но ещё и оскорблённый. Эх, влюбиться бы в него... а не получается.

Проснулась от неприятного холода и сырости. Едва высунула из сена нос, на него тут же шлёпнулась капля, потом ещё одна. Редкий, но вполне настойчивый дождик барабанил по земле, небо было хмурым, как похмельный сантехник.

Бросив быстрый взгляд в сторону костра, белкой метнулась в другую, в кусты. Выискивая местечко поудобнее, едва не поскользнулась на огромной лягушке, которая учуяв дождь выползла на убежища. Отскочив от меня на добрых три метра, зелёная бестия замерла, вылупила кровожадные глазки. Делать свои дела под этим взглядом было неловко, однако искать другое, более подходящее, хотелось ещё меньше. К тому же, дождь стучал всё

настырнее, норовил превратиться в настоящий ливень.

Ой — ой — ой! Как же мы поедem дальше?

На этот вопрос ответил «старьевщик». Завидев меня у телеги, мужик быстро затушил костёр, сунул в руки пирог и кружку горячего травяного отвара.

— Нужно спешить, пока дорогу не размыло, — сердито сообщил он. — Так что, на ходу поешь.

— А где Косарь и Хабыч?

— Сейчас, — буркнул возница. — Запрыгивай в телегу.

Я подчинилась.

Вообще, под таким суровым взглядом возражать сложно. Возница — старьевщик глядел так, будто я изнасиловала его в извращённой форме, а потом ещё вывесила видео на «ютюбе». Он и раньше поглядывал недобро, но не до такой степени.

Наконец, из кустов вышел Хабыч. Старик без стеснения застёгивал штаны. Вот уж... дикие люди, лишённые комплексов.

Увидев моё смущение, торговец расплылся в грустной улыбке. К чему бы это?

Хабыч уселся рядом с возницей, скомандовал:

— Трогай.

Лошадь послушно двинулась вперёд, телега закрипела.

— Стойте! А Косарь?!

Старик обернулся, в глазах вселенская печаль.

— Не придёт твой друг.

— Как это?

Торговец замялся, начал бормотать под нос. Я в панике уронила кружку с отваром, схватилась за бортик, готовая выпрыгнуть в любую секунду.

— Ушел он, — сообщил старик со вздохом. — Сказал, ты поймёшь почему.

— Как ушел? Когда ушел?

— Ночью, — снова вздохнул старик, протянул мне маленький, туго набитый мешочек. — Косарь просил передать вот это. Сказал, тебе нужнее.

Бездумно взяла мешочек, на ощупь опознала в нём кошелёк.

Чёрт... Значит действительно ушел? А напоследок вроде как... позаботился.

— Не печалься, девочка. Всё хорошо будет. Довезём тебя до колдуньи, отправим в твой мир. А через пару недель так завертишься, что и думать забудешь о своём Косаре.

Чтобы не закричать закусила губу, во рту вспыхнул солоноватый привкус.

Косарь меня бросил. Не выдержал обиды и ушел. Теперь он вернётся в Вешенку и будет жить как раньше. И обо мне, твари неблагодарной, даже не вспомнит.

Важная мысль о том, что осталась одна в компании пары малознакомых мужчин настигла много позже. Сперва я как следует поревела, выла раненой белугой и едва не билась головой о бортик. Старик даже приказал остановить телегу, перебрался ко мне, обнял.

Слова утешения слышала, но осознать не могла. Кажется, он говорил о молодости, которая даёт много шансов; о будущем, в котором всё непременно будет хорошо; о возможности вернуться в деревню, где живёт Косарь... но только после исполнения обязательств. Ведь договоры жуликов не терпят, и раз пообещала, нужно выполнить.

Выполню, Хабыч, всё выполню. А потом вернусь к родителям и навсегда забуду о тебе, Косаре, Вешенке и Ремвиде вместе взятых. И никогда больше никому не доверюсь. И

плакать буду только по пустякам.

Вторя моему горю, дождь и не думал утихать. Прохладные капли падали на лицо, смывали слёзы. Платье намокло, отяжелело так, что встать могла с великим трудом.

Старик скоро вернулся к своему товарищу, принялся рассказывать про очередные пошрины, сетовать на несговорчивость сборщиков налогов и общую разруху в стране.

— Хорошо хоть армию немного подраспустили, — бубнил он. — А то на одни военные сборы сколько денег тратили! Зато теперь военный сбор уменьшили, а другой ввели. «На развитие технологий», слышал о таком? Знаю — знаю как и чего они развивают. Новый вид самогонного аппарата изобретают. Как пить дать! Другое придумать неспособны. Зато слово какое «технология»!

В сумерках, густых как переваренный кисель, подъехали к постоялому двору. К этому времени я продрогла до костей, зубы стучали громче, чем копыта неустанной лошадки.

Хабыч, тоже мокрый насквозь, помог выбраться из телеги, учтиво повёл в тепло. Не медля ни секунды, скомандовал организовать для меня отдельную комнату и приготовить лохань горячей воды. Подручные трактирщика исполнили указания с невероятной прытью. Через десять минут я лежала в обжигающей воде и чувствовала себя почти счастливой.

Ну и чёрт с ним, с Косарем! Пусть катится на все четыре стороны.

И чего он, собственно, ждал? Неужели думал, будто я в искреннем восторге от их захолустья? Что мне действительно нравится незатейливый деревенский быт?

Культурный уровень вешенцев тоже, поди, должен вызывать восторг! Ну конечно, любование фигурными козявками вполне схоже с посещением галереи современного искусства. А прослушивание многоголосого испускания газов на общем обеде спокойно заменяет поход в консерваторию.

— Чёрт! Да лучше сдохнуть в придорожной канаве, чем жить в Вешенке! — выпалила я.

Обвела злобным взглядом комнату, в поисках чего-нибудь, что можно сокрушить. Увы, кроме кровати ломать нечего. Разве что оконные ставни. Чёрт, как же надоел этот обшарпанный нищий мир!

В моём заплечном мешке обнаружилась прабабушкина юбка и кофта. Вещи были упакованы в полиэтиленовый пакет, поэтому остались совершенно сухими. Снова Косарь позаботился, будь он неладен! Воспользовался моей привычкой бросать вещи где попало. Чёрт!

К ужину спустилась злая, без малейшего намёка на слёзы.

Похоже, в небольшом трактире собралось всё местное мужичьё. Все столы заняты, мужики потягивают хмельное, переговариваются. Сидят плотно сбитыми кучками, издали напоминают «команды знатоков», которым задали общий, но крайне сложный вопрос. От гула, царящего в тесном зале, зазвенело в ушах.

Из-за ближнего столика встал и махнул Хабыч. Судя по всему, старик остался доволен моим преображением. Действительно, сколько можно плакать?

Мне тут же всучили кружку какой-то горячей жидкости, заверив, что это лучшее лекарство от простуды, даже мёртвых воскрешает. Я благодарно хлебнула и чуть не облевалась — большей гадости в жизни не пробовала. Из чего они варят это пойло? Из помоев перемешанных с... Впрочем, неважно.

Поднос с едой притащил сам хозяин, но отходить от стола не собирался.

— Вы откуда едете, люди добрые? — осторожно спросил он.

— Из Западного, — вежливо отозвался старик.

— Да ну!

В одно движенье, без приглашений и лишних поклонов, трактирщик скользнул на лавку, заметно подвинув недовольного возницу. Тот рыкнул в ответ и явно приготовился обложить нахала трёхэтажным. Всё-таки он правильный мужик, хоть и суровый.

— И как там, в Западном? — заговорческим шепотом спросил хозяин заведения, предупреждая ругань.

— Как? — брови Хабыча приподнялись. — Да как обычно.

— А горанцы?

— Какие ещё горанцы? Вы, любезный, о чём?

Глаза трактирщика округлились, вспыхнули неподдельным любопытством. Гул внезапно стих.

— Так три дня назад корабли Горанга пристали к западному берегу!

— Как это? Откуда знаешь?

— А вот так, — по тону трактирщика неясно печалится или наоборот — радуется, что может блеснуть перед заезжими. — Приплыли, высадили близ какой-то крайней деревни тьму — тьмущую воинов и двинули к столице. Они и лошадей привезли.

— Бреешь, — нахохлился Хабыч. — Лошадей на кораблях не возят!

— А вот и нет! Давеча у нас гонец один останавливался. Как раз лошадь менять. Та, что под ним была, совсем в мыле, едва не пала. Он и рассказал. Он как раз из Западного ехал.

— Так что же получается?..

— А получается вот что! — трактирщик важно потряс пальцем, скривил губы. — Горанцы идут с запада. Причём не просто идут, мчатся. Поговаривают, дескать даже не жгут никого и не убивают. Просто говорят, мол: ваша деревня тепереча наша, дани платить королю Горанга будете. И дальше едут. Правда, провизию для воинов и лошадей берут. Ну и самих лошадей тоже — на всех ведь из Горанга не привезёшь, часть пешими топает.

— Бреешь, — изумлённо повторил Хабыч. — Всегда жгли, а теперь не жгут? Не бывает так. Это ж не война получается, а так... Не война, в общем.

— Вот и я не верю, — встрял мужичок в красной рубахе, обвёл собравшихся рукой: — Говорю им, тикать надо, от горанцев-то! А они вона, по хатам сидят. Думают, и впрямь не тронут. А я им: вы хоть девок пожалейте...

— Ой, да заткнись ты! — не выдержал трактирщик. — Ничего мы не думаем. Просто вече деревенское решило с места не сниматься. Тронут ли нас горанцы — бабка надвое сказала, а свои, ежели уйдём, хаты точно почистят.

Я сидела как пришибленная, только глазами хлопала. Мало мне неприятностей, так тут ещё одна. Чёрт, везёт мне, как утопленнику. За что спрашивается? Я ж за свои жалкие двадцать годков даже нагрешить толком не успела. Всю жизнь покорной овечкой ходила, слова плохого никому не сказала. Так почему на мою голову столько напастей? Мама, забери меня отсюда...

Мужчины говорили долго, тщательно обсуждали подробности и варианты развития событий. Постепенно к разговору присоединился весь трактир, даже подавальщица о чём-то попискивала.

Из этого гомона я смогла уловить немного, но вполне достаточно, чтобы волосы встали дыбом...

Три года назад король Ремвида значительно сократил свою армию, часть Ремвидского флота затонула в прошлогоднем шторме. О возможном нападении знали ещё осенью,

именно тогда к королю прибыло посольство из Горанга, предложив добром подписать вассальный договор, но местный правитель послал дипломатов по матушке. Потом, до весны, терпел дипмиссию в своём дворце, потому как выгонять или убивать их закон запрещает.

Зимой на северной границе заметили оживление и отправили туда большую часть армии. От северной границы до столицы три недели хода, но армия — не простой конник, ей потребуется недель пять. А вот от западных пределов всего полторы недели, и если учесть, что горанцы не задерживаются, то аккурат через это время и приедут. Шанс разнести столицу Ремвида по камушкам у армии противника есть, причём немалый. Так что накрылся Ремвид медным тазиком и ручкой на прощанье махнул.

По версии местных, захватив столицу, горанцы вырежут всю знать и на освободившиеся места посадят свою. Сам Ремвид станет-таки вассалом Горанга, но для простого люда ничего не изменится. Горанцы не дураки, если верить гонцу, не хотят рушить страну, чтобы после восстанавливать не пришлось.

«Ага, — подумала я. — А ещё, если мужика не тронут, то местное население им в пояс поклонится. Никаких партизанских войн и народных волнений не будет. Да и подоспевшая армия Ремвида, увидав разгром столицы, станет очень сговорчивой. Если только король не сбежит и не призовет исполнить священный долг, защитить изрядно помятую корону.»

Шум и гам в таверне не утихали, народ и не думал расходиться. Мои провожатые тоже никуда не спешили. «Старьевщик» молчал с таким видом, будто Горанг своим вторжением нанёс ему личную обиду. Хабыч с испуганным лицом выслушивал предположения местных, что-то отвечал. А я кое-как дожевала ужин и откланялась.

Оказавшись в комнатке, из которой уже вынести «ванну», развесила мокрое платье и завалилась в кровать. Некоторое время смотрела как подрагивает огонёк на фитиле крошечного свечного огарка. Вскоре пламя дёрнулось в последний раз и исчезло, комната погрузилась во мрак.

Сон упрямо обходил стороной, провоцируя на новые, невесёлые мысли. Поплакав ещё полчаса над несчастливой судьбинушкой, я строго — настрого запретила себе паниковать. В конце концов, кому суждено стореть, тот не утопнет.

В сложившихся обстоятельствах только один момент по — настоящему важен: жилище колдуньи расположено близ столицы. Значит, если горанцы подойдут к городу, она захлопнет дверь и будет отсиживаться до тех пор, пока ситуация не наладится. А что всё это время делать мне? Денег на жизнь в Ремвиде нет (доставшийся от Косаря кошелёк набит медью, глупо полагать, что этого хватит), а военное время обычно взвинчивает цены. К тому же, если кругом опасность, мало кто решится взять на постой чужого человека. Так что же, сидеть в лесу? Я не смогу. Тем более, если останусь одна.

Промучившись пару часов, решила высказать свои опасения Хабычу. Нестерпимый гул внизу, который доставал меня даже здесь, на втором этаже за плотно запертой дверью, наконец, стих. Я на цыпочках прокралась к двери, благо комната настолько маленькая, что даже в темноте не заблудишься. Замерла в надежде расслышать шаги Хабыча и возницы.

Вскоре, они действительно прогрохотали по лестнице, потоптались где-то рядом и затихли. На меня снова накинута ужас — что если в новых обстоятельствах Хабыч откажется выполнить обещание? Он ведь не из добрых побуждений отправился в это путешествие, его интересует награда... Чёрт, что же делать? Как поступить?

Внезапно, тишину нарушил голос:

— Как теперь быть?

Я аж подпрыгнула. Завертелась на месте, в попытке найти источник звука. Правда без толку — слишком темно, чтобы разглядеть хоть что-то.

— Как-как... — ответил другой, в котором распознала Хабыча. — Ехать своей дорогой.

— Глупо! — в ярости вскрикнул второй, тут же понизил тон: — Из-за этого нападения до колдуньи и дела никому не будет.

Я, наконец, нашла. Вернее, нащупала. Стена между комнатами была хлипкой. Её составили из довольно тонких досок. У самой двери, между досками зияла приличная щель, усиливала и без того хорошую слышимость. Я прислонилась ухом к щели и затаила дыхание.

После долгой, напряженной паузы, Хабыч ответил:

— Возможно, ты прав. Но попробовать стоит. В конце концов, архиепископ не просто так дал новое распоряжение. Если он готов заплатить мешок золота за живую колдунью, или колдуна, значит дело крайне важное. Нужно ехать дальше.

— Да какое золото? Какое золото?! Армия Горанга идёт к столице. Ни сегодня, так завтра, нас догонят. Когда мы, на этой паршивой телеге, доберёмся до города, от него только руины останутся. А архиепископа порежут в первых рядах!

— Не порежут, — мрачно ответил Хабыч. — Этот вертлявый гад ужом из любой... выберется. И даже если он откажется от нашей добычи, сможем продать её столичной колдунье.

— Кому?

— Колдунье. Той самой, которая в столице.

— На кой ей эта девчонка?

— Да ни на кой. Но денег за неё не пожалеет, зуб даю. Мы с ней как-то говорили...

— Говорили? — искренне изумился возница.

— Ну да. Она сама предложила, мол, ежели поймаешь кого, не сжигай, а ко мне веди. За каким лядом это понадобилось, так и не сказала.

— Мож спасти «своих» вознамерилась? — предположил возница. — От архиепископа-то!

Ответом ему стал приглушенный смех Хабыча.

— Ага. Скорее голодный волк хромую овцу пожалеет. У колдуньи счёты какие-то. Добра она им точно не желает. Хотя, кто её знает.

Повисла недобрая тишина. Я почувствовала, как кружится голова, как подгибаются ноги, а лоб покрывается липкой испариной.

— Вот... времена настали, — вздохнул «старьевщик». Его голос утратил злые нотки, казалось, теперь мужик просто расстроен. — Раньше куда проще было. Поймал ведьму, градоначальнику предъявил, кошель получил и смотришь... как стража костерок складывает. А теперь?

— Зато платят больше, — тут же отозвался Хабыч.

— Но раньше-то, раньше... Колдуна или колдунью к столбику привяжут, костерок запалят, а те кричат — надрываются... И ещё запах такой, м... На весь город жареным мясом пахнет, красота. Аж слюнки текут.

Я спешно закрыла рот ладонью и попыталась дышать глубже.

Хабыч проигнорировал мечтательные слова возницы, сказал холодно:

— В общем так. На рассвете выезжаем, гоним, что есть сил. По приезде, пытаемся всучить её архиепископу. Если старикан не раскошелится — отдадим столичной колдунье.

Ну а ежели не поспеем в столицу раньше горанцев — «тюк» по башке, и в лесочке прикопаем.

— Хабыч... — голос возницы заметно повеселел. — Тюкнуть-то мы тюкнем. Вот только давай сперва... — Он перешел на шепот. — Говорят, колдуньи эти такое умеют, что нашим бабам и не снилось. Так что, ежели не сложится с выкупом, ты это... не препятствуй, короче.

— Ладно, — хохотнул старик. — Спи давай. Бесстыдник.

— А это... сторожить не будем?

— Да куда она денется? Все двери заперты, а ставни в её комнате забиты. Причём снаружи. Спи.

Рогор рассчитывал покинуть Вешенку с рассветом, но карты спутала своенравная природа, не пожелавшая одарить деревню удобной бухтой.

Разом в бухту могли войти только два корабля. Приходилось ждать пока пузатые тяжеловозы оставят груз, развернутся и освободят проход для следующей пары кораблей. Если бы не помощь магов, правивших парусами, высадка горанцев заняла бы добрый месяц, а то и больше.

Следом, мореплавателей ждал ещё один сюрприз — крутой подъём на высокий берег. Зато дальше земля была ровной, как стол, а вокруг самой деревни простирался широкий луг, способный вместить треть горанской армии.

В ожидании товарищей, воины жгли костры, перекусывали, жадно обсуждали возвращение главнокомандующего и предстоящий поход. Привезённых из Горанга лошадей располагали тут же, поили и кормили зерном из вешенских запасников. Правда, для этого пришлось выгнать из амбара местное население, половина которого тут же удрала в лес. Другая половина с распахнутыми ртами смотрела на кишашее кораблями море.

Несчастный, растерянный староста таращил глаза и никак не мог понять, почему горанцы не трогают: не жгут дома, не убивают мужичьё, не хватают девок и баб. Едва не свихнувшись от созерцания абсурдной, на его взгляд, картины, решил сунуться к Рогору, для которого разбили шатёр на дальнем конце луга. Но не тут-то было — дорогу преградили несколько воинов. Оружия не обнажали, но скалились пострашнее волков. От ужаса, староста начал заикаться. В итоге, так и не смог объяснить зачем явился.

Первый корабль привёз элитный отряд, подчинённый самому главнокомандующему, и дюжину военачальников. Половину из них Рогор сам поставил на эти должности, ещё шестеро получили назначения в результате недавних распрей. Впрочем, в военных умениях новоиспечённой элиты Рогор не сомневался — по долгу службы, главнокомандующий знал всех тысячников и сотников, шестеро «новичков» выбились именно из этих рядов. Но вот в их верности короне, в честности, Железный воин сомневался сильно.

Облачившись в лёгкий боевой доспех, привезённый из Горанга, Рогор велел созвать совещание. В его шатре сразу же появился стол, несколько длинных, деревенских лавок, кувшины и закуски. Военачальники примчались по первому зову, расселись и сосредоточенно уставились на Рогора.

Главнокомандующего и прежде считали человеком странным, побаивались. А теперь, после внезапного спасения, смотрели как на легенду. Мрачную, демоническую, но всё-таки легенду.

Рогор мысленно усмехнулся и начал излагать.

Он говорил коротко, не давая ни малейшего шанса возразить.

Сперва строго отчитал за то, что допустили свару; из-за мелочных выяснений кому встать во главе армии, чуть не провалили тщательно спланированную войну. По возвращении в Горанг пообещал расследовать все события, лично казнить виновных. На снисхождение смогут рассчитывать только герои, показавшие настоящее искусство в этой войне.

После подробно рассказал о расположении войск противника — в получении этой информации помогли маги, при упоминании которых лица военачальников заметно

скривились. Пока большая часть ремвидского войска сосредоточена на севере, можно беспрепятственно дойти до столицы и взять город с наименьшими потерями. Но действовать придётся молниеносно.

В этой войне нельзя останавливаться ни на миг. Поэтому Рогор запретил чинить расправу и грабежи: деревням достаточно признать подданство, от городов требуется немного больше — в каждом городе останется отряд, способный поддерживать власть. Всех представителей нынешней власти необходимо казнить. Та же участь должна постигнуть и отряды городской стражи. Благо, городов в Ремвиде мало и они едва отличаются от сёл, так что много времени не потребуется.

После взятия столицы, предстоит серьёзное сражение — к этому моменту, к ней как раз подоспеет ремвидская армия. Поэтому, если удастся взять город без разрушений, воины Горанга будут выступать в роли осаждённых. Это означает, что беспредел в столице устраивать нельзя, иначе драться придётся не только с армией врага, но и с горожанами.

— Ещё, в этой части страны расположено пять военных крепостей. Наш путь лежит мимо, но оставить их без внимания, сами понимаете, нельзя. Двоим из вас придётся взять на себя решение этого вопроса. Гарнизонам следует предложить те же условия — добровольно признать власть Горанга. Если согласятся, можете даже не входить в крепость. Военные — люди чести. В отличие от градоначальников они не откажутся от своих слов, если повернёмся спиной. Тех, кому предложение не понравится, брать в осаду.

Я с сотенным отрядом, пойду вперёд. Остальным — идти следом. Встретимся на подступах к столице. Нехватку лошадей и провизии восполнять за счёт Ремвида. Связь держать через магов. Всё ясно?

Спросить осмелился только один, из «новеньких»:

— Господин Рогор, я понимаю — мы спешим. Но зачем вам, самому, возглавлять передовой отряд? Уходить далеко вперёд опасно. А без вас мы... можем не справиться.

Все ждали гневного рыка, но Рогор ответил более чем спокойно:

— Видишь ли, я — главнокомандующий, мои слова весомее ваших. Думаю, мне удастся быстрее договориться с жителями, а вам не придётся задерживаться лишней раз. К тому же, корабли с осадными орудиями я отправил дальше, к большому заливу. Оттуда до столицы всего три дня пути и бухты куда удобнее этой. Если к тому времени слух о нашем войске, о наших методах, достигнет тех мест, мы получим машины в целости и сохранности, и сохраним отряды сопровождения. А если всё сложится лучше, чем рассчитываю, смогу сам встретить корабли и обеспечить быстрое продвижение к столице.

Глядя на военачальников, Рогор позволил себе чуть расслабиться. Конечно, полного доверия эти слова не вызвали, но подозревать главнокомандующего в погоне за какой-то бабой никто не собирался. Что ж, осталось объяснить, почему кроме испытанного мага берёт с собой недоучку с корабля — разведчика. Впрочем, есть шанс, что на это внимания не обратят.

— А почему же мы высадились не в заливе, а в этой дыре?

Рогор очень надеялся избежать подобного вопроса, но раз он прозвучал, пришлось ответить:

— Слишком опасно. У нескольких кораблей есть шанс войти в залив незамеченными, а у флотилии — нет. — Он надолго замолчал, собираясь с силами, продолжил нехотя: — На выходе из залива стоит ещё одна крепость, шестая. Ещё будучи в столице Ремвида, я слышал, что она сильно отличается от остальных. Я так и не понял в чём дело, но, судя по всему, там

обосновался маг. Перед крушением корабля, на котором отплыли в Горанг, мы прошли мимо этой крепости. Я видел яркую вспышку на крыше, потом был удар в борт. Пожар вспыхнул мгновенно, бороться с ним было бессмысленно.

— Маги в Ремвиде? — усомнился «новенький».

— Я не уверен, — признался главнокомандующий, — но рисковать всей армией не могу. Пока не выясним что к чему, я даже штурмовать её не хочу. Одна крепость, верная королю Ремвида, погоды не сделает. По крайней мере сейчас.

Спорить с мнением Железного воина никто не решился. Да и о чём? Конечно, сперва нужно захватить основную цель, а уже потом, если останутся силы, бросаться в битву с неизвестностью.

— Если других вопросов нет, — подытожил Рогор, — тогда перейдём к карте. Всё то же самое, но с расстановкой сил.

Военачальники согласно закивали и вновь превратились в слух...

Отборная сотня во главе с Рогором, покинула Вешенку после полудня. Староста, которому всё-таки удалось повидаться с главнокомандующим, так обрадовался скорому отъезду прожорливого войска, что без колебаний указал кратчайший путь в Западный.

Город встретил воинов как неожиданных сватов — растерянно, но без злобы. Не спешиваясь, Рогор приказал трубить общий сбор и подробно рассказал жителям о новых порядках. Тут же, на площади, на глазах изумлённой публики, воины перерезали горло градоправителю и нескольким десяткам стражников.

После такой расправы, главнокомандующий ожидал проклятий и народного гнева, но люди неожиданно приободрились, выкатили винные бочки и принялись восхвалять горанцев на все лады. Видать, местная власть совсем меры не знала, раз подданные пустились в пляс, не дождавшись пока тела остынут.

Рогор принял ковш вина из рук золотоволосой красавицы и только поднёс к губам, как кто-то толкнул под локоть. За тычком последовали сбивчивые извинения и неумелая ругань в адрес неправильной, невоспитанной лошади, которой только мешки с репой возить. Окружающие Рогора воины наострили уши, готовясь услышать полный сарказма ответ. Но главнокомандующий только вздохнул и поднял глаза к небу, в надежде узнать за что боги послали ему такое испытание.

Юный маг Креатин Зерский покраснел до корней волос, засопел, как растревоженный ёж, и сказал:

— Кажется, нашел.

Взгляд Рогора вмиг стал острым, голос прозвучал хищно:

— Где?

— Здесь, рядом, — промямлил маг, пытаясь послать лошадь назад, но та шагнула вперёд и ткнулась мордой в начищенный доспех военачальника.

— Четверо со мной! — скомандовал Рогор. — Веди.

С горем помолам кобыла мага вышла из толпы и, понукаемая нетвёрдой бранью, направилась в один из переулков.

— Так близко? — удивился главнокомандующий. Сердце неожиданно ёкнуло.

— Вот, — Креатин указал на дом и стыдливо опустил глаза.

Рогор спрыгнул на землю, в мгновение преодолел расстояние до двери и внезапно замер. За спиной слышались недоумённые перешептывание воинов: «что случилось?», «кто там живёт?».

— Прекратить, — гулко скомандовал Рогор, опуская кулак на выбеленные доски.

Дверь распахнулась сразу. На пороге стояла дородная краснощёкая женщина в ночной сорочке и хлопала глазами. Главнокомандующий неглядя отодвинул служанку в сторону. Следом за ним, в дом ворвалась четвёрка воинов, а последним вбежал маг, спешившийся путём падения.

— Где? — проорал Железный воин. От избытка красок, голова пошла кругом. Какие-то полотна, золочёные рамы, статуи одна нелепее другой... от такого любой с ума сойдёт.

Креатин, оказавшийся в центре внимания, задрожал и повёл носом. К груди он прижимал небольшой холщёвый мешочек с белоснежной кофточкой внутри.

— Вверх, — ёжась отозвался юноша.

— Веди.

Уверенность мага таяла с каждым шагом. Вроде идёт вверх, вроде приближается, а ощущение остаётся прежним. Когда открывал дверь одной из комнат, дрожал зайцем и готовился рухнуть в обморок. Худшие опасения подтвердились — комната оказалась пуста. Только кровать смята и всё.

Главнокомандующий окончательно посмурнел, шагнул внутрь.

— Ну и где?

— Э... — единственное, что смог выдавить маг.

— Приведите ту женщину!

Через десять минут Рогор знал даже те подробности, которые укрылись от Насти.

Хозяин дома, Хабыч, привёл откуда-то пару непонятных гостей, напоил отравленным вином. И уже позвал своего подельника, чтобы провернуть обычное дельце, как в дверь постучались стражники. Торговля Хабыча запрещённым товаром была в секрете, но градоправитель этот секрет знал, поэтому и передал старику новый приказ архиепископа: «за живого колдуна давать большую награду».

Старик уже дважды ловил колдунов и градоправитель рассчитывал, в следующий раз, если таковой случится, получить долю от награды.

Хабыч делиться не захотел, поэтому велел дать противоядье и девчонке и её спутнику, а после наврал, дескать отведёт их к другой колдунье. Утром вся компания уехала, прихватив с собой подельника Хабыча. Тот, вроде как, возница.

Служанка, обрадованная отъездом хозяина, послала уборку куда подальше и завалилась спать. Она даже призывного гула горанских труб не услышала.

— Так вот в чём дело, — облегчённо выдохнул маг.

— В чём? — спросил Рогор. После рассказа служанки он едва справлялся с яростью.

— Постель не убрала, — запинаясь объяснил Креатин. — Простыни впитали запах, его-то я и почувствовал.

— Дурак, — процедил главнокомандующий.

Четвёрка воинов с изумлением смотрела то на Рогора, то на мага. В конце концов, Рогору пришлось объяснить:

— Бабу одну... пленить нужно. Но это тайна. Только попробуйте проболтаться! Санаминэлю тоже ни слова!

И глазами сверкнул так, что нерадивая служанка, стоявшая рядом, едва не рухнула в обморок. А Креатин Зерский держался за стеночку и не знал радоваться ему или плакать. С одной стороны, он удостоен величайшего доверия — оказать личную услугу самому

Железному воину, а с другой... есть все шансы остаться без головы прежде, чем успеешь чихнуть.

— Я буду искать дальше, — проблеял маг.

Рогор не ответил, умчался.

По дурости своей, Креатин Зерский обмолвился, что колдовать в седле он не может. Парень искренне надеялся — главнокомандующий поймёт, не станет требовать результата до ночи, когда на привале маг разложит-таки карту, сосредоточится на белой кофточке и умчится мыслью вслед за странной девчонкой из Вешенки. Ну или, на крайний случай, велит чаще делать привалы — такой результат устроил бы мага куда больше.

Вместо этого, Рогор придумал другой ход. Просто пересадил юношу на лошадь к одному из воинов, чтобы тот не отвлекался на дорогу, и не упал, когда унесётся мыслью... Причём сесть велел самым унижительным образом — спереди, по бабьи. Матёрый бандит, лишь по странному недосмотру богини Судьбы оказавшийся в лучшей сотне королевства, откровенно потешался над пареньком — то и дело дул в ухо и пару раз ущипнул за зад. Ещё бессовестно намекнул, дескать белая хламида до пят вкупе с розовыми щеками и тонким носом дарит Креатину особое женское очарование.

«Ну и как, скажите, работать в таких условиях? — мысленно завывал Креатин. — Да ещё Рогор этот, сто жаб ему в штаны, каждые пять минут подъезжает и спрашивает... Недаром наставник говорит, что все бабы — зло!»

— Ну что? Нашел? — прогремел над ухом голос Рогора.

— Тьфу ты! Нет! — выпалил Креатин, тут же сжался, как котёнок под взмахом веника.

— Ищи!

К концу дня вопрос «Ну что? Нашел?» слышался Креатину и в журчании ручейка, и в шелесте крон. И даже в кустах, когда пошел справить самые важные дела, опять пригрезился. К тому же, бессмысленные попытки до того измотали мага, что оказавшись-таки на твёрдой почве, вдалеке от воина с хромым чувством юмора, он так ничего и не увидел. Даже следа вешенской девчонки не почувствовал.

Маг отряда — Санаминэль — поглядывал на соратника задумчиво. Он бы справился с этим заданием гораздо лучше, но Рогор почему-то суть проблемы скрывал. И самому Креатину велел врать, если тот пристанет с расспросами. Мол, задание — не задание, а месть за неучтивую встречу на корабле. Юный Креатин вначале раздувался от гордости, теперь мечтал спихнуть поиск на Санаминэля, но не мог. Успокаивался тем, что хранить тайну вечно Железный воин не сможет, маг отряда попытается, рано или поздно. И поможет.

Утром Креатина разбудил Рогор. Увидев над собой бледное, красивое лицо с чёрными глазами, маг обречённо вздохнул.

— Пойдём, поговорить нужно, — сообщил Рогор.

Ослушаться приказа второго человека в королевстве Креатин не решился. Кутаясь в тонкую, холодную мантию, грустной уткой поплёлся за Железным воином.

На краю поляны, где расположилась на ночлег сотня, Рогор остановился. Несколько минут глядел на растекающиеся по небу тучи, подставлял лицо лёгкой мороси, грозящей перейти в ливень.

— Я не знаю какой из тебя маг, — наконец проговорил он, — Но парень ты хороший.

«Ого! — подумал Креатин, внезапное смятение тут же сменилось гордостью. — Боги! Да я поди единственный во всём Горанге, кто удостоился таких слов!»

— Ты думаешь, поиски этой девицы — блажь? — продолжал главнокомандующий. — Но это не так. Я ищу её потому... потому... — Рогор всё-таки взглянул в глаза магу и тому стало жутко. Взгляд Железного воина и прежде был страшен, а теперь в нём зияла настоящая бездна. — Креатин, я хочу её защитить, понимаешь?

Маг поспешно кивнул, но Рогору это подтверждение явно не требовалось.

— Настя совсем не похожа на наших женщин. Думаю, на женщин своего мира — тоже. Я был рядом, когда она встречалась с сестрой, и знаешь, что увидел? Та пришла оскорбить Настю, унижить, а она даже слова поперёк не сказала, даже не возмутилась. Кажется, всерьёз решила, будто сестра беспокоится о ней.

— Глупо, — буркнул осмелевший маг.

— Да, я тоже так подумал. Вначале. А потом понял: Настя просто не замечает зла, она видит мир иначе, чем большинство людей. Вот и деревня эта треклятая... Настя знала, что здесь рыба стоит очень дёшево, вещенцам хватило бы пятой части от того, что платили девчонке в её мире. Однако отдавала всё и ничего не требовала взамен. Я понял это, когда дом её увидел. Не лачугу, а тот, в ином мире. И что в итоге сделали вещенцы? Они девчонку выгнали! Слышал рассказ старосты?

Креатин изо всех сил помотал головой, он действительно не присутствовал при разговоре.

— Как только сломалась дверь, одна из Настиных приятельниц подняла вой, дескать колдунья всех погубит и от неё нужно избавиться. Вот Настя и ушла. А теперь ещё и этот торговец... Представь, что с ней случится, если не вытащим из его ручонок? Да она, если выживет, на всю жизнь в людях разочаруется! Или того хуже — станет обычной девкой, каких по всем мирам тьма... Гадюкой станет.

В голосе Рогора было столько боли, что у мага сердце защемило, глаза застелила прозрачная пелена слёз.

— А я? Вёл себя как последний идиот, но девчонка всё равно лечила... Выходила меня, понимаешь? Другая плюнула бы в лицо и ушла.

Главнокомандующий замолчал, взгляд стал туманным. Таким Железного воина никто и никогда не видел.

— Я спасаюсь только одной мыслью, — тихо продолжил он, — этот глупый деревенский верзила ни на шаг от неё не отходит, но его защиты недостаточно. Особенно если речь о большой награде... Ты должен найти девчонку, Креатин. Должен, чего бы это ни стоило.

— Я попытаюсь, — упавшим голосом заверил маг.

Рогор не ответил и Креатин Зерский поплёлся к своей лежанке.

Уснуть снова он не пытался. Просто развернул карту, приложил к груди холщёвый мешочек и сосредоточился. След Насти почуял сразу. Вот же она, совсем близко...

Памятуя об опасности, грозящей девушке, маг решил на одно из самых сложных магических деяний. Он сосредоточил мысль на Насте, одновременно пытаясь найти рядом с ней хоть одно живое существо. Увы, белки и зайцы попрятались, почуяв дождь. Птицы — тоже клюва из листвы не кажут. Единственным, кто откликнулся на магический зов, оказался лягух.

Креатин Зерский очень не любил вклиниваться в сознание лягушек и змей. Их сознания были такими же скользкими, как тела. Каждый раз после таких процедур, юного мага буквально выворачивало наизнанку. И он решил смалодушничать, отказаться от этой

попытки, дожидаться другого часа, когда рядом с Настей окажется зверушка получше... Но тут лягух чего-то испугался и буквально втащил мага в своё сознание.

Специфическое лягушачье зрение тут же совместилось с привычным восприятием Креатина и он увидел...

«На — на — на — настя?» — мысленно возопил маг и стремительно покраснел.

А девушка, как ни в чём не бывало, оправила подол и пошла прочь. Она казалась грустной, но вполне живой.

Оробевший Креатин — лягух не сразу последовал за вешенской колдуньей. К тому же угнаться за девчонкой с во — от такими шажищами, когда у тебя только четыре маленькие лапки, очень сложно. Выбравшись-таки на обочину, увидел отъезжающую телегу.

«Мда... Новостей не густо, — печально подумал юноша. — Ну ладно, хоть что-то.»

С чувством выполненного долга, Креатин дёрнулся, пытаясь выбраться из сознания лягуха и не смог. Дёрнулся ещё раз — безрезультатно. В третью попытку лягух опять «не отпустил», от пережитого недавно ужаса, вцепился в мага мёртвой хваткой.

Сперва парня прошиб холодный пот, после на грани разума вспыхнули воспоминания из недавнего ученического прошлого: перепуганный зверь может сопротивляться, держать мага в своём сознании до нескольких часов. Так, «с человеком в голове», зверушка чувствует себя уверенней. Единственное, что может всерьёз поспособствовать возврату мага в реальный мир — удар по голове или потеря сознания.

Как удариться головой, если ты лягушка?

Креатин напряг все лапки и прыгнул в небо. Надеялся, что удастся перевернуться в воздухе и впечататься головой в твёрдую, как камень, дорогу — не вышло. Он прыгнул снова, потом ещё раз, и ещё. Зелёное тельце категорически отказывалось совершить кувырок, всё время падал на брюхо.

В ужасе, Креатин поскакал к деревьям, с размаху врезался головой в ствол и тут же перестал чувствовать переднюю лапку. Зато голова осталась ясной, даже не закружилась от удара. Громко взыв (мысленно по — человечьи, вслух по — лягушачьи) маг принялся скакать, сотрясая лесную тишину громогласным «ква» и периодически прикладываясь головой к стволам.

В конце концов, уже отчаявшись, несчастный маг врезался во что-то поистине твёрдое. Замер на мгновенье, рассматривая лежащего на земле человека с грязным отпечатком на лбу. Тот был связан по рукам и ногам, во рту кляп, красивая некогда жилетка из добротной кожи нещадно изрезана, будто её потрошили в поисках зашитых в швах денег. У ног — распотрошенная котомка.

Человек моргнул, а Креатин вырвался-таки из лягушачьей головы.

Вместо страха, почувствовала обречённость и странную, непреодолимую тоску.

Я ведь почти поверила в добрые намеренья этой парочки, а они... Они ничем не лучше других. Обычные люди без стыда и совести. Удивляться тут совершенно нечему, а раскисать — некогда.

С хладнокровием, достойным матёрого киллера, нащупала мокрое платье и запихнула его на дно мешка. С горечью ощупала юбку: как в такой бегать — ума ни приложу. Зря послушалась Косаря и оставила джинсы в лачуге, надо было просто одеть их под платье. Впрочем, это уже неважно. Если начну вспоминать все свои ошибки, никогда отсюда не выберусь.

Добротные деревянные ставни действительно не поддались, даже не дрогнули, когда попыталась открыть. Вся надежда была на узенькую щель между ними — может удастся откинуть щеколду, запирающую снаружи?

Лезвие ножа с трудом вошло в щель, заскользило, но на середине встало мёртво. Если там и впрямь щеколда, то очень тугая, хотя, вероятнее всего, ставни всё-таки забиты досками. К чему такая оборона? Ведь неудобно! И постояльцы вряд ли в восторге от пребывания в «гробу». Или это нововведение по заказу Хабыча? Чёрт, какая теперь разница?

Я подхватила заплечный мешок, прокралась к двери. Откинув щеколду, толкнула дверь, но ничего не произошло. Значит, её тоже закрыли снаружи. Что ж...

Опять попробовала применить нож, в этот раз получилось: через пять минут усилий, от которых испарина на лбу выступила и ладонки вспотели, снаружи негромко ухнуло. Оказалось, закрыли меня не на щеколду, а на небольшой деревянный засов, который выпал из пазов и благополучно шмякнулся об пол.

Я замерла на пороге, всматриваясь в темноту и вслушиваясь в окружающие звуки. К счастью, никто не проснулся. Более того, за соседней дверью зазвучал раскатистый молодецкий храп. На него тут же откликнулся ещё один «голос», с другого конца коридора.

Окно в коридоре мне не понравилось, несмотря на то, что открыть его просто — ставни заперты изнутри. В надежде, что всё-таки удастся выйти через дверь, на цыпочках двинулась к лестнице. Внизу тускло мерцал свет.

Я пригнулась, воровато спустилась на несколько ступенек и разочарованно выдохнула. Увы, в комнате, которая совсем недавно кишела выпивающими и жующими людьми, теперь похрапывала пара мужиков. Не пьяницы, помощники трактирщика. Придётся прыгать...

Мне удалось бесшумно вернуться в коридор второго этажа и отпереть ставни. В лицо ударил сырой прохладный ветер, окружающая темнота чуть расступилась — на небе не осталось ни тучки, зато звёзды казались необычайно крупными и яркими. На их фоне даже толстый месяц смотрелся тускло и непрезентабельно.

Я глянула вниз: до земли метра четыре, и ничего, что могло бы смягчить паденье — просто голая, вытопанная земля. Ладно, прорвёмся.

Перекинув ногу через подоконник, на пару секунд зажмурилась. Чёрт, а если сломаю что-нибудь? Шею, например... Нет. Всё, что могло, со мной уже случилось. Без особой уверенности, пошарила ногой и всё-таки нащупала небольшой уступ. Покрепче ухватилась руками за подоконник, опёрлась ногой на уступ и перекинула вторую.

Храп внезапно прекратился. Спина мгновенно покрылась потом, коленки задрожали

так, что нога едва не сорвалась.

— Спокойно, Настя... — прошептала сама себе. — Спокойно. Всё хорошо будет. Ты ещё вернёшься в этот трактир... на танке. И объяснишь всем, что девушек из другого мира обижать нельзя. А сейчас нужно прыгать.

Легко сказать, а вот сделать... Всё-таки переоценила свою храбрость. Да и цифра в четыре метра только на словах кажется маленькой, а когда болтаешься, держась за подоконник потеющими пальцами. И ещё котомка эта за спиной... Чёрт! Нужно было верёвку из простыни связать, а не воображать себя человеком — пауком. Ведь действительно что-нибудь сломаю! Нет, даже при наличии верёвки, идея — дрянь. Надо лезть обратно. А вот завтра, на привале, сделаю вид, что живот прихватило, уйду в кусты и не вернусь. Хабыч с пособником ведь не знают, что я в курсе их планов!

Чёрт, а если меня свяжут? Нет, не посмеют. Связанной привлеку слишком много внимания. Любой встречный — поперечный определит во мне добычу и попытается отбить. Или примет меня за жертву бандитов и попробует спасти, впрочем, это вряд ли. В любом случае, их двое, рисковать они не будут.

Я уже начала подтягиваться, в решимости во что бы то ни стало влезть обратно, как сильный порыв ветра хлопнул ставнями. Пальцы разжались от болевого шока, зато голос, от того же шока, пропал. Я приземлилась с беззвучным криком.

Второй крик, уже осознанный, смогла сдержать сунув в рот кулак. Боль в правой ноге была невыносимой! Даже звёздочки перед глазами заплясали. Чёрт бы побрал этот проклятый мир, этот вонючий трактир и этот... ветер!

Будто по закону подлости, за стеной послышалась возня, вдалеке затыкала собака, а из ближайшего сарая вырвалось издевательское «И — и-и!».

— Ну я вам устрою... Армагеддон местного разлива! — сквозь зубы пробормотала я. Злость чуть приглушила боль в ноге, с трудом, но всё-таки удалось подняться.

Изредка опираясь на раненую ногу, допрыгала до сарая. Дверь оказалась открыта, внутри обнаружили две лошадки: одна рыжая и потрёпанная — собственность ни то Хабыча, ни то возницы, и чёрная, как смоль, — либо хозяйская, либо кого-то из постояльцев.

Как нормальная современная девочка, обращаться с лошадьми не умею. Ездить — тем более. Знаю только, что сзади подходить нельзя, иначе копытом припечатает.

И всё-таки я решила приблизиться к рыжей. Та сперва потянулась губами к протянутой руке, но, не обнаружив никакого угощения, больно цапнула. Ну и что же делать? Пешком я даже до ближайшего леса не доковыляю.

— Помочь? — вкрадчиво спросил кто-то.

Крик застрял в горле, мозг взорвался паникой. Я резко обернулась, готовая сразиться с тем, кто посмел встать между мной и свободой, но нога предательски подогнулась и я рухнула на землю.

Дверной проём загородила огромная мужская фигура. В полумраке лица не различить, но я и так чувствую — скалится, подлец. Конечно, ему легко улыбаться! Вон какой здоровый! И сильный, поди, как пара быков.

— Не подходи, — глухо прорычала я. — Живой всё равно не дамся!

Человек заржал. Но не громко, а тихонечко так... будто совсем не собирался меня выдавать. Смех показался знакомым.

— Настя, ты чего? Головой стукнулась?

Несколько секунд ошарашено хлопала ресницами, потом пришла к выводу — да,

стукнулась. Причём до сотрясения и полной потери разума. И всё-таки спросила:

— Косарь?

— А кто ж ещё?! — хохотнула фигура и сделала шаг вперёд.

Я, наконец, смогла рассмотреть лицо: широкое, довольное, щедро покрытое щетиной.

— Косарь...

— Признала-таки! — расплылся парень, осторожно подхватывая на руки. — Я, между прочим, за тобой пришел.

— Косарь!

Я обхватила массивную шею руками и замерла, с трудом сдерживая слёзы. От Косаря пахло сыростью, потом и грязью. Жилетка, которой он так гордился, куда-то делась. Парень тем временем деловито пощупал мою ногу, тут же поясняя:

— Пришел я, значит, в эту деревню. Смотрю на трактир и размышляю — где же тебя разместили. И тут раз, окошко открывается, из него вываливаешься ты. Я хотел подбежать, поймать, да не успел. Потом подумал — подходить близко нельзя, ты ж сперва заорёшь и уж опосля признаешь. Да и интересно стало, чё дальше сделаешь...

Слова Косаря вызвали лёгкую досаду — я что, на цирковую обезьянку похожа? Но вслух сказала о другом:

— Нам уходить нужно. Но пешком не смогу, нога болит.

— Да понял я, понял... Только верхом на этой, — Косарь кивнул на рыжую лошадку, — далеко не уедешь. Придётся брать чёрную.

— Но... Она ведь... чужая.

— А рыжая, стало быть, своя? — беззлобно усмехнулся парень. — Успокойся, Настя. Хабыча этим всё равно не накажешь. Такие как он даже в проруби не тонут. К тому же, сейчас совсем неважно чью лошадь брать — завтра сюда горанцы придут.

— Так быстро?

— Ага, — пробурчал парень, вновь ссаживая меня на землю. Седлать лошадь, когда у тебя на шее девушка висит, действительно трудновато. — Они мчатся, как ужаленные. Будто не в войне, а тараканьих бегах участвуют.

— А нам-то что делать?

Косарь заметно помрачнел, ссутулился. После сказал невесело:

— Бежать нужно. И от торговца этого, и от архиепископа, и от горанцев. Ни от кого добра не будет. Теперь сами по себе живём, сами по себе ищем.

— А как же я? — спросил третий голос, в проёме показалась ещё одна мужская фигура.

Я невольно подпрыгнула и едва не заорала. Косарь развернулся резко, в звёздном свете глаза блеснули злостью, в руке появился нож. Казалось, ещё мгновение и Косарь бросится на внезапного гостя. Тот и сам это заметил — отступил на полшага и заметно растерялся. И хотя темнота скрывала лицо, я могла поклясться — у человека дрожат губы. Чёрт, а если он сейчас закричит?

Но тот не закричал, наоборот — зашептал торопливо:

— Эй, да вы чего?.. Я же ничего. Это же я. А вы. Да вы...

Деревенский верзила резко остановился и выдохнул.

— Что? — взвизгнула я.

— Настя, познакомься! — парень выбросил руку, поймал худосочного парнишку и заставил того, описав приличную дугу, предстать пред мои очи. — Это Креатин!

Я прищурилась. Парнишка оказался невысоким, худым и бледным. Лицо чуть

вытянутое, брови вразлёт, тонкий птичий нос. Зато губы пухлые, мясистые. Короткие чёрные волосы вьются красивыми, крупными локонами. Простая деревенская одежда категорически не сочетается ни с лицом, ни с фигурой, ни с осанкой. На пугале комплект «рубашка плюс шаровары» смотрелся бы на порядок лучше.

— И откуда он взялся? — осторожно спросила я.

— После расскажу, — сверкнув зубами, сообщил парень. А Креатин снова попятился, на меня глядел с несвойственным простому селянину высокомерием.

Украсть чёрную лошадку оказалось гораздо легче, чем взгромоздить меня в седло. Я отчего-то сразу потяжелела килограммов на десять, стала угловатой и напрочь утратила гибкость. По крайней мере, так говорил Косарь. Наконец, парень пристыковал меня к лошади, взял несчастное животное под уздцы и повёл прочь от трактира.

Копыта громко хлюпали, утопая в дорожной грязи. В ночной тишине этот звук почему-то напоминал об упырях, русалках и прочей нечестии, но никак не о конокрадах. Вот и славненько!

Новый приятель Косаря тащился сзади, познакомиться поближе не пытался. То ли мы ему не интересны, то ли... решил проявить такт, дать возможность пообщаться наедине. А может просто стесняется?

Я сосредоточенно жевала губы — за прошедший день почти убедила себя, что Косарь не вернётся, теперь прошлая обида боролась с радостью, а нужные слова старательно обходили язык. Наконец, нашла в себе силы сказать:

— Прости меня. И спасибо... спасибо, что вернулся.

Взгляд деревенского здоровяка стал странным, на мгновенье будто остекленел.

— Ты решила, что я обиделся и ушел? — в голосе Косаря прозвучала боль.

Сердце пропустило удар, потом ещё один. Я во все глаза глядела на приятеля. Тот горько ухмыльнулся и начал рассказывать о том, что произошло на самом деле.

...Неладное началось сразу после нашей размолвки. Хабыч с возницей и раньше не слишком благоволили Косарю, а теперь к скрытой неприязни добавились странные взгляды и двусмысленные шуточки. Здоровяк нервничал, но повода всерьёз подозревать наших спутников всё-таки не было.

Когда вместо обещанного трактира перед нами опять распахнул объятая лес, Косарь насторожился. Меня тревожить не стал — искренне уверенный в том, что случись заварушка, я только помешаю. Сам решил не отходить от костра, во все глаза следить за Хабычем и возницей. Те вели себя вполне обычно, по — прежнему шутили и удивлялись почему Косарь отказывается от угощения, уплетает запасы из своей котомки.

Поужинав, провожатые уснули, а Косарь полночи прислушивался к дыханию спящих, но сам глаз не смыкал. Наконец, когда детина не выдержал и реальность перед глазами поплыла, его ловко стукнули по затылку, связали и отволокли в лес.

Хабыч и возница без стеснения обшарили карманы, долго спорили стоит ли убивать. Близкий волчий вой натолкнул их на самое простое решение — оставить добычу хозяевам леса. Так и поступили. А чтобы Косарь не привлёк хищников раньше времени, ещё раз ударили по голове.

Очнулся парень только утром, когда в лоб со всего маху впечаталась какая-то сумасшедшая лягушка. Связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту.

— Я даже молиться не стал, — тихо пояснил Косарь. — Зачем, если и без того ясно, что всё, крышка. Но через несколько часов, услышал человечьи шаги. Попытался мычать, биться.

— Это был Креатин? — догадалась я.

— Он самый, — хихикнул Косарь. — Только он немного того, с придурью. Полчаса озирался, прежде чем меня заметил. И по лесу ходил... будто в первый раз. А когда к дороге вышли, оказалось, что парень при лошадях.

Я послала Косарю удивлённый взгляд. Я ведь отлично помнила место, где ночевали. Хабыч с возницей, наверняка, спрятали пленника глубоко в лесу, иначе я бы его заметила. И что же получается? Креатин оставил лошадей на дороге, без присмотра, а сам углубился в лес? Зачем?

Косарь будто мысли прочитал, пояснил, давясь смешком:

— Парень по нужде остановился. Только сделать свои дела у дороги не смог, вот и забрёл поглубже. Он, видишь ли, стеснительный очень.

Мда... А я-то думала, что этот мир напрочь лишён подобных комплексов.

Я украдкой обернулась, но незаметно поглядеть на нашего нового спутника не удалось — Креатин задумчиво пялился на меня, а поймав взгляд — потупился. Да, с ним определённно что-то не так...

— И сколько при нём лошадей было?

— Две, — отозвался Косарь. — Представляешь? Две породистые лошадки, под хорошими сёдлами, с полными седельными сумками!

— И что случилось дальше?

— Рассказал ему в чём дело, а он помощь предложил. Вот помчались за тобой.

— А как догадались в какой деревне искать?

Вешенский здоровяк пожал плечами, сказал весело:

— Так Креатин же это, того... с приветом. Как проехали деревню, встал столбом. Мол, там твоя Настя. Я выпытывать начал, а он только мычит и пальцем тычет. Пришлось спешиться и вернуться.

Мы как раз миновали последнюю деревенскую избушку, я отчаянно крутила головой, пытаюсь высмотреть пару лошадок, о которых рассказал Косарь.

— Привязали чуть дальше, — пояснил парень, — вон за тем поворотом.

Дорога действительно поворачивала, скрывалась за выступом леса. У кромки нас ждали две длинноногие красавицы с ухоженными гривами. Косарь легко впрыгнул в седло, а Креатин забирался с грацией, какую полчаса назад продемонстрировала я.

«Моя» вороная недовольно зафырчала, начала пятиться. Подоспевший Косарь вмиг перехватил повод, лишив лошадь шанса как следует поиздеваться над неумелым ездоком, и мы снова тронулись в путь. Креатин, как и прежде, тащился сзади, казалось, его взгляд вот — вот прожжет дыру в спине. Когда новый попутчик совсем приотстал, я наклонилась к Косарю, спросила тихо:

— Ты ему доверяешь?

— Полностью!

— А тебе не кажется странным, что парень совсем не умеет обращаться с лошадьми?

— Ты вот тоже не умеешь, и что?

— Но ведь я не деревенская жительница... и вообще не из Ремвида.

— А он немного не в себе, — парировал Косарь. — Разве нормальный парень станет из дома сбегать?

— Так он ещё и...

— Ага! Представляешь, решил мир посмотреть и себя показать. Дурень. Так что ещё не

ясно кто кому жизнь спас, он мне, или я ему. Представь, что с парнем будет, если один останется.

Повисло напряженное молчанье, тишину нарушал только чавкающий топот лошадок. Новый попутчик доверия не вызывал, но высказать свои опасения вслух не решилась. Да и толку от этих опасений, если бросить юного безумца на дороге всё равно не смогу.

— А ты-то почему от торговцев сбежала? — встрепенулся Косарь.

Я честно пересказала подслушанный разговор, только о сумме вознаграждения умолчала. Ни к чему Косарю такие потрясения.

— Я так и знал, — грустно выдохнул парень. — И что теперь делать?

— Наверное, нужно переждать погоню и ехать дальше. Вдруг я всё-таки смогу договориться со столичной колдуньей?

— А если не сможешь?

Я не ответила. От мысли, что придётся провести остаток жизни в Ремвиде, горло перехватывали судороги, а желудок начинал отплясывать Румбу.

К утру, лошади окончательно выбились из сил. Впрочем, мы не сильно от них отличались.

Я откровенно клевала носом, Креатин то и дело норовил вывалиться из седла. Только Косарь держался вроде бы бодро, но когда пригляделась, стало ясно — просто с открытыми глазами спит.

— Думаю, пора устроить привал, — робко предложила я. Тут же выяснилось, что мы неспроста ехали всю ночь, а у нашего путешествия есть вполне чёткая цель.

— Мы спрячемся у подножья Малых гор, — пояснил Косарь. — Горанцы туда точно не сунутся, да и торговец наш вряд ли догадается там искать. Посидим пару недель, потом окольным путём выберемся на тракт и поедem дальше.

Я старательно повертела головой, но гор так и не увидела. Ладно, доверимся местному населению, ему виднее.

Минут через пятнадцать Косарь свернул вправо. По едва заметной тропе наша компания съехала с тракта и через десяток шагов затерялась в лесу. Полусонный Креатин приободрился, начал принюхиваться, как вылезший из норы крот. Меня же наоборот сморило окончательно, ещё немного — придётся к седлу привязывать.

— Самый красивый лес в Ремвиде, — гордо сказал Косарь.

— Ага, — сонно буркнула я и опасно качнулась влево.

Лес и впрямь оказался прекрасен: молодые ёлочки и взрослые, пока ещё стройные, дубки не переплетаются кронами, оставляя взгляду возможность любоваться великолепным синим небом. По земле небрежно разбросаны островки зелёной травы и тёмные хвойные пятна. Вокруг уже проснулось и щебечет, а так же каркает и трещит.

Конечная цель путешествия показалась только через час пути, когда мы с кобылой уже готовились устроить небольшой, но очень кровавый, бунт. В действительности, Малые горы представляли собой Малые каменистые холмы, но завидев эту достопримечательность Косарь так приободрился, что высказать своё «фи» не решилась. Креатина «горы» тоже не впечатлили.

С видом завсегдатая, Косарь попросил нас обождать, а сам спешился и скрылся за каменистым выступом. Оставшись наедине с юношей, я опасно поёжилась — не люблю психов. Тот тоже не сильно обрадовался, надулся и отъехал на пару шагов.

— Спасибо тебе, — наконец выдавила я. — За то, что Косаря спас.

— Да ладно, — с деланным равнодушием отозвался юнец, острый нос взлетел к небу.

Снова замолчали, исподволь косясь друг на друга. Всё-таки Креатин слишком молод, и совсем не похож на обычного деревенского парня. Кожа слишком белая, мягкая, плечи узкие, спина сутулая...

— Ты грамоте учился?

— Учился, — Креатин покраснел, заставляя свою кобылу отступить ещё на шаг. Но вместо этого, животное сигануло вперёд, плотно притёрлось боком к моей ноге. Показалось, вот — вот захрустят кости. Моей вороной такое положение вещей тоже не понравилось, она отошла, пригрозив укусить обидчицу за шею. — Десять лет над книгами провёл, — виновато пояснил юноша. — На лошадей времени не осталось.

Вижу. Правда, ума ни приложу, зачем деревенскому парню почти университетское образование. С огородными работами, морской рыбалкой и походами в лес Креатин тоже незнаком. Чёрт, да кто он всё-таки такой? И почему терзает ощущение, что глядя на меня, юноша задаётся аналогичными вопросами?

Я решила проверить свои догадки, спросила нейтрально:

— Что ты обо мне знаешь?

Креатин вздохнул и горестно закатил глаза.

— Не поняла... — всерьёз насторожилась я.

— Ты — Настя, самая великолепная девчонка в мире. Твои глаза подобны звёздам, голос — будто великолепная музыка, руки — воплощение нежности, сердце — обитель Света. И любит он тебя до умопомрачения, только даже самому себе в этом не признается.

Слушая, я едва не потеряла челюсть. Косарь сам так сказал, или это художественная переработка начитанного паренька? Я возмущённо фыркнула, но высказать своё отношение к подобной лжи не успела — мой голубоглазый воздыхатель вернулся и его улыбка была способна ослепить всю горанскую армию.

— Я нашел пещеру!

— Отлично, — пробормотал Креатин. Юноша, как и я, был готов упасть и уснуть под копытами своей гривастой подруги.

Пещера оказалась небольшой, но очень уютной. Вход в виде широкой, вертикальной расщелины, в потолке несколько трещин, позволяющих разжечь костёр без риска угореть. Зато от дождя такая крыша вряд ли спасёт.

В глубине пещеры обнаружилось полдюжины лежаков из прошлогоднего лапника, уже не мягкого, но хорошо оберегающего от холода, а также кострище и большой глиняный котелок. Значит, народ в этих горах бывает, хоть и редко.

Лошадей разместили тут же. Плотные скалистые стены подарили прохладу, надёжно оградили от жаркого летнего солнца. Три измученные клячи сперва с удовольствием отведали воды из протекающего рядом ручья, после принялись хрумкать овёс из подвязанных к мордам торб. Эта роскошь нашлась в запасниках Креатина. Ещё у Креатина отыскалась пара одеял, одно из которых я немедленно узурпировала — жара жарой, а от земли веет нешуточным холодом.

Про завтрак — ужин никто кроме лошадей и не вспомнил. Мы повалились на старые лежаки и я уже начала проваливаться в сон, как раздался деловитый голос Креатина.

— Почему горанцы сюда не сунутся, это ясно... Они идут по тракту, попутно заезжают в крупные селения, в пределах дня пути от основной дороги. Какие-то сомнительные горы им параллельны, — торопливо оттарабанил он. — Но почему это место должен

проигнорировать и ваш торговец?

— Э... — отозвался Косарь, пошкрябал щетинистый подбородок. Я тоже «зависла», поняла вдруг: после нескольких дней в обществе ремвидцев, так же лихо выговорить слова «параллельно» и «проигнорировать» не смогу. — Так ведь мы на чокнутых не похожи, а сюда только чокнутый сунется.

— Почему же?

— Так ведь проклято оно, — нехотя признался Косарь.

— Что? — вскрикнул Креатин.

— Проклято, — повторил детина, беззаботно перевернулся на другой бок.

Наш юный спутник подпрыгнул, едва не впечатался лбом в каменный выступ. Глаза превратились в две большие плоскости, губы затряслись. Эх, а я уж начала забывать, что он не совсем вменяем...

— И чё за проклятье? — я лениво потянулась, поудобнее устраиваясь на подстилке. Так как выбрала место у стены, в спину отдавало холодом, пришлось основательно укутаться.

— Ничего особенного, — отмахнулся Косарь. — К тому же — проклятье старое, рассыпалось поди. Спи. Нам ещё обживаться тут...

Будь у меня силы, я бы возмутилась и призвала вещенца к ответу, но дрёма настигла раньше, чем смогла открыть рот.

Проснувшись от невыносимого храпа. Первым делом подумала на Косаря, но детина, хоть и раскинулся на спине, дышал тише младенца. Зато наш юный приятель, свернувшись калачиком, умудрялся храпеть так, что земля подрагивала. Кажется, в стенах пещеры прибавилось трещин, с потолка посыпалась каменная крошка. Лошади, привязанные у выхода, боязливо жались друг к другу.

Первым желанием было пнуть Креатина и снова улечься на тюфяк. Вместо этого, взяла котелок и пошла за водой.

К счастью, боль в ноге почти отступила. Видать, в момент моего падения, у местной богини Удачи было хорошее настроение, вот и отделалась лёгким испугом.

За стенами пещеры стояла невыносимая жара. Солнце перевалило полуденный рубеж, сильно клонилось к горизонту. В воздухе висел запах раскалённого камня, еловой смолы и подсушенной травы. Птицы и мелкое зверьё благоразумно спрятались от зноя, окружающий мир тонул в беззвучии.

Зато вода в ручье оказалась ледяной. Сам ручей был очень неглубоким, чтобы наполнить котелок пришлось черпать ладонями. Через четверть часа руки онемели, пальцы превратились в сосульки, в носу противно защекотало — ещё немного и потечёт.

Помянув местную природу незлым тихим словом, отволокла котелок к кострищу и снова выбралась из пещеры. На этот раз с котомкой. За минувшее время, недосушенное платье Любки приобрело запах, сравнимый разве что с запахом носок после трёхдневного марш — броска. Отстирать эту красоту в ручье невозможно, а продолжать путь в прабабушкиной юбке опасно.

Я брезгливо свернула платье и отправилась искать место, где его всё-таки можно выстирать. Если тут есть ручей, то может и озеро какое-нибудь найдётся?

Неровные изломы Малых гор встретили меня без особой радости. Ноги скользили на камнях, норовили застрять в трещинах. Ручеёк почти сразу пропал под одной из плит, уничтожив все надежды на нормальную стирку. С досады пнула близлежащий камень, тот вопреки ожиданиям покачнулся, открывая змеиное гнездо. Тонкие чёрные полосочки, больше похожие на червяков, чем на змей, жалобно зашевелились. Рядом зашуршало нечто громадное и злое. Змеиная мамаша — догадалась я.

С героическим криком «Спасите! Убивают!», подпрыгнула на пару метров и бросилась прочь. Платье, естественно, выронила. Взрыв адреналина уничтожил препятствия и напрочь убил осторожность. Я ощутила себя профессиональной паркурщицей, правда прыгала с изяществом помазанной скипидаром кошки. Паника смешала пейзаж в единую серую массу, я моментально потеряла направление и чуть не умерла от испуга, когда очередная плита перевернулась, организовав мне несколько секунд свободного полёта в черноту.

Приземлилась вполне удачно, только копчик отбила и затылком стукнулась. От испуга даже орать перестала. Вокруг было темно и тихо, как в склепе. Кожа покрылась мурашками, волосы на затылке приподнялись. Рукой нашарила стену, кое-как встала. Надежда на то, что глаза привыкнут к темноте и смогут различить хоть что-то, постепенно испарилась. От громогласных криков меня предостерёг шуршащий звук — рядом осыпалась горстка камней.

Ой — ой — ой...

Ноги сами понесли вперёд, руки судорожно хватались за влажные, склизкие камни, а

сердце бешено колотилось, причём не в груди, а в районе желудка. Размышления о том, что лучше умереть, чем остаться в Ремвиде, подло попятились.

Нет, я не хочу умирать! Совсем — совсем не хочу! Я хочу домой! Ну, в крайнем случае, в Вешенку! Чёрт, да я на что угодно согласна, только выпустите меня отсюда!

Впереди послышался странный звук, от которого дрожащая душонка сползла в пятки. Будто огромный железный коготь скребёт по камням. Мамочки!

Звук повторился. Замерев на месте, постаралась выровнять дыхание и отрезвить сбесившийся рассудок: зверей с железными когтями не бывает! Это просто... просто... чёрт, что же это?!

Я уже хотела развернуться, чтобы помчаться обратно, но внезапный порыв ветра заставил замереть на месте. Через секунду повторился и звук, и порыв ветра, а в довершение ко всему, блеснул свет. Блеснул и погас.

Значит, выход из этой ямы всё-таки есть. И, если сопоставить звук с уровнем моего везения, его охраняет дракон. По крайней мере других тварей с железными когтями на ум не приходит.

— Да какой ещё дракон? — трусливым шепотом сказала я. — Окстись, Настя!

Но чтобы уговорить себя продолжить путь, пришлось потратить ещё полчаса и килограмм красноречия.

Рука по — прежнему скользила по влажным камням, коленки дрожали, ноги подгибались. Смутная надежда на благополучное возвращение таяла с каждым шагом. Вдруг рука коснулась мягкого, но такого же склизкого, как камни. Чтобы не заорать, пришлось прикусить язык.

Собрав в кулак остатки храбрости, снова коснулась мягкого, упёрлась рукой. Поверхность неожиданно поддалась, а я едва не упала. В лицо ударил тусклый свет, но после времени проведённого в крошечной тьме, он казался ослепительным.

Я с удивлением поняла, что «мягкое» — это занавеска из шкуры какого-то зверя, закрывающая вход в просторную пещеру, на противоположном краю которой зияет широкая вертикальная трещина. Сквозь неё-то дневной свет и сочится.

Бежать вперёд не стала, хотя от нетерпения пятки жгло. Степенно переступив порог, как следует огляделась — вдруг здесь тоже есть плита — перевёртыш и один опрометчивый шаг заставит меня провалиться ещё глубже? Впрочем, если такая плита и была, разглядеть её не удалось. Зато увидела кое-что другое... У левой стены возвышался странный постамент, очертаниями сильно похожий на саркофаг.

Чёрт, неужели я действительно в склепе?

К «постаменту» приблизилась с кошачьей осторожностью и меня едва не вырвало. В коробе, составленном из тонких брёвен, на подстилке из свежей травы, лежал скелет. Скрюченный, с чёрными остатками истлевшей кожи и абсолютно беззубым ртом. Признаков одежды тоже не наблюдалось.

В том, что умерший — не простой покойник, я не сомневалась. Ведь подстилку «труп» кто-то менял, причём недавно. Абы — кому такие почести не оказывают...

Но почему этот кто-то не забрал во — он то прекрасное колечко? Снять его со скрюченного костяного пальца — раз плюнуть... Колечко, вроде бы простенькое — полоска желтого металла и светло — зелёный камешек круглой огранки. В моём мире даже бижутерия изящнее выглядит... Только почему при взгляде на него сердце замирает, а руки так и тянутся...

— Нет! Нельзя! — вслух сказала я, спрятала руки за спину. Потом крепко — крепко зажмурилась и пошла к выходу из пещеры.

Уже оказавшись на поверхности, вдохнув жаркого летнего воздуха, спросила себя:

— А что же скрежетало?

Вот только вернуться и узнать желания не возникло.

Я почти успокоилась, но тут из-за ближайшего валуна вышел Косарь. Парень был блее снега, зато с дубиной в одной руке и моим дурно пахнущим платьем в другой. Отловив и допросив о причинах долгой отлучки, он едва не приласкал меня этим орудием. Впрочем, рассказать о подземном склепе, я почему-то не смогла, мой рассказ ограничился глупым «заблудилась».

Зато в «нашу» пещеру вернулась очень быстро. Гневное сопение Косаря придало ногам удивительную лёгкость и прыгучесть.

Креатин, судя по виду, только проснулся и подниматься с лежака не собирался. Услышав моё «заблудилась», юноша глянул понимающе, сам поёжился и затрясся.

Наш молчаливый консенсус, окончательно взбесил Косаря.

— Из пещеры ни ногой! — рявкнул он. — Поняли?

А сам ушёл на поиски грибов и съедобных корней.

Креатин, с красными от сна глазами походил на упыря и к разговорам не располагал. Гулять по «горам» не хотелось, даже из чувства противоречия.

Снова легла на прошлогоднюю хвойную подстилку, прикрылась одеялом и принялась рассматривать изломы стены. Один, второй, третий... потом четыре одинаковых выступа, подозрительно напоминающих небольшие кирпичи. Следом углубление в форме восьмигранника, а под ним, у самого пола, ещё один «кирпичик».

Без задней мысли, поддела последний уступ ногтем, потом надавила. Не сразу сообразила, что квадратик поддался, утонул в стене. А вот как камень «выезжает» обратно, смотрела во все глаза. Наконец, он выпал, оставив в скале квадратное отверстие, в глубине которого что-то блестело.

Очень захотелось сунуть туда пальчик, но остатки разума взяли верх над любопытством. Я отломала кусок ветки, очистила её от хвоинок и просунула внутрь. Клацнуло, палочку перекусило в момент. Так — так... интересно.

Выломала новый пруттик, потолще. Его бы неведомый механизм тоже перекусил, но во второй раз ловушка почему-то не сработала. Пыхтя и чертыхаясь, мне удалось подцепить блестящее и вытащить на свет божий.

— Кольцо? — вслух удивилась я. Чёрт, да это то самое! Тонкая полоска желтого металла, посередине небольшой светло — зелёный камень круглой огранки. Внутри камня сверкнула искра, но едва попробовала присмотреться, огонёк исчез.

Нахохленный Креатин вынырнул из полудрёмы, спросил мрачно:

— Ты чего бормочешь?

— Ничего.

Делиться догадками с малознакомым психом совсем не хотелось. А вот колечко... чёрт, как же примерить хочется! Просто примерить и на место положить. Только боязно... вдруг без пальца останусь.

— Креатин, а ты в магию веришь?

Юноша замаялся, надул и без того пухлые губы.

— Конечно...

— А как думаешь, маги умеют регенерировать отрубленные конечности?

— Чего? — Креатин аж подпрыгнул. Прижал к груди холщёвый мешочек, судя по реакции, ворованный. Так — так, а это уже интересно... Заметив мой взгляд, юноша потупился. — Я не крал. Эту вещь... брат дал.

— А что там?

— Не скажу!!!

Креатин почему-то обиделся и отвернулся. А ведь на мой вопрос о регенерации так и не ответил, зараза. Хотя, с чего я решила, будто юнец знает?

— Ой!

Рука дёрнулась, будто кто-то толкнул под локоть, кольцо само собой скользнуло на палец и... ничего не случилось. Я тут же попыталась проявить благоразумие, избавиться от него, только местная бижутерия словно приклеилась. Прислушалась к ощущениям — средний палец правой руки, на котором эта зараза обосновалась, чуть занемел и похолодел. Когда попробовала повторить попытку, кольцо попросту исчезло.

Чёрт, кажется, я влипла.

Возвратившийся Косарь в два счёта соорудил костёр, приготовил нехитрую похлёбку из летних опят, каких-то кореньев и горстки отнятого у лошадей овса. Я в которой раз утвердилась в мысли, что Креатин ненормальный — как можно запасти еду для лошадей, которым и подножного корма достаточно, и не позаботиться о пище для себя любимого? Косарь, кажется, эти мысли разделял. Сам юноша напоминал недовольного воробья, с отвращением черпал свежеструганной ложкой и опасно косился на нас.

Сумерки сгустились довольно быстро, костёр отбрасывал на стены зловещие отблески. Косарь о чём-то расспрашивал Креатина, тот хмурился, отвечал по большей части невпопад. А я всё пыталась нащупать на пальце колечко, но безделушка так и не появилась. И что теперь будет?

Чёрт! Чувствую себя недоделанным хоббитом!

Очень хотелось рассказать о своей находке, посоветоваться с Косарем, но меня будто кто-то за язык держал. Ой, не к добру...

Ещё неуютней было от взглядов, которыми то и дело достаивал Креатин. Я даже засомневалась — а так ли безобиден наш новый спутник. Психи ведь разными бывают. Может сейчас Креатин тихий, как лёгкий ветерок, а потом в мозгу что-то переключит и милый юноша превратится в кровавого маньяка... А может и я уже того, умом тронулась? То могилы мерещатся, то кольца...

— Косарь, ты утром о каком-то проклятии говорил? — напомнила я, некрасиво перебив разговор. Глаза Креатина блеснули страхом, а вешенский детина заметно поморщился.

— Ну, было...

— И?.. — подтолкнула я.

— Нет! — выпалил Креатин. — Накличешь!

— Ой да ладно, — протянул здоровяк. — Чё там кликать? Всё равно ж бабья сказка. Значит так... Триста лет назад, жила в этих краях девица одна. Хорошая была, красивая. Все окрестные парни порог обивали, сватались. Да только матушка ейная жадней иной драконихи была, всех ухажёров в три шеи гнала.

И вот однажды, когда матушка на ярмарку уехала, явился к порогу молодой маг. И так он девице приглянулся, что без вопросов в дом позвала. Накормила, напоила и честь девичью отдала. А поутру он и говорит:

— Сильно ты мне понравилась, да вот жениться не могу.

Девушка в слёзы:

— Как же так, я ж люблю тебя всем сердцем!

Он и отвечает:

— Прости, не могу. Законы у нас, у магов, не как у людей. Но ты мне тоже страсть как приглянулась, так что вот тебе колечко, ежели совсем плохо будет, надень на палец, да обо мне вспомни.

И в воздухе растаял.

Через месяц матушка девушку за столичного торговца просватала. И как девка ни старалась, отвертеться от замужества не смогла. Только перед самой свадьбой подарок магов на палец надела, подумала о нём... и ничего не случилось. Не пришел возлюбленный.

После брачной ночи девкин позор открылся. Молодой муж выпорол её до полусмерти, опосля запил. А мужева родня погрузила её в телегу и обратно отправила. Только дома ещё хуже сделалось — всё село над брошенной потешалось, а матушка каждый день скалкой охаживала. Не выдержала молодая, померла. Перед смертью снова магов подарочек надела, а он опять не явился.

Кольцо с её руки, как ни пытались, так снять и не смогли. Говорят, даже палец резали, а он того... этого... не отрезался короче. Вот такая история.

— Э... А горы эти причём? — удивилась я.

— Так девка магова ожила, из могилы выбралась и сюда ушла. Говорят, до сих пор по пещерам бродит и за обиду свою мстит: мужиков сама сжирает, а на девок и баб змей науськивает.

— Враки, — пробубнил Креатин. — Не может простая упыриха змеями управлять.

Я поперхнулась воздухом — хороший аргумент, главное логичный. А юнец насупился, начал всерьёз критиковать Косареву байку:

— Вот сам посуди! Упырихи змеями управлять не умеют — это раз. В Ремвиде магов отродясь не водилось — это два. Да и с чего люди взяли, что упыриха в горы подалась? Они всегда близ погоста селятся!

— Так маг тот из Горанга забрёл, — без тени улыбки парировал Косарь. — И змей упыриха науськивает — так люди говорят, а люди врать не станут. А что до гор... так ведь баба! У них ветер в голове! Решила, что не хочет на погосте жить, вот и пошла в горы.

— Глупости! — выпалил Креатин. — Ни один маг не станет с женщиной водиться! Во — первых, это запрещено. Во — вторых, во — вторых... Совет Магов его за такое четвертует!

— Четвертует — не четвертует, а девку маг обесчестил! Иначе почему её столичный муж выпорол и выгнал? От доброты душевной?

— Мужичьё... — пробормотал Креатин, закатывая глаза.

Я отползла подальше. И, на всякий случай, сделала вид, что я не с ними.

В тысячный раз пощупала палец — кольца как небывало, но внутреннее чувство подсказывало — оно на месте. Чёрт, во что же я всё-таки вляпалась?

К моменту, когда разговор перешел с упыриц на женщин вообще, я благоразумно лежала на тюфяке и притворялась спящей. Участвовать в таких спорах — глупо, а вот подслушивать — одно удовольствие.

— Все бабы — зло! — выдал заученную фразу Креатин. Правда голос прозвучал беззлобно, так что в женоненавистничестве юношу подозревать рано.

— Не все... — хитро протянул Косарь.

Юный собеседник заговорчески понизил голос, но я всё-таки расслышала:

— Ты об этой?

В том, что за вопросом последовал кивок в мою сторону, сомнений не было. Я нарочно поёрзала, всхрипнула для убедительности, и устроилась так, чтобы в случае чего, приоткрыв глаз, увидеть всю картину посиделок.

— Она лучшая, — со вздохом ответил Косарь. — Самая — самая.

— Ну конечно...

— Нет, ты не понимаешь, Креатин. Она ведь не просто девчонка, она... она...

Ага... похоже о моём иномирном происхождении Креатин не знает. Даже сейчас Косарь так и не решился просветить приятеля. Это хорошо: мозг хоть и отравлен флюидами, а электрические импульсы гоняет исправно.

— Она... обычная! — завершил фразу Креатин. — Просто ты к ней неровно дышишь.

На физиономии юноши появилась улыбка с какой в детском саду кричат дразнилки про «тили — тили — тесто». Я не удержалась от смешка, с трудом замаскировала его под кашель. Кажется, поверили.

— Неровно, — честно признался Косарь. — С первой встречи, с первой секунды.

— Ого! Ну и зря.

— Почему? — возмутился парень.

— Да потому что с первого взгляда только деревенские увальни влюбляются!

Косарь заметно смутился, сжал зубы, но промолчал. А польщённый такой реакцией Креатин, продолжил излагать:

— Прежде чем влюбляться, нужно... хотя бы поцеловать, и не абы как, а как следует, с языком. Ну или хотя бы голой увидеть.

После этого «откровения» даже я покраснела. Косарь же, поспешил реабилитироваться:

— А я видел. И даже трогал.

Глазки Креатина стали круглыми и очень большими, рот изумлённо приоткрылся.

— А что, — продолжал Косарь. — Я её сразу голую и встретил... Поймал. Облобызал.

— Врёшь... — настороженно протянул юнец.

— Неа. Выхожу я однажды к... к морю. И тут она. Голая. Испугалась меня, оступилась и чуть не упала. Я её подхватил, к себе прижал, ну и... облобызал, конечно.

— С языком?

— С языком, — важно протянул вешенский врун и заулыбался так, что будь у меня в руках кирпич...

— А она?

Косарь поднял мечтательный взгляд к потолку и шумно вздохнул. Изумлённый юноша вытянул шею, уставился на Косаря с жадностью и надеждой.

— Она девушка скромная. Пощёчину засветила и домой удрала. Но на свиданье всё-таки согласилась. Мы в ту ночь по лесу гуляли. До деревни и обратно. Четыре раза.

Да ты меня на уколы в дом старостики водил, врун!

— С той поры ни на шаг от меня не отходит.

— А замуж просится?

— Ну так, — Косарь неопределённо пожал плечами. — Намекает иногда.

— А ты?

— Я? Думаю ещё.

Вот значит как запел, голубчик. Думает он! Теорему Ферма решает. Ладно — ладно, я тебе припомню!

— Правильно, — заключил Креатин, всем своим видом выражая крайнюю степень солидарности. — С ними только так и нужно. Пусть помучается.

— Не... ну мучить её не хочу. Просто для воспитания.

— Своевольничает? — с понимаем спросил юноша.

— Бывает. Но я, чуть что, по заду ка — ак приложу! Сразу шелковая.

— И это правильно, — кивнул Креатин. — С ними только так и нужно. А то иш... Сегодня по заду не приложишь, замуж позовёшь, а завтра уже с другим лобызается.

Вешенец всерьёз насторожился, выпалил громко, даже стены содрогнулись:

— С каким другим?

— Да ты чего? Я ведь образно. Гипотетически. — Испуганно пискнул юноша, тут же принялся оправдываться: — Они же, бабы, народец ушлый. Чуть что не по их — сразу губки бантиком, хвост веером, и давай перед другими вертеться. За это и не люблю их. Бабы — зло, и держать их нужно в строгости. Эх, придумать бы такое заклинание, чтобы бабы всегда — всегда слушались, вот бы счастье было.

— Ха. Да за таким заклинанием даже в Горанг сходить не стыдно. Хотя, скажу тебе по секрету, хуже баб — только маги.

— Это почему же?

— Подлые они. Лживые. И ядовитые, как змеи. И вот странно, говорят, мол магами только мужики становятся. А по мне, так баба магом стать должна.

— Скажешь тоже... У бабы мозгов не хватит. Она только пищать и браниться может. И беды на плечи людские складывать. Вот бывает... влюбится хороший человек в бабу, а ты гоняйся за ней по всему свету... — Креатин вдруг осёкся и нахохлился. — А вообще, без них лучше.

— Ну... не скажи.

— Чё? — насторожился юнец.

— Чё — чё! — расплылся в ответ Косарь. — Лобызаться-то хочется! Особливо, когда с языком...

Ну погоди, зараза. Я тебе эти посиделки ещё припомню. А ведь с виду такой приличный парень. Честный, преданный! Может я действительно в тебя влюбиться собралась, а ты устроил тут... вечер сказок.

И дружок твой простыми извинениями не отделается. Он ведь только прикидывается дурачком, а сам посмышлёнее тебя будет. Гад малолетний. Хорёк! Развёл деревенского верзилу на откровения!

Ох, устрою я вам. Прямо с утра и начну. Вы ещё попляшете! Вы ещё прощения простить будете! И не только у меня, у всего бабьего рода!

На смену довольно забавному вечеру пришла очень беспокойная ночь. Меня терзали кошмары: снились Натка, Мария Петровна, родители. Всклокоченная блондинка, злобно выезжающая из автосалона на новеньком, уже желтом, «Феррари». Почему-то привиделся вешенский староста и мой недавний пациент Рогор.

После приснился скрюченный костяной палец и улыбчивый беззубый череп. Я в ужасе тарасилась на эти мощи, а в груди, вопреки здравому смыслу, разливалось чувство радости. Там, во сне, что-то подсказывало — если бы сняла колечко с пальца, померла бы на месте, меня проверяли на честность. Ловушка в тайнике — тоже проверка, на благоразумие. Зато теперь кольцо действительно принадлежит мне, и зла не причинит, если не сделаю ничего, что противоречит совести.

А ближе к рассвету, в голове прогремел незнакомый голос:

— Ну что там у тебя?

Я вздрогнула, насторожилась. Начала сочинять ответ — рассказывать об истинном положении дел, о том, как сильно хочу вернуться домой, совсем не хотелось. Врать — тоже. Нужно сказать что-нибудь нейтральное...

Но не успела я раскрыть рот, как меня захлестнула волна грусти. Чужой грусти!

— Не молчи. И не скули! — приказал голос.

— Я... Я... В та — акой дыре, — печально ответил второй.

— Что значит «в дыре»? Тебя пленили? В яму посадили?

— Ну...

— Не мямли. Объясни, что случилось!

— Мы в пещерах прячемся. Тут ни помыться, ни поесть нормально...

— Да что ты несёшь, кретин? Говори по делу. Что с девчонкой?

— Что с ней станется? — отозвался второй. Я, наконец, узнала его.

Первый зарычал. Я почувствовала его негодование. Будь обладатель голоса рядом, непременно вцепился бы в глотку. В подтверждение, он зашипел:

— Креатин, я тебя задушу... Говори же!

— С девчонкой всё в порядке. Жива, здорова, помирать не собирается. От торговца она сама сбежала, раскусила его. Мы встретили, теперь скрываемся.

— От кого?

— От торговца, от властей Ремвида, ну и... от вас.

Короткий, удивлённый смешок первого. Недовольное сопение Креатина. Кажется, юноша рассчитывал на благосклонность собеседника, на сочувствие.

— Тебя ещё не раскусили?

— Нет. Я притворяюсь дурачком, как и договаривались, — слова прозвучали грустно.

— Притворяешься? — собеседник Креатина искренне развеселился, а тот попытался увести разговор в другое, более выгодное русло:

— Для них я «свой». Деревенский, тот, который Косарь, верит абсолютно. Он меня не выгонит, даже если девчонка попросит. А она... Знаешь, она не так проста.

— Кто бы сомневался.

Собеседник Креатина тяжело вздохнул. Я почувствовала волну презрения, недоверия и грусти.

— Покажи где вы, — приказал он.

Меня подбросило вверх. Перед глазами появился рисунок, на котором легко узнала Малые горы, ведущую к ним тропу, тракт. После на картинке проступили леса и поля, сёла и деревни. Дороги превратились в слаженную паутину, в одном из узлов которой, мигали красные огоньки. Никто не пояснил, но я точно знала: эти огоньки — один из горанских отрядов.

— До вас полдня пути, — заключил собеседник Креатина. — Сможешь удержать эту парочку до полудня?

— Конечно. Они и не собираются уходить.

— Ладно, так и доложу главнокомандующему. Думаю, он не станет откладывать встречу. Так что к обеду жди.

От этих слов сердце в груди споткнулось, к горлу подкатила дурнота. А Креатин задал новый вопрос:

— Как он?

Собеседник явно не желал обсуждать эту тему, но всё-таки ответил:

— Хуже. Извёлся. Только о девке и думает. Пока не сцапает, не успокоится. Жалеет, что не сам за ней поехал, а тебя отправил. Но не признаётся, конечно.

Разговор оборвался внезапно, а я с ужасом поняла — это не сон. Я действительно слышала голоса, но всё происходило наяву, здесь и сейчас. Креатин не тот за кого себя выдаёт, и он только что превратил наше убежище в ловушку.

И что теперь будет? К полудню сюда явятся горанцы и «сцапают» меня? Но зачем?

А зачем я понадобилась архиепископу Ремвида? Может горанцами и архиепископом движет одно желание? Но какое?

Меня захлестнула паника. Отчаянно хотелось вскочить, вцепиться в чёрные кудри Креатина и как следует тряхнуть малолетнего пройдоху. Жаль только, шансов победить в этой схватке — ноль. Косарь не позволит, заступится. Он полностью доверяет предателю.

Что же делать?

Я попыталась вообразить карту, которую только что видела. Удалось, и довольно легко. Сетка дорог, пятно Малых гор, красные точки — отряд горанцев. Поднялась чуть выше, сместилась в сторону — сетка дорог стала обширнее. Пригляделась: прямая линия тракта пересекается тоненькой тропинкой, ведущей к нашему убежищу, но это не единственный путь. С другой стороны Малых гор есть ещё одна тропа, гораздо тоньше, вдалеке она соединяется с новой линией.

Внезапно, сознание трянуло, и я чётко поняла — кто-то пытается пробраться в мои мысли. Вот только... возможно ли такое? Приступ паники ослабил виденье, линии дорог стали туманными. Чёрт, что происходит?

Стиснув зубы, заставила картинку обрести прежнюю чёткость, опять рванула вверх. Загадочный «кто-то», кажется, удивился, а я, повинаясь странному инстинкту, вцепилась в виденье и прорычала: куда бежать? На краю карты вспыхнул алый огонёк. Прежде чем меня вышвырнуло из мира грёз, успела запомнить крутой изгиб залива и впадающую в него реку.

Я распахнула глаза и едва не закричала — виски болели так, будто к ним раскалённые клейма приставили. Не сразу осознала, что всё ещё дышу, что лежу на подстилке из прошлогоднего лапника, а в расщелину пробивается тусклый утренний свет и лёгкий, ещё прохладный ветерок.

С великим трудом приподнялась. Лежак Косаря оказался пуст, а вот Креатин на месте.

Скрючился, как старая бабка, глазки наглые прикрыл и дрыхнет. Отчаянно захотелось подкрасться и всё-таки оттрепать гадёныша за волосы, но я сдержалась.

Осмотрелась ещё раз — лошадей у входа в пещеру нет. Видимо, Косарь решил выпасти и напоить гривастых. Что ж, значит он рядом, и есть шанс поговорить прежде, чем наш новый «друг» проснётся.

С кошачьей осторожностью выползла из пещеры. Глазам стало больно от утреннего света, ноздрей коснулся уже привычный запах леса. На ходу, зачерпнула горстку воды из ручья, ополоснула лицо.

Косарь обнаружился в десятке метров, на крошечной лужайке примыкающей к лесу.

Завидев меня, парень расплылся в радостной улыбке, шагнул вперёд и распахнул объятия. Прежде чем успела хоть что-то сказать, прижал к себе и впился в губы. Недолго думая, цапнула его за язык.

— Ой!

Здоровяк вмиг отскочил. Уставился, как кот, незаслуженно огретый тапком. В другой ситуации, я бы его отчитала, но сейчас давать уроки хороших манер некогда.

— Косарь, у нас снова проблемы. Нужно уходить отсюда, причём немедленно.

Лицо вешенца вытянулось.

— Только не спрашивай! — перебила я. — Объяснить всё равно не смогу. Просто поверь.

— Поверить?

— Что? Значит, Креатин достоин доверия, а я нет?

Слова вырвались сами собой, Косарь опешил окончательно. Но разводить сантименты я не собиралась.

— Тебе помочь оседлать лошадей?

— Настя...

Несколько бесконечно долгих секунд, молча смотрели друг на друга. Он растерянно, а я... Кажется, во взгляде проступили все чувства разом: леденящий страх, испепеляющая ярость, горькая, как полынь, обида. И ещё — ненависть.

Я ненавидела себя, за то, что подобрала эту чёртову связку и не нашла в себе сил отказаться от волшебного мира, когда меня поймали. Лучше бы погибла под колёсами «Феррари» или сдохла в застенках тюрьмы. Тогда не пришлось бы так рисковать.

— Времени на завтрак, как понимаю, нет. — Заключил Косарь. — Тогда буди Креатина и в путь.

Спорить Креатин не стал, даже повеселел немного. С помощью Косаря, парень взобрался в седло, выпрямил спину и окинул мир победоносным взглядом. Через пару минут я догадалась о причине веселья: парень был уверен, что сюда ведёт только одна дорога, и мы, стало быть, поедем напрямиком в лапы горанцев.

Я позволила Косарю повернуть лошадь, проехать несколько шагов, исподволь наблюдая, как раздувается от гордости малолетний гадёныш. И только после окликнула:

— Нам в другую сторону.

Косарь обернулся, удивлённо поднял брови. Я же, недрогнувшей рукой направила вороную прямо, въехала в жиденский лесок и через несколько десятков метров обнаружила довольно широкую тропу, огибающую «горы». Кое — где земля сменялась плоскими каменными плитами, но тропа была довольно удобной.

— Откуда ты знаешь? — изумился подскочивший Косарь.

— Хозяева здешних мест подсказали, — сухо ответила я.

И это было правдой. После того, как «увидела» карту, вообразила, что пробираемся по каменистым холмам с лошадьми и ужаснулась. Тут и человек ноги переломать может, не то, что лошадь. Тогда в голове снова вспыхнуло виденье, совсем не похожее на прежнее: чёткая дуга, ведущая вдоль восточного края Малых гор. Слишком ровная для обычной тропы. И что-то подсказывало — увидеть эту тропку может далеко не каждый.

Но всерьёз удивило другое... Едва подошла к вороной, нога сама прыгнула в стремя, рука уверенно ухватилась за луку седла и тело взметнулось вверх. Будто я полжизни провела в седле, но отчего-то совсем про это забыла, а вот теперь вспомнила. Я правила лошадью гораздо уверенней самого Косаря и казалось, если разгонюсь как следует, если разыграет в крови настоящий адреналин — не удержусь от джигитовки.

Вскоре перешли на рысь, мне даже дышать стало легче. Я почти перестала беспокоиться о присутствии Креатина, будто спешка способна помешать ему связаться с горанцами, значит — задержать погоню. Да и сама погоня уже не слишком волновала.

Кстати, а кто же такой Креатин? Маг? Видимо — да. И, судя по тону его утреннего собеседника, не самый удачливый. Так может не всё так плохо? Будь я действительно ценной добычей, к нам бы подослали кого-нибудь посмышлёней. Впрочем, расслабляться всё равно нельзя.

Озвучивать свои догадки не буду, тоже притворюсь дурочкой. Пусть маг считает, что мной движет спесь и женское скудоумие. Расспрашивать о причинах столь большого интереса к моей персоне — тоже не стоит. Я вряд ли добьюсь честных ответов, зато подозрение вызову наверняка. Буду играть в молчанку и ждать.

...Незадолго до полудня, подъехали к едва заметному перекрёстку. Нашу «дугу» пересекала тонкая, едва различимая тропинка.

— Мы едем на восток, — сообщила я, поворачивая лошадь. Снова пустились рысью.

Где-то вдалеке, за распластанными камнями «гор», мне чудился перестук копыт и грязная брань горанцев. На мгновение стало до того страшно, что в глазах потемнело. Я поднесла к губам руку и зашептала:

— Колечко, миленькое... Сделай так, чтобы горанцы не нашли наших следов.

Колечко, естественно, не ответило.

Дорога шла через лес. Молодые ёлочки сменялись высокими елями, а чем дальше на восток, тем чаще стали попадаться островки лиственного леса и небольшие полянки. Этот край казался безлюдным, будто в такой дали от главного тракта выжить человеку невозможно в принципе.

Несколько раз тропу перебежали зайцы, Косарь с сожалением вздыхал — поймать бы! Вот только ни луков, ни силков, у нас не было. Не было и того, кто способен метнуть нож с достаточной точностью.

До вечера мы сделали только один привал и тот не столько для нас, сколько для лошадей. За неимением съестных припасов (посчитать за еду сырой овёс не смог даже Косарь), пришлось жевать заячью капусту и ещё какую-то травку, на которую указал вешенец. Креатина, попытавшегося выяснить причины бегства и такой спешки, я избегала.

На ночёвку остановились, когда на землю начали ложиться сумерки. Близ тропы как раз обнаружилась небольшая поляна с изумрудной травой, рядом журчал довольно широкий ручей. Косарь долго всматривался в прозрачную воду в надежде обнаружить рыбу, но тут даже лягушек не было.

— Похоже, снова придётся есть траву, — вздохнул детина. Креатина от такого сообщения заметно покорёжило, он вздохнул и воздел глаза к небу. Кажется, в них блеснули слёзы. Мой желудок вторил его вздохам протяжным громогласным урчанием.

Косарь быстро развёл костёр — кресалом он работал мастерски — и побрёл искать птичьи гнёзда. Я аккуратно рвала заячью капусту, складывала в подол юбки. Ещё пара дней такой диеты, стану неотличима от Кошеля Бессмертного. Неужели в этой глуши действительно нет деревень? На подсмотренной карте тропинка пересекалась с широкой дорогой, как поняла — другим трактом, вот только где же он?

Вешенский здоровяк вернулся без добычи, зато с охапкой лапника. Принял из моих рук большой пучок заячьей капусты и, наконец, не выдержал:

— Настя, ты уверена, что поступаем правильно?

Перед голодом и перспективой спать в не пойми каком лесу, моя уверенность попятилась, но всё-таки я кивнула.

— Куда мы едем? — подал голос Креатин. Юнец выглядел смертельно уставшим и несчастным.

— В столицу, — беззастенчиво соврала я.

Косарь закатил глаза, Креатин едва не заплакал:

— Настя. В столицу ведёт главный тракт! А мы, если не заметила, на какой-то неизвестной тропе.

— Почему неизвестной? Тропа есть? Значит, по ней кто-то ходит, — парировала я.

Косарь кивнул:

— Скорее всего, эта тропа соединяется с Малым трактом. Мы действительно сможем попасть в столицу, просто ехать дольше.

Юный интриган заскулил и впился зубами в очередной клочок заячьей капусты. Мне так и хотелось сказать: не нравится — топай отсюда. Но присутствие Косаря удержало — тот косился на юношу с искренним сочувствием, как-никак Креатин ему жизнь спас.

Горанский приспешник страдал не только от голода — тело, не привычное к долгим поездкам верхом, ныло. Юноша хватался то за поясницу, то за место пониже, корчил страдальческие гримасы. Косарь тоже лишних движений не делал, но кряхтеть, как товарищ, не собирался. А вот я, к собственному удивлению и зависти компаньонов, чувствовала себя превосходно, только икры чуть постанывали.

Спать легли под аккомпанемент урчащих желудков и бодрый комариный звон.

Я устроилась на подстилке из лапника, вместе с Косарем. Спать в такой близости от парня, который совсем недавно рассуждал о поцелуях с языком и без, было несколько... неудобно. Но лучше так, чем одной, на холодной земле. Картину усугубляло одеяло — одно на двоих. Креатин обиженно сопел на противоположной стороне от костра.

Закрыв глаза, я попыталась настроиться и поймать «волну», в надежде услышать что именно юный горанец будет рассказывать своим друзьям. Но то ли сама делала что-то неправильно, то ли сеанс связи не состоялся... в голове было тихо и безлюдно. Совсем скоро, Креатин захрапел, а я впервые всерьёз пожалела о своём решении. Если бы прямо сейчас на поляне появился горанский отряд и предложил камеру, где никто не храпит — согласилась не раздумывая. Ладно, малыш... когда настанет время, за храп ты тоже ответишь.

Мне редко снятся красивые сны. Обычно, видятся обрывки каких-то событий, туманные и ужасно нелогичные. В эту ночь яркие, осмысленные сны буквально преследовали. То ли

храп злобного Креатина так подействовал, то ли свежий воздух и приличная доля комариного яда...

Сперва привиделась блондинка. Прежняя обладательница волшебных ключей пищала, как вывалившийся из гнезда птенец, размазывала по щекам слёзы. Рядом с ней сухонький мужичёк в сером костюме: лицо бесстрастное, глаза холодные и пустые. Ни капли сострадания к девичьему горю.

— От таких сделок не отказываются, — наконец, сказал он. Голос напомнил январский ветер. Блондинка запищала громче, едва не перешла на ультразвук. — Мне плевать где возьмёшь деньги.

— За... за... заказчик... — сквозь слёзы выдавила она. — Пропал.

Мужчина не проронил ни звука, но это молчание было красноречивее любых слов. Ему безразлично, его интересует только завершение сделки.

— Я пытаюсь, — вновь запищала девица, готовая в любую секунду упасть к его ногам.

— Неделя.

Она задохнулась. Лицо, и без того красное, пошло бурыми пятнами, слёзы покатались быстрее. Блондинка захлёбывалась плачем, каждое слово походило на предсмертный стон:

— У меня... украли ключи. Я ничего не могу сделать. Нужно ждать, когда заказчик сам найдёт способ связаться.

— Неделя.

— Не хватит! — взвизгнула девица. И в ответ на новый, леденящий взгляд человека заторопилась: — Я упустила девку, которая украла ключи. Её ищут... там. Я знаю, она не хочет возвращаться, прячется. Но я... я... делаю всё, чтобы она захотела вернуться, поверь. Я решаю её проблемы с властями, я отстояла её квартиру, я... я нашла парня в которого она влюблена. Мне бы только добраться до неё! Я ей счёт в банке сделаю, всё сделаю!

Человек не понимал ни слова. Смотрел безучастно, без толики жалости. Кажется, он решил, что блондинка притворяется сумасшедшей.

— Неделя.

Я на несколько секунд проснулась, но прежде, чем смогла осознать увиденное, снова нырнула в мир сна...

В этот раз приснились мама и Натка. Они сидели на кухне в родительской квартире и пили чай. Натка, как ни в чём ни бывало, трескала тортик, а мама смотрела на неё грустными щенячьими глазами.

— Да не скули ты! — огрызнулась Натка, когда под материнским взглядом поперхнулась куском лакомства. — Вернётся твоя Настя, куда денется? Просто нервы решила потрепать! Су...

Натка не договорила, постеснялась материться. Мама тяжело вздохнула, ответила:

— Зря мы настаивали... Нужно было отдать эту квартиру ей и не спорить.

— Ещё чего! А как же мы? — выпалила сестра. — Почему мы должны ютиться тут? Баба Саша и мне родня, между прочим! Я устала делить с тобой кухню! И вообще...

— Наташа... я всё понимаю. Настя поступила эгоистично, но, с другой стороны, она никогда ничего не просила, никогда не спорила... Да пусть подавится этой квартирой!

— Нет... Я своего добьюсь. И эта новаяявленная подружка с приставами мне не помешает! Только знаешь, что обидно? Эта старушенция, соседка, жалобу на меня подала! Дескать, я Настину квартиру захватить пыталась! Представляешь?

— Бог им судья, — рассудила мама. — В мире так много злых людей...

Натка кивнула и добавила:

— А вы вырастили ещё одну неблагодарную тварь.

Он этих слов стало так больно, что я проснулась.

Вокруг висела непроглядная, чёрная ночь. Даже звёзд не было. Огонь костра уже погас, только багровое пятно на земле осталось. Я всматривалась в жаркие угли, даже не пыталась утирать слёзы. Рядом тихо дышал Косарь, а Креатин, наконец, перестал храпеть, только посвистывал во сне.

«Это всего лишь сон,» — мысленно сказала я. Только сердце всё равно болезненно сжималось и отчаянно хотело вырваться из груди, чтобы навсегда прекратить свои страдания.

Когда небо стало на пару тонов светлее, а на землю начал наползать туман — предвестник рассвета, мне снова удалось уснуть.

В этот раз я оказалась в доме старости, у постели Рогора. Моряк выглядел вполне здоровым, только лихорадочный блеск в глазах говорил — что-то с ним не так. Я отчего-то сразу забыла былую неприязнь, присела на край кровати. Думала, парень не заметит, но он протянул руку, схватил мою ладонь и поднёс к губам. Мне снова захотелось плакать.

— Иди сюда, — прошептал он, и я послушно легла рядом.

Рогор прикрыл одеялом, обнял. Осторожно, трепетно. Горячие губы коснулись моего виска. Я прильнула к моряку, положила голову на широкую, твёрдую, словно камень, грудь. Аромат его кожи пьянил, пальцы нежно гладили мои плечи.

Я приподнялась, чтобы как следует рассмотреть его лицо. Он всё такой же: длинные чёрные волосы, внимательные глаза, широкий подбородок, высокий лоб... Влюбиться в такого проще, чем вздохнуть.

Одним, едва уловимым движеньем, Рогор привлёк к себе и наши губы встретились. Голова закружилась, по телу прошла волна тепла, внизу живота вспыхнула сладострастная боль. Моряк целовал осторожно, совсем не так, как в прошлый раз. Снова и снова касался моих губ, я прижималась всё сильнее, отвечала на поцелуй едва сдерживая бурлящую внутри страсть. Будто почувствовав, Рогор стал целовать настойчивей, рука скользнула под блузку. Горячие пальцы коснулись спины, заставили изогнуться навстречу.

Рогор чуть отстранился, рука устремилась к моей груди. На несколько секунд замерла в удивлении, обнаружив вместо обнаженной кожи кружевную ткань... Я мысленно хихикнула, представив как горанец будет справляться с лифчиком, а в следующее мгновенье застонала — Рогор ласкал не слишком умело, но эти прикосновения сводили с ума.

Неуместная мысль о полном отсутствии контрацептивов меня не остановила. Я впилась в губы моряка, готовая не просто отдаться — раствориться в нём. Я запустила пальцы в его волосы и замерла. Вместо тяжелой копны длинных волос, рука коснулась короткого ёжика. Я открыла глаза и тихо ахнула.

Косарь. Одной рукой деревенский здоровяк прижимал меня к себе, второй ласкал грудь. Не обращая внимания на внезапный ступор, по — прежнему целовал губы. А к моей ноге прижималось нечто... довольно большое и очень твёрдое.

Очень хотелось закричать, но горло сковала судорога. Я оттолкнула Косаря, вложив в удар все силы. Увы, их оказалось недостаточно. Парень даже не заметил моего трепыхания.

Помощь пришла неожиданно — Косаря заставило отстраниться деловитое «Кхе, кхе», прозвучавшее с другой стороны давно погасшего костра.

Он дышал очень тяжело. Серо — голубые глаза потемнели, стали почти чёрными, в них

блистали молнии. Воспользовавшись моментом, я вихрем рванула из под одеяла, а растерянный Косарь не смог удержать.

— Не смей! — выкрикнула я. — Не смей так делать! Никогда!!!

Лицо вешенского верзилы вытянулось и застыло в изумлении. А я, с пылающими щеками, помчалась к ручью.

Желания во что бы то ни стало смыть прикосновения Косаря, у меня не было. Я просто надеялась — холодная вода поможет собрать в кучку мысли и остыть. Мой мозг взорвался. Пожар, бушевавший внизу живота, в мгновение перекинулся на щёки. Лицо пылало так, что выплеснутая на них ледяная вода норовила закипеть.

Чёрт, что же я натворила?!

На смену постыдной страсти пришло ещё более постыдное осознание: мне смертельно жаль, что очутилась в объятьях Косаря... если бы на его месте оказался Рогор, всё было бы иначе. Я бы не сбежала. Ни за что!

— Дура! — тихо прорычала сама себе и отвесила добрую пощёчину едва остывшей щеке.

Сил извиняться перед Косарем у меня не было. Он тоже не спешил каяться, потерянно жевал запасённую с вечера заячью капусту.

Креатин же сжался в комок, сидел красный, как ошпаренный рак, и не поднимал глаз. Как подросток, ненароком наткнувшийся на канал с порнухой, честное слово!

А меня колотило от единственной мысли: что я теперь Рогору скажу?

Осознание того, что между мной и Рогором ничего нет, я ему ничего не обещала, да и вообще... встреча наша вероятно настолько же, насколько вероятно изобретение эскимосами нового способа обогащения урана, было чётким. Очень чётким! Но нисколько не мешало сокрушаться над ночным эпизодом.

К моменту, когда наша компания вновь оказалась в сёдлах, я пришла к выводу, что этот мир дурно на меня влияет. Я схожу с ума, причём взаправду.

Чёрт, когда я успела влюбиться в этого моряка? Он ведь мерзкий! Грубый! Неотёсанный! Самовлюблённый! Самоуверенный! Дурак!!!

— Ненавижу! — глухо прорычала я и ударила пятками так, что вороняя ушла в галоп.

Уже и солнце взобралось едва ли ни на самую макушку неба, уже и лошади норовили перейти с рыси на шаг, а лес даже не думал заканчиваться. Тракта не было и в помине. Я бросала хищные взгляды по сторонам, мысленно проклиная всех и вся. Креатин трусливо ныл — дескать, заблудились. Пристыженный Косарь пыхтел молча.

Думаю, в этот момент мы мало отличались от отряда злобных горанцев и попадись они на пути — не известно, кто бы кого испугал.

Когда паника Креатина достигла пика, он начал орать на весь лес, в надежде, что «эй, кто-нибудь!» откликнется на его зов. Заткнуть рот паникёру мы не пытались, потому что сами были готовы вторить этим крикам.

Часа через два Креатина слышали... Раздался жуткий скрежет, и поперёк тропы рухнула разлапистая ёлка.

Нам, естественно, пришлось осадить лошадей и остановиться, чтобы нос к носу встретиться с дюжиной плечистых мужиков, вынырнувших из леса. Остриё стрелы, направленное в мою сторону, показалось настолько забавным, что я хихикнула.

— Кошелёк или жизнь? — прогремел бородач с огромным топором, стоявший по центру компании.

Я расхохоталась так, что чуть из седла не выпала. Попятились не только грабители — даже мои спутники не на шутку струхнули.

А меня понесло...

— Как здорово, что мы встретились! — воскликнула я, спрыгивая на землю. — Я даже мечтать не могла о такой удаче! Разбойничаете? Душегубите? А как? Караулите на этой богом забытой тропинке? И много богачей тут околачивается? А убиваете как? Тупо, топориком? Или всё-таки стрелами? А пытаться умеете?

Бородач с топором был выше меня на полторы головы, в плечах побольше Косаря и Креатина вместе взятых. Но это не помешало ему выпучить глаза и отступить, когда я сделала пару шагов навстречу. Мужик истово замотал головой.

— Как?! — искренне изумилась я. — Не умеете?! Что, даже ноздри не вырываете? Даже иголки под ногти не вгоняете? Ах да... у вас же металл в дефиците, откуда иголки взять! Но

ведь есть и менее затратные способы! Как насчёт муравьёв? Голой попой в муравейник, а? А если ещё мёдом чуть — чуть смазать...

Бородач побелел и громко сглотнул. А я уже подошла вплотную, встала на цыпочки и задрала голову, заглядывая в глаза. Цвет глаз так и не определила, единственное что заметила — они ну о — очень большие и грозят лопнуть.

Я тяжело вздохнула и огляделась. Нарушать наш тет — а-тет никто не хотел, почему-то... Мужики давно опустили луки и топоры, пятились и озаряли себя каким-то знаменем.

Бородач тоже уронил топор. Кажется, себе на ногу. Но крика или крепкого слова, обязательного в таких случаях, я не слышала. Искреннее недоумение разбойничьего предводителя заставило сбавить тон:

— Знаешь, а я ведь до встречи с вами так... скучала. Еду себе, еду... смотрю по сторонам и думаю... что за мир такой? Плюшевый! Розовый! С бантиком! И все вокруг такие добрые, хорошие. Улыбаются, и заметь — искренне! Никто злого слова не сказал. Убить ни разу не пытались. Ни разу! Представляешь?! Я уж отчаялась, решила — всё, капец этому миру, в такой утопии люди просто не выживут. Человеку ведь что нужно? Интриги, скандалы, расследования. Кровища чтоб хлестала. Мордобой, трупы, маньяки. И король — ух! — я сжала кулак, потрясла им перед носом бледного бородача, — Тиран! Чтобы каждый день кого-нибудь на виселицу. А у вас... Вот если бы ни разбойники...

Мой запал ещё не кончился, но говорить уже не хотелось. Хотелось плакать, причём не тихонечко, а так, чтобы все услышали: и разбойники, и архиепископ, и торговец с горанцами.

— М — мы... не разбойники, — выдавил бородач. Он сделал последний шаг назад, запутался в еловых ветках и громко плюхнулся на пятую точку.

— Да? — спросила грустно, разочарованно.

— М — мы... мирные. М — мы из деревни. Вон тама... — мужик неопределённо махнул рукой и снова замер каменным изваяньем.

О том, что случилось дальше, мне рассказывал Косарь...

Вроде бы я села рядом с бородачым, обняла его, начала сокрушаться — мол, как жаль, так хотелось с разбойниками повстречаться. С прежней грустью объяснила, что вопрос «Кошелёк или жизнь?» для лесного грабежа совсем не подходит, а вот в тёмной уличной подворотне — самое оно. Долго рассказывала о способах пыток, пояснив, что встреченный путник может знать, где зарыт клад, поэтому пытать нужно всенепременнейше. Следом перешли к способам казней... и я заставила бородача три раза нарисовать на земле устройство гильотины. Проверяла — запомнил ли.

Потом кто-то из «разбойников» догадался сбегать в деревню и притащить еды — «на откуп». Среди принесённых даров я заметила бутылку самогона (с десяти метров рассмотрела!), потребовала немедленно налить. Пить с кем-либо кроме бородача категорически отказалась.

Поддавшись на коллективную просьбу, мы переместились на обочину. После первого глотка «адской жидкости» (Косарь так и сказал), я вспомнила, что нас пытались ограбить, начала утешать бородачю — мол, взять с нас всё равно нечего, не расстраивайся! В доказательство, порылась в заплечном мешке, достала пакет с Любкиным платьем, которое так и не постирала. Высушить — тоже не высушила, так что несчастные ремвидцы познали все прелести газовой атаки.

Кстати, после этого я поведала бородачу и о газовом оружии тоже. И презентовала вонючее платье, чтобы разбойник смог поразмышлять на досуге о прелестях такого метода обезвреживания противника.

Пока мы, вдвоём, уговаривали бутылку самогона, «разбойники» убрали поваленную ёлку, успели рассказать Косарю и Креатину как по этой дороге добраться до столицы. Поведали, что грабить пошли от нужды и, в большей степени, из интереса — ведь сейчас война, весь разбой можно на горанцев списать и наказания не бояться. Обсудили ситуацию в стране, политику нынешнего правительства, способы посадки репы, одомашнивания лесных пчёл, избавления огородов от дождевых червей. Методы борьбы со шkodливым домовым, задабривание лешего и русалок — тоже.

Когда бородач сумел выбраться из моих цепких рук — смеркалось. Я без посторонней помощи запрыгнула в седло и с места пустила кобылу в галоп. Догнали меня только через час, уже на тракте. Останавливаться на ночную стоянку я категорически отказывалась. Пока меня уламывали, узнали много новых бранных слов, причём с пояснениями. Я сокрушалась, что иначе парни не смогут понять и «заценить», как именно их оскорбили и «воспитательного эффекта» не будет.

К полуночи мы добрались до постоянного двора, на пороге которого я подняла глаза к небу, восхитилась звёздами и рассказала товарищам о существовании инопланетян. И только после этого, со словами «есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе» упала в беспамятстве.

...Косарь поведал мне эту историю не сразу — следующие два дня, ни он, ни Креатин, со мной не разговаривали вообще.

Мне хотелось провалиться со стыда, но земля под ногами разверзаться не желала. Видимо, даже ей я была противна. Немного успокаивал тот факт, что с «разбойниками» мы больше никогда не увидимся, и их зарок — никогда, никого не грабить.

А ещё то, что в ходе беседы с бородачом, выяснила, куда мы направляемся на самом деле. Это был единственный момент, который я помнила совершенно ясно. Невзирая на истерику и алкоголь.

После выхода на тракт, пейзаж, наконец, стал разнообразнее. Ключки леса снова чередовались с лугами и полями, а вдалеке, изредка можно было различить отблески моря. Правда Косарь в таких случаях становился грустным и неразговорчивым, а я всякий раз чувствовала себя виноватой — выдернула парня из родной деревни, как морковку с грядки...

Следующие три дня мы ночевали на постоянных дворах и ели от пуза. Креатин, у которого обнаружился довольно увесистый кошелёк, щедро делился. Я даже начала забывать о его истинной сущности и подумывать — как бы переманить юнца на свою сторону?

Единственное на что мне ни разу не хватило наглости, так это заказать за его счёт ванну. Приходилось довольствоваться умыванием у колодцев, а ноги мыть в ручьях. С одной стороны — здорово, лицо заметно посвежело, даже комариные укусы сошли. С другой, холодная вода категорически не желала смывать лошадиный пот, который буквально въедался в голые ноги — я же всю дорогу в юбке ехала.

Кстати о юбке... Ремвидцы не обращали на мою одежду никакого внимания. Будто так и надо, будто все женщины страны ходят в столь экстравагантной одежде.

С четвёртой ночёвкой не повезло — снова оказались в лесу. Благо, в этот раз, хоть едой запаслись, заячью капусту жевать не придётся. Косарь соорудил небольшой костерок, принёс несколько охапок лапника. Не успев заикнуться о совместной лежанке, получил

испепеляющий взгляд и с сожалением разделил добычу на две части. Мне стало немного жаль — ведь Косарю придётся спать без одеяла, их только два, но рисковать второй раз не хотелось. Даже если мой деревенский поклонник поклянется не распускать руки...

Под тихое потрескивание костра, мы проглотили ужин и я, наконец, решилась на разговор, по которому давным — давно чесался язык:

— Креатин...

— А? — парень поднял на меня удивлённые глаза, насторожился.

— Ты ведь из Ремвида, верно? — в том, что Креатин — горанец, я не сомневалась, но смущать юношу нельзя. По крайней мере сейчас.

Он кивнул, но напряженность во взгляде осталась. А я продолжала:

— Ты ведь уже понял — я необычная девушка.

Снова кивок и чуть дрогнувший голосок:

— Ты колдунья.

— Да, всё верно, Креатин. — Я вздохнула, сжала кулаки: только бы маг не стал врать! — В деревне Косаря о колдунах знают мало. Фактически — ничего. Я пытаюсь понять принцип этого колдовства, но данных не хватает... Может быть ты...

— Хочешь, чтобы я рассказал? — удивился Креатин. В его взгляде мелькнул огонёк — гордость.

— Очень хочу. Всё, что тебе известно.

— Ну...

Креатин задумался. Я сильнее стиснула кулаки, поняла — именно сейчас наш спутник решает: сказать правду, или оправдать репутацию магов, о которой я уже слышана. Чёрт, надеюсь он понимает — пока не найду нужную дверь, большого вреда от этой информации не будет.

— В общем, дело было так...

Триста лет назад, один очень талантливый маг, нарушил один очень важный запрет. Не знаю какой именно, но преступление совершил — ужаснее не бывает. Причём сделал это осознанно. Маг знал, ему не избежать расплаты, только умирать совсем не хотелось. И тогда он придумал волшебный замок, врезал его в самую обычную дверь и ушёл в другой мир, в твой мир. Отпереть ту дверь или повторить технологию — никто не смог. Мы... э... вернее, маги до сих пор не знают, как он вообще это сумел. Чертежи, заклинания — всё унёс с собой. Это подлинная история, самые достоверные данные. А вот остальное...

Остальное, во многом — допущение, но есть все основания считать, что так, в действительности, и было.

— Что «остальное»? — не выдержала я.

Смерив хитрым взглядом и меня, и удивлённого Косаря, Креатин продолжил:

— Тот, первый, замок, он делал впопыхах и вложил в него только две функции — непосредственно проход, и знание языка мира, в который попадаешь.

Оказавшись в твоём мире, маг попытался усовершенствовать своё изобретение, но ничего не вышло — он оказался отрезан от источника магии, а без неё подобная работа невозможна. Тогда, маг вернулся. Ему удалось избежать плена, спрятаться на задворках Горанга и сделать новый замок.

Опять сбежал, но в этот раз по — умному — у него остался безопасный доступ в наш мир, никто не знал где спрятано новое убежище. Когда требовалось обратиться к магии, он приходил к нам, остальное время жил у вас. Но, в итоге, его всё-таки отследили.

— Как?

— Очень просто, — хмыкнул Креатин. — Достаточно взять вещь, которая долго принадлежала человеку и... искать. Грубо говоря — всматриваться магическим зрением в карту мира. Если бы тот маг жил в нашем мире постоянно, его бы засекли гораздо раньше.

Короче... убежище вычислили, поставили засаду, но маг в нём больше не появлялся.

Чтобы обезопасить себя, он создал множество дверей и каждый раз появлялся в разных частях нашего мира. Больше всего ему нравился Ремвид: наши страны издревле воюют, ловить мага в Ремвиде — себе дороже.

Юный маг затих.

— Что дальше-то было? — спросила я.

— А это, собственно, всё, — заявил Креатин, но я сдаваться не собиралась.

— Погоди. Он сотворил множество дверей. Здесь, в вашем мире, расположить дверь можно где угодно, но в моём всё несколько... — я осеклась. А ведь действительно... в моём мире тоже полно места. Он мог построить себе избушку в дремучей тайге, сделать тысячу дверей и снова туда — сюда хоть до посинения. Но ведь я пришла в этот мир через дверь в городской квартире...

Выслушав мои соображения, Креатин сказал:

— Вначале он действительно жил в какой-то глуши. После перебрался поближе к людям. Он немного не в себе был, понимаешь?

— Я понимаю, что понятие «не в себе» очень расплывчато, «степень маразма» бывает разной. И вообще... как говорил чеширский кот, все мы немного не в своём уме.

Креатин махнул рукой, пробормотал — мол, не знаю никакого кота, однако быстро смягчился:

— Когда двести лет сидишь в глуши, это какая «степень маразма»?

Ага... мы подбираемся к ответу на ещё один вопрос.

— Он не смог улучшить этот замок, — сказал Креатин. — И попытался просто жить. Перебрался поближе к людям, начал изучать ваш мир, путешествовать. Под конец жизни, а умер он примерно полвека назад, совсем расшалился. Это узнали благодаря одному человеку... из твоего мира.

Человек купил замок, сам врезал в дверь, ну а потом, когда начал пробовать все комплекты ключей... Сама понимаешь. Человек вернулся в лавку, где продали замок, стал вынюхивать. Как выяснилось, в этой лавке периодически появлялся старичок, который покупал замки, а через несколько дней возвращал, под разными предлогами.

Кстати, тот замок был настроен на дверь в одном из чуланов дворца магов Горанга... вот так м... маги и узнали. Думаю, этот проход был изощрённой шуткой старика.

К тому моменту, двери установленные двести лет назад — исчезли. Новые тоже постепенно начали исчезать. Говорят, дело в том, что люди вашего мира порой меняют замки.

— И сами двери тоже меняют, — грустно усмехнулась я, вспомнив стальную красавицу, сменившую мою старенькую, обшитую дерматином дверцу. — Именно поэтому дверей становится меньше?

— Да. Но в Ремвиде ещё и архиепископ постарался.

— Погоди... Ты говоришь так, будто в Горанге...

— Конечно. В Горанге есть двери. Но их тоже мало.

— А колдуны?

— Что? Они приходят и уходят.

В голове сразу закружился ворох вопросов. Хотелось узнать — были ли такие, что остались в этом мире навсегда, как влияет этот мир на нас, инородцев, есть ли «колдуны наоборот»... но Креатин уже зевал. Всё-таки, день в седле — испытание не из лёгких. Я решила задать только один, последний вопрос:

— А может быть... тот маг и не пытался усовершенствовать замок? Вдруг он занимался чем-то другим? Искал новые миры, например?

Юный горанец неожиданно встрепенулся:

— А что, это мысль!

Но обсуждение окончательно перебил Косарь, пригрозив кровавой расправой любому, кто помешает ему спать. Показалось, парень немного расстроен нашим взаимопониманием.

Эх, Косарь... знал бы, как я расстроена, что этот сопляк только притворяется другом. А информацию выдал, чтобы хоть немного войти в доверие...

Утром моя печаль касательно Креатина превратилась в чёрную тоску — я снова слышала «голоса».

— Ну? — спросил первый голос. В нём было столько власти, столько злобы, что душа немедленно юркнула в пятки. Причём не только у меня. Я ощутила волну заячьего страха, исходящую от Креатина.

— Мы едем окольным путём, — сообщил юноша.

— Я уже догадался. Я не мог связаться с тобой, почему?

После долгого молчания, Креатин признался стыдливо:

— Я с рассвета до заката в седле. Я устаю, как каторжник. Девчонка совсем меня загоняла.

— Вот как? — усмехнулся первый. — А я уж решил, что тебя раскусили...

— Нет! Ну что вы!

— Ладно, не трусь. Я видел, что ты движешься. Почему другим путём?

— Бабья блажь, — буркнул Креатин.

— Переубедить не пробовал?

Юный маг захлебнулся возмущением, обидой и грустью одновременно.

— Она... Она странная! — выпалил он, и сделал это до того громко, что у меня чуть мозг не взорвался. По крайней мере, именно так мне показалось. — Ты бы видел, что она творила...

— Что? — собеседник не принимал ужас мага всерьёз.

— Банду разбойников... до смерти перепугала. И нас с Косарем заодно.

— Чем же? — голос первого стал чуть спокойней, я различила толику любопытства.

— Она с ними... поговорила. А потом в одиночку выпила бутылку самогона.

Чёрт, ну зачем так врать? Мы вдвоём пили! Я и бородач! Хотя... может он действительно не пил, а только делал вид?

— Девка, которая пьёт самогон? — могу поклясться — брови первого взлетели вверх, как перепуганные птицы. — Так может мы не зря за ней гоняемся?

Чувства исходившие от Креатина я различить не смогла, а голос юного горанца прозвучал печально:

— Мы, — и это слово юноша подчеркнул, — не зря. А вот он...

— Что ты несёшь, мальчишка?! Нам-то она зачем?

— Она необычная. Вчера... рассказал о волшебных замках...

— Что?! — собеседник Креатина взревел, как раненый Кинг Конг. Меня накрыла лавина гнева, следом — огонь испепеляющей ярости. Боюсь, если бы первый был сейчас рядом, от Креатина даже мокрого места не осталось.

Мой информатор поник, но так и не понял, в чём именно прокололся. Я, сказать по правде, тоже не поняла.

— Креатин, если тебе выпадет шанс погибнуть в дороге — погибни. Это не угроза, а дружеский совет.

В том, что первый не врёт, не усомнилась ни на секунду. Моя душа мелко задрожала, но бежать уже некуда — и так в пятках. Креатин продублировал мои ощущения.

— Значит так, — скомандовал первый холодно. — Едешь с ними, никаких разговоров о магии не ведёшь. Для верности, можешь язык себе откусить. Мы сейчас мчимся по параллельной дороге, по главному тракту. Я тебя отслеживаю. Встретим на подступах к столице, возможно — раньше. Как только отряд перехватит Настю, ты свободен. Отправляешься в Горанг и сидишь там ниже травы. Если выполнишь поручение главнокомандующего, он за тебя вступится.

— Думаешь?

— Уверен. К тому же... к тому же судьба девчонки предрешена. Она даже слова не вякнет.

— Ты не понимаешь... — вздохнул Креатин.

— Я понимаю побольше тебя, — рявкнул первый. — Следуй за ней, это всё, что от тебя требуется! Понял?

— Понял...

Да, я тоже поняла, и даже не обиделась. Жаль только — вопросы мои так и останутся без ответа. Эх...

Мы покинули Вешенку одиннадцать дней назад, а мне казалось — прошла вечность. И эта вечность, по — прежнему, не сулила ничего хорошего и, будто из решета, сыпала загадками.

Вот архиепископ Ремвида, например. Почему он отменил приказ казнить всех колдунов на месте? Зачем ему нужны живые иномирцы? Для опытов?

А горанцы? С какой это стати горанцы охотятся за моей скромной персоной? Причём понадобилась я не абы кому, главнокомандующему!

Теперь ещё Креатин масла в огонь подливает. Главнокомандующему я, видите ли, не пригожусь, а вот горанским магам — вполне. С какого перепуга, спрашивается?

И Косарь... со своими вздохами. Чёрт, ну что он во мне нашел? Видит же: я ни капли не похожа на девушек его мира, а значит, проблем со мной будет тьма — тьмушая.

Допустим, действительно выйду за него, и что дальше? Я же помру почти сразу! Если не от скуки, то от работы — поди, попробуй, с утра до ночи в огороде корячиться, со скотиной возиться и у печи стоять. А рожать тут как? Да и характер у меня... Это в своём мире я почти ангел, а в сравнении со здешними женщинами — строптивая дьяволица.

Ещё колечко это... волшебное. Кто его подсунул? Труп? Боюсь, даже в мире магии такое невозможно. А это означает, что за мной может «присматривать» ещё одна сторона.

И как, спрашивается, теперь жить?

А хуже всего то, что мой «гениальный» план спасения имеет очень серьёзный недостаток... Вот доберусь до крепости у залива, спрячусь, а дальше-то что? Для горанцев эта крепость — запретная зона, они туда не сунутся. Почему — не понимаю, но что-то подсказывает — этот запрет, рано или поздно, спадёт. Захватив Ремвид, новое правительство непременно решит разделаться с опасным объектом. Мне придётся либо погибнуть в процессе штурма, либо бежать.

Бегать от них бессмысленно, хотя... горанцы отслеживают не меня, а Креатина. Значит, если парня рядом не будет, я — свободна. Вот только... сам Креатин как на нас вышел? В случайную встречу с Косарем даже ребёнок не поверит. Ладно, с этим разберусь позже.

Допустим, мне удастся избавиться от Креатина и удрать. Но что делать дальше? Возвращаться в Вешенку и жить по — партизански? Я никогда на это не соглашусь.

Выходит, мне нужно сделать так, чтобы горанцы не взяли крепость, но для этого... для этого нужно, чтобы завоеватели проиграли всю войну.

Настя против армии, усиленной магами... смешно. И всё-таки допустим! Допустим, горанцы проигрывают, убирают свои грязные ручки от крепости. Но в этом случае, я оказываюсь во власти правителей Ремвида. Меня отдадут архиепископу и всё, спета песенка.

Третий вариант: забыть о крепости и метнуться к столичной колдунье — неосуществим в принципе. Можно загнать вороную и ещё пару лошадок, но в столицу всё равно не успею. Если и успею, с лёгкостью могу оказаться в лапах всё того же архиепископа, так и не повидавшись с колдуньей.

Чёрт! Ну почему любое действие — попытка променять шило на мыло?

Ведь должен быть нормальный способ вернуться домой! Должен!!!

Небо было пасмурным и печальным. Тяжелое покрывало туч надёжно спрятало солнце. Правда, жару никто не отменял, наоборот — к обычному зною добавилась влажность, я

чувствовала себя овощем, запертым в пароварке.

Пот крупными каплями катился по спине, блузка плотно прилипла к телу. Вытирать лоб приходилось каждые три минуты. Ноги скользили в сапогах, я с грустью вспоминала о существовании сандалий и шлёпанцев. Там, где оголённые ноги соприкасались с боками кобылы, кожа покрылась пятнами и жутко зудела.

Косарь переносил такую погоду гораздо легче, а вот Креатин хлюпал носом и вслух проклинал жару, дорогу и свою несчастную долю.

Когда вдали показалось озеро, мы с Креатином, не сговариваясь, свернули с тракта. В спину прилетело досадливое напоминание, что мы вообще-то спешим, однако всерьёз отговаривать вешенец не стал.

Озеро оказалось круглым, как блюдец, и удивительно чистым. Впрочем, удивило это только меня — местные жители понятия не имеют о дымящих заводах и плохой экологии.

За прошедшие дни я стала мало отличима от бродяги, ещё немного — вши заведутся. Одежда покрылась толстым слоем пыли и пота. Причём не уверена, что пот вороной пахнет меньше, чем мой собственный.

Я не стала краснеть и мяться, просто попросила спутников отвернуться, разделась до белья и нырнула в воду. Креатин избавился только от рубахи, под которой обнаружилось худосочное бледное тельце. За дни путешествия, лицо мага загорело и сильно контрастировало. Глянув на него, Косарь глумливо хмыкнул.

Сам занялся лошадьми — гривастые проявляли к воде не меньший интерес. Вешенцу пришлось отвести их на несколько десятков метров и искупаться с каждой поочерёдно.

Мне отчаянно хотелось воспользоваться случаем и поговорить с Креатином, но подслушанный разговор пробудил совесть. Не хочу, чтобы мальчишка пострадал, несмотря на то, что он враг. Как бы то ни было, он всё-таки спас Косаря, да и в дороге помогал... К тому же, новые знания ничего не изменят, из этой западни нет выхода.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хочешь? — спросил Креатин, выдернув из раздумий. На ладони мага лежал серый кирпичик. — Это мыло.

Мыло! Почему от меня столько времени скрывали, что в этом мире есть мыло?! Я одиннадцать дней о нём мечтаю!

Мой восторженный взгляд не остался без внимания. И воодушевлённый Креатин добил окончательно:

— У меня ещё шампунь есть...

Чёрт, да я просто обожаю этот мир!

Через полчаса я была чиста и прекрасна. У Креатина даже расчёска нашлась и флакончик с настоем душистых трав, заменяющих духи. Впечатление только одежда портила — стирать бессмысленно, переодеться всё равно не во что.

— Чувствую себя человеком, — с улыбкой сообщила я.

Маг всерьёз удивился:

— А раньше кем чувствовала?

Вот так всегда. Одно неуместное слово способно испортить самое хорошее настроение.

— Загнанной мышью. — И добавила: — Сейчас я всё та же мышь, но чистая и за запахом пота можно различить аромат благовоний.

— Тебе не нравится наш мир? — В этот момент передо мной стоял не враг, а обычный мальчишка. Очень молодой и очень наивный. И удивлялся он искренне.

— Не нравится. Я не понимаю, что творится вокруг. Я не понимаю, почему за мной гоняется такая тьма народа, что им от меня нужно. Я не знаю, чего ждать, на что надеяться и как отсюда выбраться.

Юноша глянул странно, спросил:

— А дома лучше?

В сердце кольнула горькая обида. Тут же вспомнился недавний сон. Правдив он или нет — не знаю, но разговор мамы и Натки казался реальней, чем всё, что случилось со мной здесь. Голос дрогнул.

— Дома, по крайней мере, знаю, за что наказывают.

— Ясно, — Креатин кивнул, отвёл взгляд. И уже отойдя на пару метров, оглянулся и спросил: — А если здесь...

— Ты посвящён в планы архиепископа Ремвида? — перебила я.

Маг помотал головой.

— Так может быть... тебе известно, почему за мной гонится отряд горанцев?

В глазах Креатина вспыхнул страх, он снова помотал головой. На мгновение показалось — всё-таки скажет, расколется. Ведь юности свойственно не только ошибаться, но и сострадать.

— Вот видишь, — прошептала я.

Чёрт! Ну почему не могу взять его за грудки и вытрясти правду? Почему я должна мучиться догадками, изводиться и плакать?

Нет, ничему меня жизнь не учит! Как была мямлей, так мямлей и останусь. Может быть, поэтому я в такой глубокой... дыре? Другая на моём месте давно бы подцепила какого-нибудь принца, встала с мечом на защиту Ремвида, облапошила архиепископа, а я... Буратино. Говорящая деревяшка с волшебным ключом в кармане.

Словно подслушав мои мысли, злобный, чужой мир сжалился и подарил ещё одну передышку — много после полудня, мы въехали в большое село. Короткий разговор с трактирщиком, обрадовал больше, чем вкусный обед, за который традиционно платил Креатин — до крепости всего полдня пути.

Что ж, осталось сделать последний рывок и мы в безопасности. Мои спутники были по — прежнему уверены, что едем в столицу, поэтому радовалась в одиночестве, ловя недоумённые взгляды. Видимо, «смех без причины» и здесь является признаком неадекватности.

Здравый смысл подсказал — в крепость лучше придти утром, ночью все приличные люди спят и нас могут просто не пустить. Но тот же здравый смысл нашептывал, что времени не так много, а оказаться в лапах горанцев, когда до крепости всего ничего, крайне обидно. Впрочем, с моим везеньем, я могу оказаться в стане врага раньше, чем чихну.

После обеда Креатин слёзно попросил десять минут свободного времени и удрал, чтобы по возвращении вручить мне свёрток.

— Подарок, — гордо провозгласил маг. Только во взгляде мелькнуло сочувствие, с которым глядел на меня всю дорогу от озера.

Тяжело вздохнув, развернула свёрток и обнаружила лёгкое синее платье местного покроя. Конечно, девушку из эпохи «Космополитен» таким не удивишь, но мне было до чёртиков приятно. Даже слёзы на глаза навернулись.

— Прости меня, — прошептал Креатин. — Меня и наш мир.

После этих слов, слёзы хлынули ручьём, а жизнь показалась не такой мрачной.

Чёрт! Всё-таки нам, девчонкам, для счастья нужно совсем немного! Доброе слово и новое платьишко. Почему мужчины этого не понимают?

Тучи, набежавшие с утра, даже не думали убираться восвояси. С лёгким пренебрежением игнорировали внезапно поднявшийся ветер и откровенно плевали на недовольное бурчание людей, которые надеялись, что к ночи небо вновь станет ясным, а парилка, наконец, закончится.

Косарь деловито озвучил очевидное:

— Гроза будет...

— Скорей бы, — в тон подхватила я.

На меня уставились две пары выпученных глаз.

— Молчи! Накликаешь! — выпалил Косарь. — А нам, как понимаю, постоянного двора не встретится, ночевать придётся в лесу! Знаешь, какого это, в грозу? Когда ветер деревья валит!

Я не ответила, уставилась вперёд. Мы как раз выехали из объятий очередного леса, впереди распростёрлось широкое, пару километров в диаметре, плато. Вдалеке, ровная земля обрывом уходила в море. В наступивших сумерках, под небом, укрытым плотным одеялом туч, море казалось мрачным, почти чёрным.

Крепость высилась на самом краю. Казалось, достаточно одной хорошей волны, чтобы обрушить её в воду.

— Эй, Настя, не зевай! — позвал Косарь. Тракт поворачивал на северо — восток, к столице, далеко обходил крепостные стены. Спутники уже развернули лошадей и не слишком радовались моей заминке.

Язык чесался соврать. Сказать, мол, мы только переночуем в крепости и дальше поедем. Но сказала правду — в конце концов, Креатин уже не сможет помешать нашим планам. Даже если сообщит своим, что пункт назначения поменялся, горанский отряд уже не настигнет.

— Настя, ты с ума сошла?!

Крик возмущения принадлежал не магу, а вешенскому верзиле.

— Вовсе нет, — ответила я, направив ворону к крепости.

— Да кто нас туда пустит?!

— Кто, кто... Турук Макто. Кто ворота откроет, тот и пустит, — буркнула в ответ.

Нервное хихиканье за спиной навело на мысль, что не всё так гладко, как я себе представляю. Я не стала останавливать лошадку, а когда Косарь и Креатин нагнали, сказала мрачно:

— Были времена, когда мой мир был так же чист и наивен, как ваш. В случае войны, всё мирное население пряталось в замках и вот таких крепостях. Разве у вас по — другому?

Косарь перестал хихикать, голос прозвучал серьёзно:

— Всё так.

— И в чём проблема? — менторским тоном продолжила я. — Горанг напал на Ремвид. Мы — мирное население и нам нужна защита. Они обязаны её предоставить.

— Но горанцы не вредят мирному населению, — встрял Креатин. Для парня, планы которого только что рухнули, он держался очень достойно.

— А мы не верим. Мы всё равно боимся горанцев. К тому же... я беременна.

— Беременна?! — хором выдали парни.

— Ну да. От Косаря, — я озорно подмигнула вешенцу. Но тому потребовалась ещё пара

минут, чтобы осознать новую деталь нашей легенды. После, деревенский верзила расправил плечи и выпятил грудь, только яркий румянец выдавал его смущение. — Беременную женщину точно не прогонят.

В крепости тем временем загорались огни. На макушке несколько больших, ярких — видимо, крепость служила ещё и маяком. Остальные — мелкие и тусклые, в окнах и на вершине внешней стены.

Чем ближе подъезжали, тем сильнее было разочарование. Увы, строение оказалось не таким основательным, каким казалось издалека. Круглая, высокая башенка, похожая на шахматную ладью, отгороженная ещё одной стеной — внешней. Эта была гораздо ниже, и если бы не угрожающие зубцы, не слишком отличалась от добротного дачного забора. В диаметре башня составляла не более двадцати метров, между ней и «забором» ещё с десяток. Высота строения восторгов тоже не вызывала — с четырёхэтажный дом.

«Ну и почему горанцы боятся этой каменной хибары?» — усмехнулась я мысленно. В поисках ответа скосила взгляд на Креатина. Юноша был спокоен как танк. Чёрт, а может он просто не знает, что соваться в эту крепость запрещено?

...Мы не рассчитывали на радушный приём и морально готовились к любому ответу, кроме этого:

— Война? Какая ещё война?

Толстощёкий страж расхохотался и захлопнул смотровое окошко ворот.

— Как какая? — ошарашено выдохнула я.

А Косарь крикнул громко:

— На нас Горанг напал! Открывайте!

— Горанг? — от хохота стражника массивные ворота чуть подрагивали. Или мне показалось?

— Горанг! — подтвердил Косарь. — Неделю тому! Высадились на западном берегу, а теперь скачут к столице.

Новый приступ хохота заставил нас отшатнуться.

— Да эти трусливые собаки на севере сидят! Всё не решаются перейти горный хребет! — докатилось с той стороны ворот.

Косарь побледнел, я побагровела, а Креатин выглядел оскорблённым до глубины души.

— Открой! — громыхнул Косарь. Подступил к воротам и обрушил кулачище на тёмные доски. Не дождавшись реакции, вешенский верзила принялся барабанить в ворота, что было сил.

— А ну пши отсюда! Пока я не вышел! — голос стража утратил веселье, звучал грозно, но совсем не страшно.

— А ты выйди! — прорычал Косарь, снова осыпая дверь ударами.

И ничего. Тишина. Только нарастающий ветер воет.

— Они что, идиоты? — спросила я тихо. — На налогоплательщиков бросаться...

— Идиоты? — проорал страж. И как только расслышал... — Это кто там тьякает?!

Коротко прогудел рог, через минуту ворота распахнулись. В проёме стояли трое массивных мужиков с копьями и взирали на нас, как на вшей. Я уловила лёгкий запах алкоголя.

Мда... Если крепости охраняет пьяное пузатое быдло, эта страна обречена...

— Чего?! Чего ты сказала?! — проорал толстощёкий.

Ой. Это было вслух?

— Не ори на мою жену, — выступил Косарь.

А после всё было как в кино. Страшном кино, которое снимают на основе реальных событий.

Упитанные мужики резко вспомнили, что они — не абы кто, а элита местного общества, и селяне, по идее, должны их уважать. Резко подтянули животы, перевернули копыя безопасной стороной и пошли на Косаря.

Первый ударил в живот, Косарь согнулся. Второй стукнул в коленную чашечку, заставив вешенца повалиться на землю. Третий ударил некрасиво — замахнулся копьём, как обычной палкой, вытянул Косаря поперёк спины. Всё действие заняло пару секунд. Тут же, не бросая копий, подлетели и начали молотить ногами. Толстощёкий бил прицельно, по почкам.

Я взвыла сиреной, бросилась на спину ближайшего воина. От моего крика разом заржали все три лошадки, попятились. Меня швырнуло на землю секунды через три. Инстинкт самосохранения заставил тут же перекатиться, благодаря чему спаслась от доброго тычка древком в живот.

Глядя на нас, худосочный Креатин отпустил повод своей лошади и ринулся помогать Косарю. Не знаю, что он сделал, но толстощёкий взвыл, бросил Косаря и вцепился в мага, начал трепать, как куклу.

Деревенский верзила нашел в себе силы подняться, замахнулся, но третий воин легко избежал удара. Косарь, по инерции, пробежал пару метров и свалился от мастерской подножки.

Меня с земли наоборот подняли. За волосы. И со словами «мерзкая бабёнка», попытались припечатать коленом в солнечное сплетение. Увы, вернуться не удалось. Но прежде чем лишилась способности дышать, сорвала с воинского пояса рожок. В обнимку с трофеем повалилась на землю, выпучив глаза и разевая рот, как выброшенная на берег рыба. На задворках сознания маячила неуместная мысль: капец новому платью, придётся снова в прабабкину юбку переодеваться. Зато теперь меня оставили в покое — мой мучитель побежал добивать Косаря.

Откуда взялись силы и, главное, дыхание, чтобы затрубить — я не знаю. Но заткнуть меня не смогли до тех пор, пока в воротах крепости не появилась дюжина растрёпанных воинов во главе с худым, плешивым мужиком. От света факелов в глазах зарябило.

— Прекратить! — гаркнул плешивый, перекрыв голосом не только шум драки, но и спасительный рожок.

Бить перестали.

Чьи-то руки вздёрнули меня вверх. Рядом, тем же способом, поднялся Косарь. Креатин до последнего сопротивлялся протянутым к нему граблям, но тоже оказался пред светлы очи коменданта.

— Что. Здесь. Происходит?! — рывкнул тот, вперив злющий взгляд поочерёдно в меня, Креатина и Косаря.

— Война, — голос Косаря прозвучал хрипло.

Комендант внимания не обратил.

— Какого... вы, ... селяне, напали на моих воинов?! — и, повернувшись ко мне, издевательски добавил: — Извините, леди.

Последовало торопливое, хмурое объяснение толстощёкого, в котором мы выступали отпетыми хулиганами и прочими... многоточиями. К пущей ярости нашей преступной группы, воин не докладывал, он откровенно жаловался. И потирал руки, предвкушая скорую

расправу.

Мне отчаянно хотелось рассказать этой горстке подвыпивших бандитов, с какого-то перепугу названных воинами Ремвида, в каком месте и в каких позах я их видала, но я нашла в себе силы прикусить язык.

— Война, — повторил Косарь обречённо.

Его опять не услышали. Горстка воинов гудела, возмущалась нашему вероломству и безалаберности. Они тут, дескать, кровь за народ проливают, а этот народ слова доброго не стоит.

Когда комендант всё-таки изволил нас выслушать, Косарь говорить не мог. Стоял краснее пролетарского знамени и задыхался от обиды и возмущения. Креатин тоже молчал, его заметно мутило. А я... А меня никто не спрашивал — баба, что с неё возьмёшь. И всё-таки я сказала:

— Неделю назад Горанг напал на Ремвид. Мы просим убежища.

Сперва, мои слова спровоцировали нездоровую тишину. Плешивый комендант поднял бровь в деланном удивлении, после чего, явленный нашим очам гарнизон, грохнул от смеха.

— Девочка, — выдавил комендант, — какая война? Ну какая война?! Ты что, мухоморов объелась?

И тут меня осенило... В последнем селе мы ни слова о горанцах не слышали, ни тени беспокойства не видели. Люди обсуждали грядущий урожай пшеницы и какую-то стервозную бабу, которая недавно выволокла собственного мужа из трактира и задала прилюдную трёпку. Весть о горанцах ещё не достигла этих земель.

— Горанг напал на Ремвид, — дрогнув повторила я. — Мы просим убежища в вашей крепости.

Комендант перестал изображать сытого кота, в лапы которому угодили три придушенные мыши. Взгляд протрезвел.

— Откуда ты знаешь?

— Мы ехали по главному тракту. Мимо промчался гонец. Пытались остановить, расспросить — не вышло. Зато он остановился на ближайшем постоялом дворе, лошадь менял... Он вёз эту новость в столицу. Это было несколько дней назад.

— А тут вы как очутились?

— Свернули в сторону. Горанцы по главному тракту идут.

Комендант молчал, а я молилась.

— Не может быть, — сухо заключил он. — Уходите. И у моих ворот больше не появляйтесь.

Вторая словам коменданта, небо прорезала ветвистая молния, следом прокатился громовой раскат, от которого земля дрогнула. Гроза пощады не обещала.

Я отвела глаза, уставилась на море. Ветер будто шутя перекатывал волны, а те вздымались всё выше. Под беззвёздным небом, вода казалась чёрной, вязкой, словно дёготь. Вот она — последняя ночь моей свободы.

— Горанцы убьют нас.

Слова потонули в гробовом молчании.

Небо прорезала новая молния, на мгновенье осветила горизонт.

— Смотрите! — вскрикнула я.

Комендант обернулся, секунду всматривался в тёмную даль, наконец, спросил ядовито:

— Ну и что там?

— Корабли, — выдохнула я. — Корабли с чёрными парусами.

— С чёрными? — усмехнулся плешивый вояка.

Следующая молния озарила не только горизонт. Я успела увидеть кровоподтёки Косаря и Креатина, уродливые гримасы на лицах воинов, презрение на физиономии коменданта и... корабли.

Сколько их? Двадцать? Тридцать?

— ... — выпалил комендант. Его лицо вытянулось, рот замер в изумлении. — Пушки готовы!

Гарнизон разразился криками и бранью, запел рожок. Пихаясь и толкаясь, воины бросились в крепость. Снова блеснула молния, следом расхохотался гром. Мой крик пересилил даже его:

— А как же мы?

Рванувший к воротам комендант, замер и призывно махнул рукой. И уже на бегу, скомандовал толстощёкому:

— Беженцев селить в пустые казармы. Лошадей в конюшню. Съедем, если случится осада!

В этой суматохе, я упустила главное — маг Креатин сбежал.

Гроза бушевала до утра. Небо грохотало и плакало, море ревело, земля дрожала и стонала. Казалось, стены крепости с трудом сдерживают атаки стихии.

Едва погода уgomонилась, стала слышна раскатистая брань гарнизонного начальства — ни одно пушечное ядро так и не достигло цели. Двадцать горанских кораблей обогнули рифы, прошли едва ли не в десятке метров от крепости, направляясь вглубь залива. Бушующее море и штормовой ветер ничуть не смущали горанцев, не рвали паруса. Комендант догадался — корабли прикрывали маги, поминал тех последними словами. Когда поток ругани иссяк, солнце уже подбиралось к макушке неба.

Через несколько часов к крепости подъехал гонец, передал весть о нападении. Вслед за ним, к воротам потянулась вереница местных жителей. Я не увидела хозяина трактира, в котором обедали накануне, но заметила его жену. Значит, весть, наконец, достигла дальнего селенья.

Нас с Косарем разместили в маленькой казарменной комнате, предназначенной для мелких военных начальников. Вдвоём. Остальным повезло меньше — кого-то селили в общую подвальную комнату, кому-то пришлось ютиться во дворе, за первой стеной. В крошечную конюшню, где кроме комендантского коня и гарнизонной коровы, стояли две наши лошади, беженцы пытались уместить своих лошадей и коров. Комендант быстро пресёк эти попытки, что толку — места всё равно нет. Двор крепости тут же заполнился женским плачем, мычанием, ржанием и бляньем домашней скотины.

Всё это я видела в крошечное окно нашей комнаты. Покидать убежище никакого желания не было. К тому же, во вчерашней драке Косаря сильно помяли, я всю ночь не сомкнула глаз — сперва прикладывала охлаждающие компрессы и слушала его стоны, после просто сидела и переживала. У самой болели рёбра, а любое резкое движение отдавалось жжением в солнечном сплетении.

Подаренное Креатином платье было порвано в трёх местах и выпачкано похуже половой тряпки, которой мыли хлев. Выпросив у толстощекого ведро, я умудрилась-таки его постирать. Хотелось сохранить не столько платье, сколько память о доброте юного мага.

Креатин... При воспоминании о нём сердце щемило. Я чувствовала — юнец всё-таки не знал, что его начальство считает крепость опасной и даже предположить не могла почему сбежал. Но беспокоил меня не побег — его шанс на выживание. Лошадь от разгула стихии, наверняка, ошалела и сбросила неумелого наездника. А на своих двоих он бы даже до леса не дошёл. Впрочем, в лесу было не менее опасно, даже из крепости видно поваленные деревья. Что если мага задавило? Или ветром унесло? Он ведь хлипкий, легче пёрышка.

Чёрт, что же ты наделал, мальчишка? Хотел удрать — переждал бы грозу здесь, а с утра — в путь. Удерживать насильно никто бы ни стал. Даже я промолчала бы.

А может он сбежал, чтобы увести горанцев от крепости? Ведь без него выследить нас невозможно... Или возможно?

Отведённая нам каморка напоминала склеп. Крошечная — три на два метра, с единственным окном, больше похожим на щель. Из него открывался унылый вид на внутренний двор. Стены каменные, сложенные из массивных серых булыжников. От них веяло холодом в любую погоду. Вместо кроватей две узкие деревянные лавки, снабжённые, к счастью, соломенными тюфяками.

Но мне всё равно было комфортно — лучше так, чем в общей казарме среди местного населения. И несравнимо лучше, чем во дворе, под открытым небом. Если бы ни пробирающийся до костей холод, сочла бы каморку верхом уюта.

За ночь я всерьёз продрогла, к утру начала чихать. Несколько часов сна усугубили ситуацию. (Доставшееся от Креатина одеяло я пожертвовала Косарю, к его побоям только простуды не хватало!) Поэтому, как только Косарь начал подавать признаки жизни, а болезненные стоны перешли в сердитое сопение, помахала парню ручкой и пошла во двор, греться.

К тому времени толпа беженцев разрослась настолько, что заполонила половину двора. Ещё четверть занимала всевозможная живность. Защитники крепости проявляли лёгкие признаки озверения, но местное население плевать хотело.

Стараясь не мозолить глаза ни тем, ни другим, пробралась в дальний угол, где на большом узле спасаемого добра сидела немолодая, дородная женщина в нарядном платье. Кивнув беженке, села рядом и закрыла глаза, подставляя лицо жарким солнечным лучам. Стоящий вокруг гам бил по ушам, но удовольствия не портил. Вскоре оледенелые руки начали согреваться, я вновь почувствовала собственный нос, в пальцах ног появилось приятное покалывание. Нирвана кончилась, когда ощутила на себе очень пристальный, очень злобный взгляд.

Я медленно открыла глаза и обмерла. Напротив, в двух шагах, возвышалась худосочная фигура с серебряной бородой. Несмотря на отсутствие восточного халата и туфель с загнутыми носами, старик всё равно напоминал Хоттабыча.

Чтобы не закричать, закусила губу. Видать, выглядела в этот момент до того жалко, что злоба на лице торговца сменилась гаденькой улыбкой.

— И стоило убегать? — тихо поинтересовался он.

Сидевшая рядом со мной женщина вздрогнула. Глянула сперва на меня, потом на Хабыча, и посуровела, раздулась как грозовая туча, упёрла руки в бока.

Торговец смекнул в чём дело гораздо быстрее, затараторил улыбаясь:

— Дочка моя! Из дома сбежала, за ухажером — оборванцем. Неделю за ней гоняюсь. Уж и не чаял встретить.

Женщина мгновенно успокоилась, скосила на меня укоризненный взгляд. По её лицу читалось: «Прости, подруга, но это косяк. В таких делах я тебе не помощница.»

— Он врёт, — тут же осмелела я.

— Ну конечно! — воскликнул Хабыч. Подскочил, ухватил за руку, заставляя подняться. Хватка у торговца оказалась железной. — И только попробуй пискнуть, — прошипел он.

О том, что орать не стоит, я и сама догадалась. Вокруг слишком много народа, да ещё воины, которые хоть и вели себя мирно, вчерашней драки не забыли. Ещё один скандал станет поводом вышвырнуть нас с Косарем за ворота.

А Хабыч тем временем злобно шептал в ухо:

— Ах ты мерзавка! Мне из-за той лошади чуть руки не отрубили! Знаешь, сколько заплатить пришлось? Да ты, тварь неблагодарная, сапоги мне лизать будешь и полы языком мыть! Только выберемся отсюда, я тебе такое колдовство устрою — век Хабыча не забудешь!

— Полегче, — огрызнулась я, пытаюсь выдернуть руку.

— Что? Да как ты смеешь? Я из-за тебя...

— Пусти! — теперь я тоже рычала, но гораздо тише, чем торговец. — Да, я — воровка. А ты... ты грабитель и убийца! Думал, никто не узнает, как ты с Косарем поступил?

— Чего? — Хабыч оскалился. На лице даже тени раскаянья не возникло. — Поговори мне тут, поговори! Ничего не докажешь! А будешь клеветать, я тебя выдам. И всё это отребье, — старик повёл рукой, подчёркивая ужас угрозы, — услышав, про мешок золота, на кусочки тебя порвёт.

— Так мёртвой я и медяка не стою.

— Кроме тебя об этом никто не знает. Так что веди себя тихо и от меня больше ни на шаг! — рявкнул Хабыч. И добавил совсем другим, разочарованным голосом: — Как тебе не стыдно, Настя? Так оскорблять старого человека. Я из-за тебя по дорогам тряса, чуть рук не лишился, и всё из-за чего? Помочь хотел! Ведь мог градоначальнику тебя отдать, чтобы стражники в столицу отвезли. Да пожалел, на свою голову. Они ведь в клетку бы посадили, на хлеб и воду. Избили бы, надругались. А ты... Неблагодарная.

Я вспыхнула. В голове застучали отчаянные мысли: «Чёрт! Как я могла! Что натворила! Бедный старик! И всё из-за меня!»

Но прежде чем торговец заметил моё раскаянье, рядом прогремел голос Косаря:

— Девчонку отпустил. Быстро!

Торговец побледнел, через мгновенье затрясся перепуганным зайцем.

Я же наоборот — вышла из оцепенения и ужаснулась: этот человек пытался убить моего друга, а я взялась его жалеть. Чёрт, сколько раз нужно получить по голове, чтобы изжить привычку всегда и перед всеми извиняться?

Косарь шагнул к Хабычу. Желания здоровяка были прозрачны и естественны, но я удержала:

— Пойдём отсюда. Не хочу больше на эту рожу смотреть.

Следующий день прошел как в тумане. Косарь оклемался, а я всё-таки простудилась.

Меня знобило и лихорадило. Голова стала свинцовой, от боли в мышцах хотелось плакать. Косарь силком вливал в меня горячую воду, ибо ничего другого не было. С грустью гладил по голове и рассказывал какие-то глупости.

А я будто тонула. Глаза то и дело застилала болезненная дымка, вместо нашего склепа виделись то родная спальня, то кухня в родительской квартире, то пещера в Малых горах. Изредка меня засасывало в круговорот тяжелых, сюрреалистичных сновидений. Я отбивалась от Натки с Марией Петровной, ожесточённо спорила с мамой, и, почему-то, жалела блондинку.

В какой-то миг привиделся Рогор. Он упал передо мной на колени, зарыдал. После вскочил, обнял крепко — крепко, даже кости заболели. Пообещал, что никому меня не отдаст и будет ждать всю жизнь. Я плакала во сне, тянула руки и что-то говорила. Проснулась с ощущением, что побывала в Аду и снова вырубилась.

Косарь, сидевший рядом, бормотал какие-то проклятья в адрес коменданта и его жадности. Кажется, упоминал о лекарствах.

Проснулась я от странной тишины.

За два дня, проведённых в крепости, так привыкла к бесконечному гаму и крикам, доносящимся со двора, что сперва показалось — оглохла.

В узкое окно лился яркий солнечный свет, постель Косаря пустовала, а рядом с моей стояла большая кружка воды. Выпила её с похмельной жадностью. Собрав волю в кулак, заставила себя подняться и подойти к окну.

Беженцы не исчезли, они будто остолбенели. Женщины и дети жались к стенам. Чуть ближе стояли мужчины, вооруженные кто вилами, кто палками. На внешней стене кроме

обычного дозора, расположились воины немногочисленного гарнизона и селяне с охотничьими луками. Среди них различила знакомую спину — Косарь. Кто-то пожертвовал вешенцу лук и колчан.

Прямо под окном нашей каморки толпился согнанный скот. Живность молчала вынужденно — с завязанной мордой не помычишь, а со спутанными ногами — не потопаешь.

Подтверждая самую страшную догадку, вдалеке пропел рог. Звук был чист и красив, но люди в крепости вздрогнули, как от драконьего рёва.

Всё. Началось.

Я сменила прабабушкину юбку на подаренное Креатином платье, пятернёй расчесала волосы, и пошла вниз, во двор.

Меня по — прежнему шатало, ноги слушались плохо, лоб горел. Поэтому идти пришлось по стеночке. У выхода из крепости столкнулась с двумя воинами — наплевав на общую мобилизацию, ребята тащили из подвала какой-то ящик. Я одарила их презрительным взглядом и шагнула через порог.

Яркое солнце ослепило, ноздрей коснулся неприятный запах людской толпы, смешанный с животной вонью. Меня сразу же кто-то пихнул, едва не сбив с ног. Послышался недобрый шепот из которого узнала несколько специфических ремвидских ругательств. Что ж...

Вы правы, дорогие селяне. Я — глупая, неповоротливая бабёнка с куриным помётом вместо мозгов. А вы... Вы даже взгляда моего не стоите. За всё время, что я здесь, видела только троих порядочных ребят. Двое из которых — горанцы.

Косарь — был со мной с самого начала. Рогор — защитил от сестры. Креатин — извинился и подарил платье. И в память о них... В память о них, я предложу горанцам сделку — пусть забирают меня, но не трогают эту крепость. И себя пощадят, и вас.

Под аккомпанемент из гула приближающейся конницы и сдавленных всхлипов беженцев, выискала глазами лестницу, ведущую на крепостную стену. Но прежде, чем успела до неё добраться, снаружи снова протрубил рог и зычный голос возвестил:

— Воины Ремвида! Сдавайтесь!

Я ждала гневного рыка в ответ или насмешливых оскорблений в адрес горанцев, но комендант молчал, а его подопечные, кажется, боялись даже вздохнуть.

— Если вы признаете себя побеждёнными и присягнёте Горангу, никто не пострадает. Каждый из вас останется в прежней должности, на прежнем месте службы, — сообщил крикун.

— Кто может подтвердить твои слова? — отозвался комендант.

— Главнокомандующий армией Горанга, — прокричали в ответ.

Повисла долгая пауза. Там, за стеной, что-то происходило. Наконец, комендант приказал:

— Опустить луки! Открыть ворота!

У ворот стояло хорошо знакомое трио во главе с толстощёким. Прежде чем поднять засов, воин проморгался и дождался кивков от своих приятелей. Толпа беженцев по — прежнему безмолвствовала, только какая-то бурёнка умудрилась избавиться от перехватывавшей морду тряпки и жалобно замычала. Я оказалась примерно по центру жмущейся к стенам толпы, «в первом ряду».

Тяжелые створки ворот дрогнули, начали разъезжаться. Делегация горанцев не стала

протискиваться в щель, с достоинством дожидаясь, когда ворота распахнутся настежь, а воины вытянутся по струнке. Комендант спешно спускался со стены, но встретить новое начальство прямо на пороге не успел.

Под аккомпанемент рога в ворота вошёл Рогор.

Высокий, плечистый, с чёрными, как самая грешная ночь, глазами. Каскад тёмных волос падал на блестящий панцирь доспеха, ладонь покоилась на рукояти меча. Ступал Рогор мягко, будто сытый лев. Смотрел только вперёд.

Вслед за ним, гордым клином, вышагивали ещё четверо. Один из горанцев нёс знамя — белый орёл, распростёрший крылья в кроваво — красном небе.

«Так вот кто гонялся за мной по всему Ремвиду...» — с грустью подумала я. Все проблемы, все печали последних дней стали вдруг неважны. Сердце замерло, боясь поверить в счастье.

— Я хочу осмотреть крепость, — Рогор произнёс эти слова тихо, но голос услышали все.

Подоспевший комендант, с поклонами неприличными для военного человека, повёл главнокомандующего и его людей в башню.

— Какой красавчик, — тихо вздохнула какая-то девица. И царившую тишину прорвало.

Ремвидцы громко делились впечатлениями, спорили, что будет с этим краем теперь. Более осведомлённые — те, кто слышал об удивительном снисхождении завоевателей по отношению к местному населению — вздыхали громче всех, жалели об оставленных домах. Несколько дюжих парней, всерьёз мечтавших о драке, горестно молчали.

Я же стояла как громом пораженная и не знала куда бежать — к Косарю или на конюшню.

Чёрт! Всё закончилось! Какое счастье!

За воротами маячил конный отряд. Но горанцы даже не спешили — невозмутимо ждали своего вожака. Несмотря на недовольное шиканье родителей, несколько девиц сразу рванули туда, только подошвы сапог сверкнули.

Мне тоже хотелось выпорхнуть из крепости, расспросить жив ли Креатин, но организм внезапно вспомнил, что я, вообще-то, сильно простужена и всего несколько часов назад лежала в поту и бреду. Голова закружилась, ноги подогнулись. Кто-то сердобольный не позволил упасть, отвёл к стене, где я благополучно уселась на землю, надёжно спрятавшись за толпой кричащих беженцев.

Через четверть часа, голубой флаг Ремвида медленно сполз с башенного флагштока и его место занял кровавый орёл Горанга. А ещё через минуту, толпа замолкла.

«Рогор вышел,» — догадалась я.

Ноги не держали, но я нашла в себе силы подняться. Как раз в тот момент, когда все селяне, разом, поклонились главнокомандующему. Наши взгляды встретились.

— Вы зря искали защиты в крепости, — прежним, тихим, голосом сказал Рогор. Вот только смотрел при этом не на селян, на меня, и лицо его напоминало каменную маску. — Армия Горанга не трогает пахарей и рыбаков, не разоряет деревни и не насилует женщин. Вы можете расходиться по домам. Вреда вам никто не причинит.

Толпа не шелохнулась.

Всё правильно — сперва нужно дождаться, когда лев выйдет из клетки, а уж после мчаться самим. Иначе рискуешь перебежать дорогу этому хищнику и нажать очень опасного врага.

Рогор повернулся к распахнутым воротам и пошёл прочь.

Я замерла, превратилась в каменный барельеф. Сердце пропускало удар за ударом, ноги вросли в землю.

Неужели не узнал?

Он внезапно остановился, развернулся и пошёл ко мне, рассекая толпу, как атомный ледокол рассекает тонкий, речной ледок. Я приросла к стене и только очередной скачок температуры напомнил — я всё ещё жива.

Рогор остановился в шаге. Лицо спокойное, взгляд непроницаемый, ладонь безмятежно лежит на рукояти меча.

— Ты очень похожа на мою невесту, — тихо сказал Рогор. — Жаль, что ты — не она.

...Он никогда, ничего не обещал. Я тоже клятв не давала. Единственное, что нас связывало — его пневмония, дубовые иголки шприцов и антибиотики.

Так почему эти слова разорвали сердце в клочья?!

Я усмехнулась, ответила с равнодушием, достойным могильного камня:

— Бывает.

Рогор круто развернулся и ушёл не оглядываясь.

Всё. Баста. Кончилась наша сказочка.

Горанский отряд умчался стрелой.

Двор крепости опустел в считанные минуты: охающее стало людей и мычаще — ржащий довесок удирали со скоростью «Сапсана». Только мы с Косарем, как два идиота, сидели у стены и ошарашено молчали. Каждый о своём. К счастью, воины гарнизона были озадачены не меньше, поэтому нас не гнали.

Чёрт, так что же получается? Рогор — главнокомандующий армии Горанга. И он поднял на уши сотню воинов, мчался через полстраны, чтобы меня отшить? И после этого, кто-то ещё смеет утверждать, что глупость — удел женщин, а мужики — эталон благоразумия?!

Чёрт! Я даже проанализировать это не могу! Только подумаю — мозг на атомы распадается! А самое обидное в том, что я действительно дура! Возомнила себя пупом вселенной!

«Выйду за ворота, горанцы от штурма откажутся... — мысленно передразнила саму себя. — Ага, нужна я горанцам, как Деду Морозу прошлогодний снег.»

— Настя?

Я даже подпрыгнула от неожиданности. Выпалила злобно:

— Что?!

Незаслуженно обиженный Косарь потупился.

— Просто... Сидишь какая-то не такая... Грустная. Ты не рада, что всё закончилось?

— Рада.

— Что тогда?

— Анекдот вспомнился.

Что есть «анекдот» Косарь помнил по путешествиям в мой мир. Но всё равно уставился вопросительно.

— Почему Джо такой неуловимый? — отозвалась я. — Потому, что он на фиг никому не нужен.

Уловил ли Косарь аллегория, так и не узнала. Моё внимание привлёк вышедший из крепости Хабыч. А я-то думала — мы единственные «гражданские», кто остался здесь. Торговец с масляной улыбкой рассказывал о чём-то толстощёкому, тот глядел скептически и

важно.

Я набралась наглости окликнуть недавнего «помощника»:

— Эй, Хабыч!

Старик одарил быстрым взглядом, вжал голову в плечи. Но его спутник двинулся к нам, и торговцу пришлось тащиться следом.

— Слушай, Хабыч. А как столичная колдунья выглядит? — бесцветно спросила я.

Торговец побледнел и присел. Чёрт, наверно не стоило задавать этот вопрос при воине гарнизона.

Губы толстощёкого тронула улыбка, он презрительно покосился на Хабыча и неожиданно сказал:

— Необычная баба. Волосы такие... белые — белые. И губы — во! — на последних словах воин выкатил собственные губы, довольно похоже изобразил «силикон».

Меня удивило не описание, а осведомлённость гарнизонного вояки.

— А ты... вы откуда знаете? — пискнула я.

— Как откуда? Она ж три месяца тому приезжала.

— Сюда?

— Ну так, — подбоченился страж. Гордость вояки не знала границ. Кажется, от него снова веяло алкоголем.

— А зачём? — спросила я осторожно.

— Ящик привезла.

— Какой ящик?

Толстощёкий снова заулыбался, стал похож на довольную, раскормленную жабу. Выкладывать подробности он явно не собирался.

— Не знаете, — со вздохом заключила я.

Наверное, в этот момент даже Станиславский воскликнул бы «браво!». Вот и вояка уверовал в мою искренность.

— Кто не знает? Я не знаю? Да я тут! Я! Я второй человек после коменданта! Пойдём!

Меня схватили за руку и потащили в крепость. Я с замиранием сердца молилась, чтобы на нашем пути не встретился дурень, способный вразумить бравого военного.

У самого входа столкнулись с парой воинов. Я уже видела этих ребят, и их ношу, только... Только в прошлый раз не обратила внимания, что ящик этот выкрашен зелёной армейской краской, а сбоку проступает чёрное клеймо с циферками.

— Вот! — воскликнул толстощёкий. Скомандовал: — Ну-ка, поставь!

Ребята подчинились, правда косились на товарища как на психа. Тот барским движением отбросил скобы, распахнул ящик и заулыбался, глядя на моё потрясение.

Мама дорогая... Это же... Чёрт!

Каких сил стоило восхищённо вздохнуть и кокетливо выяснить, что в гарнизоне только один такой ящичек, знает только бог. Ещё труднее было объяснить Косарю, почему тот должен быстренько собрать наши вещички и оседлать лошадей, пока я продолжаю задабривать воина. Ну а удрать из крепости после получаса кокетливых разговоров... если бы ни подоспевший комендант, эта миссия была бы просто невыполнимой.

Да, теперь я знаю, почему за мою шкурку дают целый мешок золота. Но легче от этого не стало.

На первом же привале, Косарь вцепился в меня, как клещ. Большой, щетинистый и крайне агрессивный.

— Настя, ты можешь объяснить, в чём дело?!

— Могу, но тебе этого лучше не знать. Просто поверь.

— Поверь? Один раз я тебе уже поверил! Там, у Малых гор! И что вышло? Мы, как бешеные зайцы, доскакали до этой... крепости, получили по морде и попали прямо в лапы горанцев! Спасибо богам, что у Рогора совесть проснулась! А ведь мог...

— Что? Что мог?

Вешенский верзила замялся. Он так и не узнал, что отряд Рогора преследовал именно нас и горанцев опасался так, на всякий случай.

Косарь мотнул головой, рыкнул:

— Ты от разговора не увиливай!

— Я не увиливаю. Но мой предыдущий план, как видишь, вреда не принёс.

Сама я в эти слова не верила, только пробудившееся упрямство заставляло стоять на своём.

— А это? — пробухтел Косарь, указывая на ссадину на щеке, об отбитых почках и помятых рёбрах мужественно промолчал. Зато о моей простуде вспомнил, и очень громко. — У тебя опять жар? Ты часом не бредишь, а?

Ругаться с единственным другом — последнее дело. Обижать парня, который прошел с тобой огонь и воду — вообще грех. Но выдавать человеку правду, которую ему знать не следует...

— Ладно. Чёрт с тобой, золотая рыбка, — выдохнула я. — Там, в крепости, спрятан гранатомёт. Это оружие из моего мира. Очень крутое оружие. По вашим меркам — почти всеильное. Горанцы знали, что с крепостью что-то не так, но всё-таки рискнули. Им повезло, это оружие против разрозненного отряда не котируется. Думаю, с его помощью намеревались топить корабли. И ещё... ещё мне почему-то кажется, что в столице оружия гораздо больше.

Косарь смотрел недоумённо.

— Горанцев порвут, как грелку.

Брови вешенского верзила приподнялись, пришлось пояснить:

— Их на части разорвут раньше, чем они осадные лестницы приставят.

— И что?

— Как это что? — теперь была моя очередь удивляться. — Живых людей в фарш превратят.

— И что?

Я смотрела на Косаря, как баран на новые ворота и сопела.

— Патриотизм проснулся? — догадалась я.

— Горанг хочет захватить мою страну. Если у короля есть оружие, способное защитить нас и наши земли, я радоваться должен. А ты предлагаешь бежать к врагу и предупреждать об опасности.

Ну что тут возразишь? Косарь прав. По — своему.

Можно закрыть глаза на то, что горанцы не трогали мирное население, не грабили, не

разоряли Ремвид. Можно не вспоминать как воины гарнизона, защитники наши, укладывали в грязь лицом. Ещё можно восхищаться страной, в которой убивают ни в чём не повинных колдунов, в то время как один колдун способен спасти от голода пару деревень. Да, патриотизм прощает и не такое.

Но у меня тоже есть принципы.

— Косарь, я не могу допустить расправы над горанцами. Если бы этот гранатомёт изобрели ваши инженеры, я бы слова против не сказала. Но это оружие моего мира, оно превосходит вашу технологию в десятки раз. Это не честно, не правильно. Если Ремвид победит, он пойдёт дальше, он сам станет завоевателем.

— И что?

— Ничего. Ничего хорошего. Когда такое оружие попадает в руки дикарей, мир погружается в хаос. А тот, кто владеет оружием, превращается в тирана. Сегодня король растерзает горанцев, а завтра расстреляет твою деревню за то, что налоги не заплатили.

— Он и сейчас может. Луки...

— Ты не представляешь, насколько велика разница. Знаешь, как говорят у нас? Бог создал людей, а Сэмюэл Кольт сделал их равными. Так вот, если не лишит Ремвид оружия, среди вас равных не будет. Один хлипкий мальчишка с автоматом сможет за полминуты убить пару десятков громил вроде тебя.

Косарь глядел исподлобья и молчал. Не убедила. Эх, знала ведь, не нужно рассказывать.

— А девчонка вроде тебя, стало быть, сможет спасти наш мир? — хмуро произнёс вешенец.

Да уж... самой смешно. И ты не представляешь насколько.

— Я должна попытаться. Это оружие принадлежит моему миру. Значит, я несу ответственность за вашу судьбу.

— Ну — ну... А может всё гораздо проще?

— То есть?

— Ты хочешь повидаться с Рогором. Объясниться.

Слова Косаря в цель не попали, по мишени скользнули и только. Я вздёрнула подбородок и громко фыркнула:

— Ещё чего!

Здоровяк пожал плечами и отвернулся.

Что ж, от поездки не отказался и ладно. А обида со временем проходит. Как и любовь.

В этот раз лошадей не гнали. Даже ёжику ясно — отряд во главе с Рогором на штурм столицы не пойдёт, будет дожидаться остальную армию. После нужно дать людям хотя бы денёк отдыха, чтобы как следует осознали предстоящий подвиг. За это время мы точно доберёмся. Даже если отпустим лошадей и пойдём пешком.

На тракте было необычайно тихо. Редкие встречные телеги, груженные домашней утварью, детьми и бабами, не останавливались, на расспросы не отвечали. Возницы глядели на нас, как на умалишенных. Всё правильно: нормальные люди бегут от предстоящего сражения, добровольно в пекло только тупицы лезут. Под взглядами встречных ремвидцев, пару раз хотелось развернуть вороную и мчаться галопом до самой Вешенки.

В деревнях и сёлах тоже не всё гладко было. Кто-то уезжал на окраину страны, кто-то собирался удрать в лес. Предстоящая битва могла плохо аукнуться: что если горанцы проиграют? Тогда выжившие разбегутся по окрестностям, запрет на грабёж и убийства станет неактуальным. Воинам будут выживать любыми способами и мало не покажется.

Единственными, кто не паниковал, были владельцы постоянных дворов и трактиров. Эти наливали и подавали с ещё большей охотой, чем прежде. Война — дело, конечно, опасное, зато продажи алкоголя растут в геометрической прогрессии, денежки в копилку капают. Тут главное вовремя спрятать кубышку и всё, на пару лет безбедной жизни заработал.

В последнем трактире я тоже не удержалась — заказала пива. Косарь попыхтел, но пару медяшек на это дело выделил. Потом ещё шурился и вполголоса пересказывал недавние приключения с бутылкой самогона. Тоже мне, сравнил! И вообще, в прошлый раз не я пила, а моя истерика.

Ещё, Косарь упрямо подозревал меня в нежных чувствах к предводителю горанцев и дулся. Глядя на его терзания, я всерьёз погрузилась. Неужели моя симпатия к черноглазому «моряку» так заметна?

Когда удирала из крепости и уговаривала Косаря поехать в стан врага, даже мысли о Рогоре не возникло. Но ведь говорить придётся именно с ним, а значит, волей — неволей дрогну. Вот и сейчас, сердце щемит, душа заводит тоскливую песнь, ноги подгибаются. Что если Рогор меня раскусит, начнёт насмехаться? Что если не выдержу, скажу как он мне дорог, что голова кругом идёт от одного воспоминания о том проклятом поцелуе.

Чёрт! Да ни за что! Однажды, я уже бегала за парнем! Второго раза не будет!

А вместо того, чтобы вздохнуть по какому-то дикарю в блестящих доспехах, лучше подумать о том, как пробраться через его охрану! Вот что нужно сказать воинам, чтобы напрямик к предводителю отвели?

— Тебе жить хочется?! — взвизгнула я, после того, как сумрачный детина в лёгком кожаном доспехе, расшитом железными бляшками, в десятый раз повторил:

— Слушай, деревня неотёсанная. Господин Рогор не нуждается в разговорах с такими, как ты. У него дел по горло. Захочет — сам распорядится, а мы приведём. И лучше, покрасивши.

Косарь стоял за моей спиной, держал под уздцы встревоженных лошадок и возмущённо сопел.

На землю уже спустилась ночь. Широкая равнина перед столицей Ремвида искрилась сотнями костров. Отовсюду слышался лязг железа, негромкие разговоры. Воздух был пронизан дымом, запахом пота и ароматами нехитрой мужской стряпни. Вдалеке белели шатры воинского начальства, отделённые от внешнего мира внушительным воинством. Даже муравей незамеченным не проберётся.

Мы планировали пойти в войско утром. Так бы и поступили, если бы место для ночёвки нашли. Увы, воины Горанга не только запленили всю округу, они по — прежнему прибывали, шатались по окрестным лесам, рубили дрова для костров и брёвна для осадных лестниц. Топот стоял такой, что земля дрожала.

Спать с осознанием того, что в любой миг к убежищу может выйти какой-нибудь горанец? На такое даже самоубийца не согласится!

— Чего? — брезгливо протянул воин, в ответ на мой вопль. Но самообладания дозорный не потерял. С прежним спокойствием, ухватил за плечо, развернул и пнул под зад. Если бы не Косарь, пропахла бы приличную борозду в земле.

Нет, ну что за люди в этом чёртовом мирке?! У них: если баба, то сразу дура. Если деревенская баба — дура вдвойне.

— Если у тебя и впрямь важные сведения, то говори. Я передам десятнику. — Эти слова тоже не в первый раз звучали.

Я тихонечко взвыла. Не хватало ещё посвятить в проблему всю горанскую армию! Дураки не поверят, а умные — перепугаются и сбегут. А Рогор мне за такое уши оторвёт!

— Это секретная информация.

Дозорный тяжело вздохнул и закатил глаза. Он тоже устал слышать от меня одни и те же фразы.

— Уйди по — хорошему, а?

Чёрт. Была бы на моём месте Мария Петровна, она бы тебе сказала, она бы тебя подвинула. Эта даже памятник допечь может, а я... Расплакаться что ли?

— Иди, — устало повторил дозорный, скривился.

— А вот и уйду. Возьму, и уйду. А вы оставайтесь. Подышайте.

— Слышь! — возмутился воин. — Ты варежку-то прикрой! Кликуша!

Косарь, не проронивший до этого момента ни звука, вступился. Правда, не за меня...

— Пойдём. Видишь — не нашего ума дело, без нас разберутся.

Дозорный глянул на верзилу с благодарностью.

А может действительно послать всё к чертям собачьим? Ну превратят горанцев в фарш и что? Я им кто? Ангел — хранитель? Нет.

С совестью своей договорюсь как-нибудь. Зато потом, когда всё закончится, спокойно пойду в столицу, поклонюсь королю. Он мне дверку покажет, а Косарю мешок золота насыплет. И будем мы жить долго и счастливо, каждый в своём мире.

То, что после этого сражения Ремвид вооружится до зубов и пойдёт крушить соседей — меня тоже не касается. Пусть хоть боевую авиацию осваивает, хоть ядерное оружие. Одним миром больше, одним меньше — какая разница?

— Настя? — Косарь привычно выдернул из раздумий.

— Да, ты прав. Не наше дело. Пусть сами разбираются.

Я перехватила повод вороной, поставила ногу в стремя, когда дозорный заорал:

— Настя?!

Я даже вздрогнула от неожиданности.

Мой недавний собеседник стоял с отвисшей челюстью и часто моргал.

— Та самая Настя?! — выпалил он.

Вау! А я, оказывается, знаменита.

Косарю такая реакция не понравилась: вешенец побледнел и стиснул кулаки.

— Да пошли вы... — тихо пробормотала я, запрыгивая в седло.

— Погоди!

Дозорный подскочил, ухватил лошадь под уздцы и продолжил тарашиться на меня. Глаза воина были по — прежнему круглыми, в них прожектором светилось любопытство. Я припала к гривастой шее и прошипела:

— Руки от лошади убери.

— Постой, Настя! — взмолился дозорный. — Что ж ты сразу не сказала? Погоди! Сейчас десятника позову, он к господину Рогору проводит!

Я стиснула зубы и прикусила язык. Отчаянно хотелось послать дозорного куда подальше и самой убраться в аналогичном направлении. Судя по лицу Косаря, его желанья в точности совпадали с моими.

— Хорошо, — прорычала я. — Подожду.

Но ждать не пришлось. Вопль дозорного переполошил людей у ближайшего костра и десятник прискакал сам. Почему-то поклонился. Пока воин наблюдал, как я спешиваюсь,

прибежал ещё один вояка. Этот был одет гораздо лучше: вместо кожаного доспеха — металлический панцирь, не такой красивый, как у Рогора, но всё-таки; на плечах добротный коричневый плащ с золотой оторочкой; у пояса расшитые золотом ножны; сапоги начищены до блеска, будто не сраженье на носу, а бал.

— А ну тихо, — шикнул третий. Причём обращался не ко мне. — Скажите своим, чтоб языками не трепали! Чтоб ни одна живая душа!

Десятник и дозорный одновременно согнулись в полупоклоне, после чего дозорный побежал к костру. Следующие слова были обращены уже ко мне:

— Значит, Настя? Что ж... — придиричивый взгляд прошелся по платишке не первой свежести и чистоты, стоптанным сапогам, обветренному лицу и всклокоченной гриве потускневших каштановых волос.

Хотелось сказать: не я такая, мир такой! Ни помыться, ни причесаться толком. Про крема и прочие полезные косметические штучки вообще молчу. В таких условиях даже топ — модель в замухрышку превратится.

— Ну пойдём, Настя, — усмехнулся воин. Я, наконец, распознала в нём сотника. Косарь дёрнулся следом, но тут же напоролся на повеленье: — Здесь жди, деревенщина.

Мы с вешенцем переглянулись и решили — спорить не будем. В конце концов, в предстоящем разговоре Косарь не помощник.

— Я постараюсь вернуться как можно быстрее, — сказала и последовала за провожатым.

Мы не шли, а кралась по самым тёмным «закоулкам», далеко обходя костры и бегом минуя промежуточные дозоры. Будто не говорить с Рогором идём, а грабить и убивать. Когда сотник вдруг остановился, стянул плащ и укутал меня на манер Гюльчатай — не выдержала, спросила.

Воин тихонечко выругался, больно ухватил за локоть и зашипел в ухо:

— А чего ты хотела? Чтобы я вёл тебя под фанфары?

Слова, мягко говоря, удивили. Почестей от горанцев совсем не ждала, но и повода скрываться не видела. Я ведь не преступница.

Заметив мой шок, сотник вконец обозлился:

— По — твоему, недостаточно господина Рогора опозорила? Добавить хочешь?

— Я? Чёрт! Когда успела?

— Когда?! Ну ты... ну и зараза же ты! Думаешь, каждый день лучшая сотня во главе с первым военачальником, наплевав на войну, носится по следам какой-то бабы?

— Чего? — я едва не потеряла челюсть.

— Того! И мало, что отряд гонял, так ещё с пустыми руками вернулся! Над Рогором теперь половина армии потешается. Каково, по — твоему, идти в бой за таким главнокомандующим, а? А ему самому, думаешь, легко?

— Ой.

Слова сотника достигли разума только через пятнадцать минут, когда до шатров оставалось всего ничего. Я закусил губу, чтобы не завизжать от счастья. Чёрт! Я ему небезразлична! Я ему нравлюсь!!! Да за такую новость я готова расцеловать всех окрестных жаб и архиепископа Ремвида в придачу!

— Здесь подождёшь, — буркнул сотник, заталкивая меня в один из шатров.

— А как же...

— Что?

— Я думала мы сразу к Рогору...

— Вот баба! — зло сплюнул воин. — Мало опозорила? Теперь ещё на военный совет заявиться хочешь? Чтобы он при всём командовании на твою красоту посмотрел?

— Ой, я ведь не знала...

— Не знала она, — передразнил сотник. — Что ты вообще знаешь, Настя? Задурила голову мужику, а теперь ещё ойкает. Сиди тихо, поняла? Я окончания совета дождусь, доложу о тебе.

Я послала сотнику самую искреннюю улыбку.

Да, я буду сидеть тише воды, ниже травы и... молиться, чтобы этот дурацкий совет кончился как можно быстрее. Вот только...

— А можно ещё один вопрос?

Воин замер и воздел глаза к небу. Наверно, решил возблагодарить богов за ниспосланное ему счастье.

— Ну?

— Креатин, ма... мальчишка, который путешествовал с нами, жив?

— Жив, — выдавил сотник. И лицо его стало в стократ недовольней прежнего.

Я вовремя сообразила: если хочу дожить до встречи с Рогором и Креатином, прыгать, хлопать в ладоши и вопить — нельзя! И всё-таки, когда полог шатра закрылся, не удержалась: подпрыгнула и тихонечко пропищала:

— Yes!!!

Хозяин шатра страдал нездоровым аскетизмом — здесь не было ничего, кроме двух напольных светильников и широкой деревянной лавки, прикрытой волчьей шкурой. Я сиротливо уселась на краешек и уставилась в огонь.

Светильники были коваными — глубокие чаши на длинных, витых ножках, загнанных прямо в землю. В чашах, судя по запаху, расплавленный жир. На кончиках погруженных в него фитилей, задорно плясали огоньки. Вместе с огоньками плясали тени, они казались зловещими. Я и не заметила, как начала мандражировать...

Вот придёт Рогор, скажет: «Здравствуй, Настя». А я? Что скажу я? «Привет, Рогор?». И что дальше? Чёрт! Что бы ни сказала — наверняка буду выглядеть душой!

Мама дорогая, ну почему всё так сложно? Не любит — плохо, любит — ещё хуже!

Стоп! А с чего я взяла, что Рогор меня любит?

Чёрт! Может ногти погрызть? Может полегчает?

Я попыталась дышать ровно и глубоко, прикрыла глаза, пытаюсь вспомнить то волшебное слово для медитации. Слово затравленно пряталось в глубинах памяти и сдаваться не собиралось. Я настаивала. И вот, когда уже почти ухватила его за хвост, рядом прозвучало насмешливое «Кхе, кхе».

Давешний сотник вернулся в компании пары воинов. Судя по одежде и доспеху — тоже не рядовых. Один был лыс, как коленка, второй ещё гордился густой тёмной шевелюрой, но тоже уже лысел. Под радиационное излучение попали что ли...

— Вот. — Сказал сотник, указывая на меня. — Это Настя.

С тем же успехом можно было сказать: «Вот. Это „славянский шкаф“. Вещь известная, но ничем не примечательная. Любуйтесь.»

Хотелось протянуть руку и ответить: «Царь. Очень приятно.» Но лица воинов к веселью не располагали, к истеричным заявлениям тоже. Будто подтверждая мои мысли, лысый протянул недвусмысленное:

— Мда...

Повисла неудобная тишина. Я сообразила подняться с лавки и вежливо кивнуть.

В памяти опять вспыхнуло неуместное: «Так вот ты какой... северный олень.»

— Настя... — повторил лысый. — Ладно, давай посмотрим, что Железный Рогор в тебе нашёл...

Прежде чем успела сообразить, в чём дело, сотник подлетел, схватил за шею и зажал рот.

— На лавку клади, — скомандовал лысый.

Я рванулась из лап сотника, но силы были несопоставимы. Лавка больно врезалась в спину, сотник по — прежнему душил и зажимал рот. Лысый рывком задрал подол, с силой раздвинул ноги. Я завывала, дёрнулась. Попытка припечатать обидчика ногой закончилась тем, что щиколотки оказались в тисках — в дело вступил третий.

Мои запястья перехватил лысый, сгрёб одной ручищей, сам навис сверху. От накотившей паники, забыла как дышать.

— Ого! — голос лысого прозвучал глухо. Будто говоривший был на другом конце галактики. — Что это?

Судя по всему, вопрос касался моего белья.

— Не важно. Режь, — зло отозвался сотник.

— Не терпится? — усмехнулся третий и сжал щиколотки так, что ступни онемели. Сотник заржал.

Кожи коснулась ледяная полоса, в глазах потемнело от ужаса.

— Ух ты! Какая девочка!

— Ну не томи уже! Начинай! Или уступи другим! — рыкнул третий.

— Ага, не дождёшься! — усмехнулся лысый и потянулся к ремню.

«Нет! — мысленно заорала я. — Рогор! Рогор, спаси меня!»

С тем же успехом можно было позвать начальника Российского МЧС или Господа Бога.

Чёрт!

Догадка была как блеск молнии. Креатин! Я ведь слышала его мысли! Может получится?

Сознание освободилось мгновенно, в голове стало пусто, как в полуночном трамвае. Перед мысленным взором возникло лицо Креатина, меня накрыла волна немомго изумления.

«Креатин! Помоги!»

«Настя?!» — отозвался он.

«Спаси!!!» — что было сил, завопила я, и послала магу все свои эмоции и картинку, которая стояла перед глазами, в придачу.

Тем временем, лысый спустил портки. Боже... Видимо правду говорят: если душа человека уродлива, то всё остальное — тоже.

Я отчаянно дёрнулась, за что получила лёгкий шлепок по задку и глумливое:

— Потерпи, потерпи... Сейчас всё будет.

«Умри!» — крикнула я, вперив ненавидящий взгляд в лысого.

...И он умер.

Вернее, не он... Всё-таки я смотрела не на человека, а на конкретную часть его тела... Это кривоватое уродство резко сдулось и опало.

Соратники уставились на «хозяйство» лысого с тем же недоумением, с каким минуту назад изучали моё бельё. Воин покраснел.

— Я не это, — выдохнул он. — Вы не подумайте. Просто...

— Меняемся, — простонал сотник.

Он лишь чуточку ослабил хватку, но этого было достаточно — я дёрнулась в сторону и тут же вцепилась зубами в палец. Сотник взвыл, сдавил горло так, что сознание помутилось, я начала проваливаться в чёрную бездну.

...Наверное, как мне думается, окажись на моём месте другая, более удачливая девчонка, в шатёр бы тотчас ворвался Рогор и порубил обидчиков в капусту. После, смущённо отвернувшись, одёрнул подол, подхватил на руки и унёс в свой шатёр. Выставил вокруг шатра отборную сотню самых преданных воинов, нашел и в извращённой форме казнил тех, кто слышал возню, но не помог бедняжке.

Нет. Окажись на моём месте другая, более удачливая девчонка, Рогор бы ворвался раньше. За секунду до того, как лысый спустил порты и нанёс непоправимую моральную и эстетическую травму.

Нет. Всё было бы совсем — совсем иначе. Он бы не стал бросаться глупыми словами и взглядами, а прямо в крепости заключил в объятия и... сам бы нанёс моральную и эстетическую травму. Впрочем, в этом случае, назвать случившееся травмой не смогла бы даже самая ярая мужененавистница.

Но, как говорится, пока нормальные люди просто живут, неудачники получают жизненный опыт. Вот и я, вместо того, чтобы оказаться в крепких, заботливых объятиях Рогора, получила «опыт».

Нет, ничего плохого со мной не случилось. Я просто — напросто узнала, почему маги, и не только они, так не любят юного Креатина.

Бывает, живёт на свете человек. С виду — обычный, ничего особенного не делает, от других не отличается. Но при этом, всех бесит. Спроси почему — толком никто не объяснит. Не водится за ним ни серьёзных грехов, ни глобальных ошибок. Так, ошибочки, помарочки. Все не запомнишь — слишком мелкие, слишком невзрачные. Зато ошибокек этих тьма!

Вот и я... не могу припомнить за Креатином чего-то особенного. И даже в этой ситуации, глобальной ошибки не вижу...

Маг не помчался на помощь.

Сперва он просто не поверил, что я, Настя, девушка из другого мира, могла связаться с ним телепатически. Этот факт просто не укладывался в его кудрявой голове. Креатин минут пять пытался осознать — померещилось или правда.

Когда маг решился сказать себе «Допустим это правда...», вспомнил, что я должна находиться в крепости у залива. Значит, пребывать в одном из шатров горанского стана не могу. Начал рассуждать...

Минут через пять Креатин снова сделал допущение, но тут ему вспомнились лица моих обидчиков и он страшно удивился: «Как? Эти люди насилуют Настю? Да не может такого быть!» Начал вспоминать когда в последний раз видел сотника и его товарищей.

Так и не вспомнив, снова сказал себе «Допустим... Но в каком шатре искать? И если найду шатёр, что же делать? Как я, в одиночку, справлюсь с тремя опытными воинами?»

Перебирая в памяти всех к кому, теоретически, можно обратиться за помощью, Креатин даже к завершению «банкета» не поспел.

А мне подробности этого «банкета» рассказал Санаминэль — маг отряда, подчинённого Рогору...

Ментальный приказ, адресованный уродливым гениталиям лысого, оказался настолько мощным, что его почувствовали все маги, пребывавшие в Ремвиде. «Почувствовали приказ, а не ощутили его действие», если быть точной. Этот момент Санаминэль зачем-то

подчеркнул. Ненавязчиво, зато дважды.

В это время все маги, кроме Креатина, отстранённого от любых операций до особого распоряжения, кучковались на большом военном совете. Вместе с элитой горанской армии внимали речам главнокомандующего. Сигнал совпал с завершающей фразой длинной тирады Рогора:

— ...чтобы каждая столичная прачка запомнила силу наших осадных орудий.

И тут я, каким-то образом, протранслировала «объект и результат воздействия» (Санаминэль назвал это именно так). Маги, вместо положенных оваций, одарили Рогора жуткими гримасами и рванули из шатра. Так как засечь источник сигнала никто не смог, замерли всей толпой, озираясь, как кучка нашкодивших подростков.

Сидевшие у ближайших костров воины, глядя на это дело, перепугались и протрубили общую тревогу. Войско поднялось в считанные секунды.

В этот момент, маги снова уловили сигнал. Впрочем, не только маги.

Земля задрожала, раздался дикий рёв, и один из шатров, взлетел вверх, как колпак, небрежно сорванный с головы.

И взгляду окружающих предстала картина маслом: трио дрожащих воинов и я, парящая в паре метров над землёй. Глаза горят алым, волосы извиваются змеями, в руках шаровые молнии.

— Свиньи! — возопила я и шарахнула молниями.

Троица упала на колени, залепетала мольбы, но я была непреклонна.

— Свиньи! — голос прогремел на всю округу, земля качнулась. А мои обидчики превратились в умильных розовых поросят. Я поочерёдно ткнула пальцем в каждого: — Ниф — ниф, Наф — наф и Нуф — нуф.

И загремела снова:

— Ну? Кто ещё моей кровушки хочет?

Войско попятилось. Даже маги струхнули. По их представлениям, на проведённый мной сеанс магии только боги способны.

Главномандующий оказался единственным, кто осмелился возразить. С криком «Настя! А ну прекрати!», ринулся ко мне.

Я замерла, вперила в Рогора алеющий взгляд и криво усмехнулась.

От безрассудной храбрости главнокомандующего, народ обалдел больше, чем от učinённого бесчинства. И тут кто-то умный крикнул:

— Настя! Это та самая Настя!

Крик, подхваченный множеством голосов, даже до столицы Ремвида докатился.

Смелый Рогор ухватил за ногу и поволок к земле.

Вместо приличного в моей ситуации волшебства, я пнула главнокомандующего ногой в лицо и завизжала, оповестив всё войско о том, как щекотно. Он всё-таки стащил меня с неба, крикнул обескураженным магам:

— Успокойте её! Это ведь по вашей части!

Не дождавшись молниеносной реакции, вытащил меч и стукнул рукояткой по темечку. На этом моя магия закончилась.

Эх, если бы на моём месте была другая...

Увы, я о своей недавней мощи не помнила. Тело болело. На щиколотках и запястьях красовались огромные бурые пятна, обещавшие вскоре окраситься в цвет хорошо вызревшей сливы. Горло тоже приобрело синюшный оттенок, вместо слов вырывались хрипы,

достойные прожженного курильщика.

Я не жалела о щиколотках и запястьях, а вот голоса было жаль, потому что эмоции, вызванные последним эпизодом приключения, пришлось объяснять жестами. В таком исполнении масштаб моей обиды никто не оценил. А обиделась я всерьёз.

Чёрт, да как он мог? Рукояткой по темечку! Ненавижу!

Сам Рогор благоразумно не показывался.

На ночь меня разместили в одном из шатров. Маг Санаминэль — высокий, статный мужчина с копной чёрных волос, укутанный в белую мантию — не отходил ни на секунду. Увы, иллюзий по поводу его присутствия я не питала: этот охранник призван защитить не меня, а от меня.

Подумать только... Я — Настя, девочка — одуванчик, вдруг превратилась в злобную фурию и несу угрозу для целого войска. Это ещё глупее, чем моё желание спасти этот мир от технологической угрозы. Чёрт, до чего докатилась?

Хотя, вопрос нужно ставить иначе: почему это случилось?

Я, в который раз, осмотрела палец, на который когда-то прыгнуло кольцо. Видимо, дело в нём. По крайней мере, других причин не вижу.

...Утром в шатёр явился Косарь. Парень выглядел помятым и очень встревоженным. Как выяснилось, его не пускали в мою опочивальню, зато предоставили койку — место у ближайшего костра и даже покормили. О моём желудке никто почему-то не помнил.

Рогор явился часом позже. Холодный и злой, как Сатана.

Я на мгновение обрадовалась, что лишена голоса — не смогу сморозить какую-нибудь глупость. А говорить глупости мужчине в таком настроении ещё опаснее, чем совать в электрическую розетку язык. Но тут в памяти всплыла причина нашей явки и я всерьёз погрустнела.

— Ты изменилась, — заявил Рогор с порога.

Он не прогнал ни Косаря, ни Санаминэля, и те взирали на главнокомандующего с плохо скрываемым ужасом. Реакции Косаря ничуть не удивилась, а вот маг... он-то чего боится?

Вместо ответа похлопала себя по горлу.

— Да, изменилась, — заключил Рогор. — Злей стала. Глаза не прячешь, не смущаешься.

Чёрт, что за наезды с утра пораньше?

— А теперь скажи, или пусть он скажет, — Рогор, не отрывая сумрачного взгляда от моего лица, кивнул на Косаря. — За каким... вы явились?!

Отлично! Час от часу не легче! Я снова виновата!

— Мы пришли предупредить, — с деланным равнодушием ответил Косарь. Рогор даже не взглянул на вешенца. Только кивнул: мол, продолжай. — Вернее... не мы. Настя. Настя предупредить хотела.

— Ну? — гаркнул Рогор нетерпеливо.

— В крепости у залива, хранится очень сильное оружие. Оружие из Настиного мира. Она думает, в столице такого оружия много. И ещё... Настя думает, что вас порвут, как грелку.

— Вот как? Подробнее про оружие рассказать можешь?

— Неа. Это ты у неё спрашивай.

Чёрт! Опять? Опять я выгляжу полной, абсолютной дурой!

— Ты можешь вернуть ей голос? — спросил Рогор Санаминэля.

— Нет. Но мы можем попробовать телепатический сеанс.

Я категорично замотала головой. Телепатия? Этого не хватало! В момент острой нужды я смогла связаться с Креатином, а сейчас... сейчас только ещё больше опозорюсь!

— Не бойся, — сказал маг. — Попробуй. Обращаться будешь через меня, я настроюсь на сознание Рогора.

Они тут что, магов вместо телефонов и раций используют?

— Настя! — Рогор возражений не принимал.

Чёрт, мне правда казалось, что влюбилась в этого надменного негодяя? Да он с вешенских времён ничуть не изменился, хоть и обрядился в блестящий доспех! Как хамом был, так хамом и остался!

— Настя! Если думаешь, что отложу войну по первому твоему слову — глубоко заблуждаешься. Или говори, или катись отсюда!

Ах ты... Ладно! Скажу! Скажу и уйду! А ты... Да провались!

Я закрыла глаза и очистила сознание. Как и в прошлый раз, это вышло легко и непринуждённо. Видимо, снова сыграл адреналин.

Представила лицо Санаминэля, позвала его. После ответного «да» с ужасом узнала в нём того, «первого», собеседника Креатина. В ментальном восприятии голос несколько искажался, а когда Санаминэль переходил на деловой тон, менялся полностью.

Не успела я додумать эту мысль, как в голове прозвучал другой, каркающий, голос:

— Говори зачем пришла!

Теперь голос Рогора звучал ещё злей. Вдобавок, почувствовала его эмоции. Как там его называли? Железным? Тот, кто придумал прозвище, не ошибся, ни капли не солгал. Я чувствовала эту сталь, покрытую толстым слоем инея и ледяную ярость, скрытую за ней. И чётко осознала — главнокомандующий армии Горанга меня ненавидит.

Чёрт.... За что? Я ведь ничего не сделала, скорее наоборот... Мчалась к нему, хотела помочь, спасти. Да как он не поймёт...

Сердце больно рванулось в груди. Я прикусила губу, стараясь сдержать собственные эмоции, но чувства пробили брешь в обороне и тонкой, серебристой змейкой, скользнули к нему. Там было всё: боль, обида, радость встречи, подозрение, отчаянное желание обнять спесивца, согреть ледяную душу... и толика любви. Как же хотелось спрятать её, ан нет, не вышло. Сверкнула огоньком, ослепив на миг, и начала разрастаться...

Чёрт! Зачем я согласилась на телепатическую связь?

— Настя, говори, — подтолкнул Рогор, голос прозвучал мягче.

Сделала глубокий вдох и... сказала.

Знатока оружия из меня никакой. Как большинство девчонок моего мира, никогда не интересовалась и не увлекалась. Все познания ограничены боевиками и немногочисленными компьютерными играми. Но обрисовать и обосновать свои мысли я смогла.

Глупо полагать, что гранатомёт — единственное или главное оружие. С его помощью можно пробить дощатый бок корабля или разнести осадное орудие, но против целой армии — бесполезен. К тому же, заполучить его, явно сложнее, чем те же автоматы. Арсенал столицы, наверняка строится на них.

Я вызвала в памяти картинки из тех же боевиков, показала Рогору наше оружие «в действии». Следом попыталась вообразить, как будет выглядеть автоматчик, вышедший против пехоты. Ну и общую сцену штурма вообразила, последствия пусть сам додумывает.

Увиденное вызвало множество вопросов. Пришлось рассказать Рогору и о мотивах по которым решила выдать секрет Ремвида, и про прежнюю обладательницу волшебных

ключей. Почему-то вспомнился сон, в котором столичная колдунья плакала и рассказывала бесстрастному человеку об отмене сделки, на миг показалось, что это не просто сон... Поэтому пришлось признаться: возможно, колдунья не успела передать оружие и в столице нет ничего опаснее стрел и клинков.

Рогор слушал внимательно, уточнял, предлагал свои версии ситуации. А в довершение попросил показать последнюю встречу со столичной колдуньей.

Для меня тот эпизод был лишь штришком, поэтому вызвала в памяти всю картину событий того дня: встреча в кафе, бегство, звонок Ахмеда, поступок Натки и реакцию Марии Петровны. И даже как гвозди в замок заколачивала — показала.

Рогор долго молчал, после спросил:

— Ты можешь помочь в этой битве?

— Только советом, — отозвалась я.

— Хорошо. Что просишь взамен? Какова цена?

Чёрт. Я думала, он воин, а не торговец. Хотя...

— Ты прав, Рогор. Есть кое-что. У меня нет повода верить в порядочность людей этого мира, но я надеюсь на твою, — это слово я подчеркнула особенно, — порядочность. Когда вы возьмёте столицу Ремвида, нужно будет собрать оружие и выбросить в море.

— Я так и думал, — зло усмехнулся горанец. Сознания коснулось его разочарование.

— И ещё... Вы поможете мне уйти.

— То есть?

— Нужно отыскать дверь. Это не сложно — высшие чины Ремвида, наверняка, знают, где она расположена. А вот дальше будут проблемы. За дверью, возможно, засада. Но даже если всё чисто, столичная колдунья сразу сообразит, что случилось и перегрызёт мне горло. Мне нужна защита. Как только выберусь из логова блондинки — вы свободны.

— А если засада вооружена этими... как их...

— Автоматами? Вот тогда не знаю.

— Хорошо, Настя. Я принимаю твои условия. Я даю слово главнокомандующего — они будут выполнены. Так что именно ты предлагаешь?

Разговор завершился только к обеду. Когда ментальная связь прервалась, чувствовала себя так, будто тридцать вагонов с чугуном разгрузила. Но вопящий от голода желудок не позволил впасть в вожделенную кому.

Едва Рогор покинул шатёр, послала жалобный взгляд Санаминэлю, открыла рот и потыкала в него пальцем. Жест, как мне казалось, универсальный.

Маг, походивший в этот момент на похмельного клерка, округлил глаза и зажал рот ладонью. Косарь сидел тише мыши и смотрел в пол.

— Как ты можешь думать о еде? — помолчав, выдавил маг.

Я тоже округлила глаза, всем видом транслируя встречный вопрос:

— А что?

Убедившись, что я не шучу и дурочку из себя не строю, Санаминэль вздохнул и пояснил:

— Это был очень долгий сеанс связи, после такого ни то что есть, жить не хочется. — А поразмыслив добавил: — Обычно.

Тем не менее, маг поднялся и медленно двинулся к выходу. Косарь по — прежнему молчал не поднимая глаз.

«Ещё один обиженный?» — устало подумала я. Попыталась встать, чтоб подойти к парню, но ноги вдруг подкосились, перед глазами пронеслась вселенная с мириадами звёзд.

Я мешком осела на лавку.

Звук выдернул Косаря из раздумий. Одарив меня задумчивым взглядом, парень сообщил, что пойдёт прогуляться и проверить лошадей. Возражения в виде невразумительных жестов его не остановили.

Так... Что же я опять сотворила? Насколько мне помнится, последние несколько часов сидела в трансе и общалась с Рогором. Следовательно, даже при сильном желании накосячить не могла. Или могла?

Повинуясь старой привычке, начала судорожно копаться в памяти. Чёрт! Один косяк всё-таки был, только Косарь знать о нём не мог. Зато о нём знала я...

Нет, ну почему я такая невезучая? Почему снова наступила на старые грабли? Ведь зарекалась молчать о своей симпатии к Рогору, а сама... Все чувства, как на ладошке, бзабдз показа. Дура. Трижды дура! Видимо, я безнадежна и жизнь меня так ничему и не научила.

Хотя... Чёрт возьми, это же классика! Они любят друг друга, но поговорить не решаются. Он — гордый и разобиженный, она — восторженная и наивная, уверенная, что первый шаг должен сделать мужчина. В итоге, он женится на другой, смелой и настойчивой, а она остаётся старой девой и до гроба обливается слезами. И уже на смертном одре, гнусавым шепотом, признаётся: «Я всю жизнь тебя любила...». Нет, это ещё хуже, чем оказаться отвергнутой!

Так что... умница, Настя! Всё правильно сделала!

Приступ самовосхваления оборвал Санаминэль. Маг самолично втащил огромное серебряное блюдо, заваленное всевозможными яствами. От запаха жареного мяса рот тут же наполнился слюной, а в желудке раскатисто заурчало. Водрузив мечту примитивного гурмана на столик, Санаминэль вдруг заявил:

— Кстати, я хорошо контролировал начало разговора, так что эмоции, которые ты не удержала, заблокировал. Рогор не узнал о твоих чувствах, можешь спать спокойно.

В этот миг, я всерьёз задумалась: а каково это?.. убить человека.

Мой план не вызывал энтузиазма даже у меня, но, за неимением лучшего, Рогор его принял. Теперь дело оставалось за малым — убедить военную верхушку. К счастью, этот процесс должен был состояться без меня. Рогор, как истинный джентльмен, избавил от необходимости стоять перед несколькими десятками мужиков и отвечать на унижительные вопросы типа: «Да что ты знаешь о войне, девочка?», «Почему мы должны слушать тебя, соплячка?».

Вместо этого, главнокомандующий распорядился привести меня в порядок и вылечить-таки горло.

После сытного обеда (я уплетала мясо, а Санаминэль смотрел, периодически зеленея), в шатёр принесли деревянную лохань и спешно наполнили горячей водой. Уж не знаю, как горанцы нашли сей шедевр сантехнического искусства посреди голого поля, но я чуть не упала в обморок от счастья. Вторая попытка потерять сознание случилась после того, как Санаминэль преподнёс ларец с баночками и пузырьками — шампуни, бальзамы, масла и крема.

Увы, без ложки дёгтя тоже не обошлось: маг категорически отказался покинуть шатёр. Демонстративно уселся на лавку спиной ко мне, и замер каменным изваяньем.

Я негодовала недолго — желание помыться всё-таки победило природную стыдливость, и, сбросив одежонку, погрузилась в горячую воду. Тело мгновенно расслабилась, лёгкая улыбка сама скользнула на лицо и приклеилась.

Кстати, о стыдливости... Трусики, срезанные неудачливым трио, мне так никто и не вернул. Подозревать горанцев в фетишизме совсем не хотелось, но дурное влияние родного мира заставляло воображение рисовать довольно мерзкие картинки, вгоняло в краску.

— Настя, — внезапно ожил Санаминэль.

Я подпрыгнула, щедро плеснув воды на земляной пол. Ну вот, теперь посередине шатра будет грязевая лужа...

— Настя, — продолжил он, как ни в чём не бывало. Он по — прежнему сидел спиной и подглядывать, кажется, не собирался. — Ты ничуть не похожа на опытного мага. И я предполагаю, магическая сила проснулась в тебе совсем недавно.

Та — ак... к чему бы этот разговор?

— Не напрягайся, — отозвался Санаминэль.

Чёрт, если этот гад читает мысли, я его на кусочки разорву!

— Я не спрашиваю, как всё произошло. Пока не спрашиваю. Мне другое интересней... Ты слишком спокойно к этому относишься. Тебе плевать на свою магию. Почему?

Хороший вопрос и ответ на него я знаю. Тут как с верховой ездой. В эти моменты кажется, будто я — не я, будто знание принадлежит кому-то другому. Этот «кто-то» притаился в глубине моей сущности и для него всё происходящее настолько естественно, что я — настоящая даже не удивляюсь. словно так и должно быть. С тем же успехом могу задуматься, почему и как именно дышу, шевелю пальцами или перебираю ногами.

— Настя. Я не умею читать мысли... без разрешения. Может ответишь ментально?

Опять? Чёрт, ему не хватило недавнего разговора с Рогором?

Я всё-таки очистила сознание, настроилась на Санаминэля, искренне надеясь, что вместо меня ответит тот, другой, которому эта магия принадлежит. Увы, говорить мой невидимый помощник не умел или не хотел, пришлось отдуваться самой:

— Слушай, маг. Я так устала барахтаться в вашем злобном, никчёмном мирке, что мне уже безразлично. Если завтра меня объявят местной богиней или ещё кем-нибудь — тоже не удивлюсь. Я просто хочу домой, понимаешь?

— А как же Рогор? — изумился маг.

— А что с ним?

— Ты... ты любишь Рогора. Конечно, после такого он не сможет на тебе жениться...

— Жениться? Санаминэль, ты умом тронулся?

В этот раз меня не накрыло, меня буквально снесло волной удивления. Чувства Санаминэля были чистыми и искренними, как слёзы ребёнка.

— Маг... — выдохнула я. — Ты ничего не понимаешь. Помнишь, Рогор сказал, что я изменилась? Это действительно так...

Снова почувствовала его удивление. Хотелось послать Санаминэля к чёрту, но я нашла в себе силы ответить. Или не я, а тот, кто так прочно слился с моей сущностью?

— Я всегда была тихой, безобидной девочкой. Мной вертели и понукали, а я... Знаешь, я всегда считала себя виноватой, всегда принимала чужую сторону.

Мальчишки во дворе играли в футбол, один засмотрелся на меня и пропустил мяч. Мячик впечатался в витрину магазина и разбил её... Я виновата.

Учитель назначил внеплановое дежурство — нужно поднять стулья и подмести кабинет. А у меня через пятнадцать минут занятия в музыкальной школе начинаются. Попыталась объяснить ему — вытолкнул взащей, со словами «ну и иди!». Опять виновата.

Препоод по гражданскому праву никому зачёт не поставил — это я. Посмела явиться в

джинсах и испортила старому педофилу настроение. Ведь все знают, он любит девочек в коротких юбках....

Натка, сестра, сочла завещание бабушки несправедливым: мол, квартира должна достаться ей, а не мне... Я снова виновата. И так во всём.

И каждый раз я соглашалась с доводами других. Они были так убедительны...

Вдруг я попала сюда. А тут — то же самое.

Сделки с Ахмедом отменились по моей вине; злодей — Хабыч понёс убытки и едва не лишился рук — тоже из-за меня, сам он безгрешен; армии Горанга вместо того, чтобы нападать — простаивают... Решила предупредить горанцев о нечестном превосходстве противника — виновата перед Ремвидом...

Санаминэль, тут любая, даже самая мягкая душа обростёт роговой корой.

— А как же он? — настаивал маг.

— Рогор? А чем он лучше других? Он сам снарядился в погоню, запугал до чёртиков. Я защищалась, но теперь именно я виновата, что его воинский авторитет под угрозой. Он не поймал, а я виновата.

Маг выразительно молчал.

— И, видимо считает, что я должна явиться к нему, упасть на колени и молить о прощении. Этого не будет. Да, он мне симпатичен. Возможно, я его люблю. Но унижаться перед ним не буду. Хватит. Я вернусь в свой мир и однажды встречу того, кто поможет забыть Рогора.

Маг не выдержал:

— А Косарь?

— Я не могу его полюбить. А на меньшее никто из нас не согласится.

— Косарь согласится на всё.

— Не смейся. Только в собственных фантазиях мужчина готов быть нелюбимым, неединственным. А когда доходит до дела... В общем, если останусь с Косарем, снова буду виноватой.

— Значит, вернёшься домой?

— Вернусь. Чего бы это ни стоило.

После истории с крепостью у залива, подходить к Рогору боялись даже самые близкие соратники. Главнокомандующий разве что огнём не плевался: рычал по любому поводу, за малейшую провинность грозил разжаловать и выпороть, а в тренировочных боях гонял не до седьмого — до семьдесят седьмого пота.

Веди он себя хоть чуточку спокойней, слухи о вожденной колдунье давно бы сошли на нет. А так... каждый горанский воин жаждал подробностей и беззастенчиво додумывал ту часть событий, которая оставалась неизвестной. Версий было много, споров ещё больше, но в одном горанцы были единодушны — оказаться на месте Рогора не хотелось никому. Знавшие об истинном положении вещей сочувствовали Рогору вдвойне.

...Когда маг Креатин выехал навстречу отряду, Рогор побелел. А выслушав торопливый, сбивчивый доклад стал краснее свёклы.

Здравый смысл говорил — ехать к крепости нельзя, слишком велик риск. Но отказаться было ещё сложнее: такого поражения Рогору не простят. Известие о том, что Железному воину оказалась не по зубам какая-то баба, сотрёт его репутацию в пыль. И Рогор направил отряд к крепости.

Сердце превратилось в кусок льда, когда над головой взметнулся белый флаг и ремвидцам предложили переговоры. И не оттаяло, когда прозвучал ответ коменданта и створки ворот медленно поползли в стороны.

Он сразу увидел Настю, заметил сосредоточенный, чуточку удивлённый, взгляд. Но вида не подал. Отряд за его спиной должен видеть Железного воина, главнокомандующего, а не обезумевшего мужчину.

И Рогор вошел в крепость. Он внимательно осмотрел казарменные помещения, скользнул взглядом по арсеналу и рядам пушек, глядящих в море. К счастью или к беде, искомого мага в стенах не было. Крепость оказалась обычной, ничем не отличимой от других.

Пока плешивый комендант совсем не по — военному лебезил перед Рогором, тот решал, как быть дальше. Увезти Настю с собой? Подтвердить тем самым свои чувства и, в глазах соратников, превратиться в обычного мужчину, который предпочёл войне охоту за вожденной бабёнкой?

Если прикоснётся к ней, отпустить уже не сможет, а девчонка будет вырываться, тем самым подтвердит худшее: Железный воин удерживает силой, не любовью. А мужчина неспособный завоевать любовь женщины не имеет права стоять во главе армии. Какое сражение может выиграть тот, кто не сразил какую-то юбочницу?

И Рогор выбрал другое.

Он хотел пройти мимо, даже не взглянув ей в глаза. Но всё-таки не удержался. В последний миг приблизился и заговорил. В глубине души ещё теплилась надежда, но Настя рассекла её, уничтожила одним единственным словом.

Рогору хотелось завывать, но он сохранил лицо. Не перед колдуньей, перед армией. Хотя, шепотки поползли... Даже попытайся Рогор сохранить тайну, ничего бы не вышло.

И вот теперь Настя сама заявила в воинский стан. Он не радовался, но соратники восприняли это событие по — своему, повеселели. Когда же выяснилось, что Настя — не просто девчонка из другого мира, а настоящая магичка, сердца воинов оттаяли. За такой не

стыдно гоняться.

И если раньше над Рогором посмеивались все, даже верный конь, то теперь на главнокомандующего смотрели с восторгом. Все, кроме одного.

Рогор приказал не трогать Косаря. Конечно, опасно позволять ремвидцу беспрепятственно ходить по горанскому лагерю, но выказывать эти опасения ещё опасней. Не пристало главнокомандующему пугаться деревенского увальня.

Косарь подкараулил его у выхода из шатра. Тщательно скрывая страх, шагнул вперёд и заявил:

— Ты узнал всё, что хотел. Теперь отпусти нас.

Рогор смерил парня внимательным взглядом. Высокий, сильный, светловолосый. Будь Косарь городским, ни один вербовщик не прошёл бы мимо. Да и сейчас не поздно оставить рыболовную сеть и перейти в стан воинов.

— А ты тоже изменился, — с ухмылкой отметил Рогор. — Любишь её?

Парень вспыхнул до кончиков ушей, после выдавил:

— Да.

Другого ответа Рогор и не ждал. Впрочем, тут и без слов всё ясно.

— Я не держу вас, Косарь. Настя сама решила остаться. Она хочет войти в столицу вместе с нами.

На щеках вешенца вздулись желваки.

— Это ещё зачем?

— Я пообещал, что помогу ей вернуться домой. В столице есть дверь, один из ключей Насти к ней подходит. — И после короткой паузы добавил: — Ты разве не знал?

Косарь то краснел, то бледнел, смотрел на Железного воина с ненавистью.

— Ты же не думал, что она и впрямь предпочтёт наш мир? — каркнул Рогор. В этих словах таилось едва различимое удовольствие и толика злорадства.

— Если ты её обманешь... или обидишь...

— То Настя превратит меня в борова, — горько ухмыльнулся главнокомандующий.

Напоминание о ночном происшествии заставило обоих стиснуть зубы и кулаки.

— Мне жаль, что так вышло, — сказал Рогор.

Косарь не стал задавать вопросов, сплюнул под ноги Железному воину и ушёл.

Как назло, из-за шатра показался воин, держащий на верёвке трио розовых поросят. Завидев главнокомандующего, поросята рванули к нему, едва не сбив с ног своего пастуха.

Рогор с трудом сдержал горькую улыбку. Настина магия спасла его от нелёгкого выбора и неминуемого порицания. Он не смог бы применить к обидчикам колдуньи достойное наказание, даже выпороть не смог бы. Только отослать с глаз долой. И причиной тому не только репутация. Каждый из этой троицы занимает очень высокое положение в горанском обществе, лысый и вовсе — двоюродный племянник короля.

Трио захрюкало и заверещало, наперебой рассказывая Рогору о своих горестях. Он же обратился к провожатому:

— Как они?

— Ну... — воин замялся и покраснел. — Сперва никак. Лежали будто трупы. После предложил им пареного овса — отказались. Пришлось открыть бочонок вина.

— Теперь ясно от кого разит.

— А их... их это, того... когда расколдуют?

— Когда в Горанг вернёмся. Маги объяснили — тут очень сложный ритуал нужен.

— А... А Настя? Может она?

— Настя в тот момент очень зла была и что-то перемудрила. Она не знает как расколдовать. Ты следи за ними, чтоб никто ненароком на вертел не насадил. — Последнюю фразу Рогор сказал с плохо скрываемым удовольствием, поросята зашлись нестерпимым визгом.

«Чтоб вы навек такими остались!» — пожелал главнокомандующий мысленно и приказал одному из караульных созывать военный совет.

...Весть о новом оружии всколыхнула собравшихся. И воины, и маги, не на шутку всполошились. Рогор не вслушивался в общий гам, пропускал мимо ушей восклицания о том, что ремвидская колдунья лжет и перекраивать спланированную операцию из-за слухов — глупо. Только через полчаса, когда шатёр уже мало отличался от улья злющих ос, стукнул кулаком по столу и заревел раненым медведем.

Соратники быстро растеряли аргументы и принялись слушать.

План, предложенный Настей, был хорош, но во многом стоился на допущениях. Это беспокоило Железного воина больше всего. В довершении своей речи, главнокомандующий обратился к Урзу:

— Ну что скажешь?

Обычно, если требовалось мнение мага, Рогор обращался к Санаминэлю, но в этот раз маг отряда на совете не присутствовал, сторожил Настю.

Крючковатый Урз поднялся, пригладил седую бороду и ответил:

— Мы сделаем все, что вы озвучили, господин Рогор. Но вы должны понимать: эта магия потребует очень много сил. В завершении, мы уже ничем не сможем помочь. Если предположения колдуньи окажутся ложными, вам придётся штурмовать город без нашей поддержки.

Какими потерями это грозит, понимали все. Окажись на месте Рогора кто-то другой, ни за что не рискнул.

— Отлично. Я на вас рассчитываю, Урз. — Рогор кивнул магу и продолжил, обращаясь ко всем: — Завтра, на рассвете, я сам поеду к стенам города и предложу сдаться. Если к вечеру ворота не откроют, в сумерках пойдём на штурм.

— В сумерках? — недоумённо переспросил кто-то.

— Да, так будет лучше. Проще для магов.

Горло вешенской колдунье подлечили снадобьями, но голос пока не звучал. Вместо памятного щебета, вырывалось хриплое карканье. Сама Настя хихикала, почему-то называла себя отпетым уголовником. Маги, приглашенные на совещание с колдуньей, переглядывались.

Рогор отправил гонца в ближайшее селенье — чтобы привёз для Насти новую одежду, а пока тот не вернулся, гостя красовалась в цветастой юбке и белой блузе. Главнокомандующий отлично помнил этот наряд. Он подумывал: а не вернуть ли колдунье её странные штаны, но, в итоге, отмёл эту мысль — баба в портах вызовет слишком много удивления. А Настя и без этого в центре событий и внимания. Под её шатром ежесекундно сторожат любопытные. Хорошо, Санаминэль не позволяет девчонке даже нос наружу высунуть...

Рогор старался как можно реже смотреть в её сторону — от одного взгляда в груди щемило, а кулаки досадливо сжимались. Настя тоже старалась не глядеть на главнокомандующего, сосредоточенно беседовала с магами. Объясняла, что-то доказывала.

«Почему? — мысленно вопрошал он. — Почему ты выбрала этого деревенского увальня? И что станешь делать теперь? Неужели действительно вернёшься в свой мир? Настя...»

И чем дальше, тем сильнее Рогору хотелось вскочить, прервать совещание, выгнать всех из шатра и заключить Настю в объятия. Железный воин уже дошёл до крамольной мысли — предложить колдунье сердце.

Пусть его имя выполощут все столичные сплетники. Пусть его фамильный замок будут звать не иначе, как гнездом разврата. Пусть ни один приличный человек больше не сядет с Рогором за один стол, а отец проклянёт. Пусть! Главное, Настя всегда будет рядом. Видимо прав был маг, предсказавший ему великие тяготы, великий позор в любви.

Но Железный воин сдержался. Когда закончилось совещание, он первым покинул её шатёр.

Маг Санаминэль по — прежнему сторожил колдунью и ничуть не роптал, скорее наоборот. Рогор заметил — смотрит на неё удивлёнными глазами, ловит каждое слово. А она краснеет, ресницами хлопает. От этой идиллии, в груди главнокомандующего снова вспыхивала ревность и она была куда серьёзней, чем та, что рождалась при воспоминаниях о Косаре.

Косарь — простой деревенский парень и Настю он не удержал, иначе почему она всё ещё намеревается вернуться в свой мир? А вот Санаминэль — человек взрослый и умный, и хотя маги не интересуются женщинами, обходиться с ними умеет. Санаминэль может предложить не только фамильные драгоценности, а знания и могущество. И даже Совет Магов слова поперёк не скажет.

«Я должен был забрать её сразу,» — беззвучно прорычал Рогор. Выхватил у близстоящего воина копьё и голыми руками переломил древко. Отбросив обломки, побрёл прочь. Завтрашний день обещал быть жарким.

На рассвете, у шатра Рогора было тесно. Он, облачившись в привычный панцирь с гербом Горанга и алый, расшитый золотом плащ главнокомандующего, взобрался в седло. Четверо сопровождающих — рядовые воины, в руках одного белое знамя парламентёров.

Лошади тронулись неохотно, тревожно прядали ушами и шумно вдыхали прохладный утренний воздух. Толпа проворно расступилась, давая дорогу вестникам судьбы.

Горанская армия расположилась в отдалении, на западной границе широкого, ровного как стол, поля, в центре которого жемчужиной сияла столица. Сейчас горанцы казались не врагами, а бедными родственниками, что не посмели даже в сени войти.

Столица Ремвида и впрямь прекрасна: за белой каменной стеной скрывались аккуратные, мощёные булыжником улицы, столь же аккуратные дома, площади с великолепными фонтанами, скверы и цветники. Чем ближе к королевскому дворцу, тем дома роскошней, улицы шире, люди степенней. Сам дворец был выстроен из того же белого камня, что и городская стена, высился над городом на добрых тридцать локтей. Его башенки и подвесные галереи чаще очаровывали людей сведущих в военном искусстве, чем поэтов.

Великая река Ремвида брала начало в северных горах и, извиваясь синей змеей, стремилась к морю. Она огибала город с востока. В южной части, за городской стеной, раскинулся шумный порт. Тут же, чуть выше по течению, располагались верфи — некогда оживлённые, последние годы они пустовали.

За год, проведённый в Ремвиде, Рогор успел не только досконально изучить, но и полюбить этот город. Теперь он смотрел на него хозяйским взглядом, мысленно

примериваясь как будет использовать хорошо укрепленные стены, как возродит верфь и расширит пристань, чтобы та могла вместить ещё несколько десятков кораблей — горанских кораблей.

Главкомандующий миновал толпу, провожавшую его влюблёнными взглядами, и конь внезапно споткнулся. Под общий вздох ужаса, Железный воин огляделся и только теперь заметил маленькую, хрупкую фигурку, укутанную в воинский плащ. Большие, зеленовато — карие глаза с золотыми искорками, смотрели на Рогора с неммым восхищением.

«Дело не во мне, — тут же догадался Рогор. — Настя впервые увидела столицу Ремвида... Кто посмел выпустить её из шатра?!»

Девушка робко улыбнулась Железному воину и вернулась к созерцанию утреннего пейзажа. Главкомандующий стиснул зубы и поехал дальше.

«Нельзя! — говорил самому себе. — Даже думать о ней нельзя! После битвы мы расстанемся. Навсегда. Девчонка сама сделала выбор.»

Едва миновали лагерь, главкомандующий не выдержал и пустил коня в галоп.

«Чем быстрее всё закончится, тем лучше, — думал он. — Я возьму этот проклятый город, она — вернётся в свой мир. Между нами не останется ничего, кроме единственного поцелуя.»

С тихим стоном Рогор наконец признал, что вырвал тот поцелуй силой, а значит... значит между ним и вешенской колдуньей не останется ничего.

Пусто. Пусто и холодно, как в ледяной бездне. Только снег под ногами скрипит.

Из грустных мыслей Железного воина вырвала призывная песнь рога. Всадники остановились в пятидесяти шагах от городской стены. Снова затрубил рог, потом опять.

Блестящее летнее солнце медленно взбиралось на небо и, будто подражая светилу, на городскую стену взбирались столичные жители. Король не явился, вместо него появился архиепископ Ремвидский — старый, дряхлый, но цепкий и жестокий, как волк — одиночка.

По знаку Рогора, воин с белым знаменем выехал вперёд и провозгласил:

— Жители Ремвида! Главкомандующий армиями Горанга, господин Рогор, даёт вам время подумать. Вы можете открыть ворота города и сложить оружие. Тогда, никто из вас не пострадает. Мы не станем грабить и убивать. Если к вечеру ворота останутся закрыты, мы пойдём на штурм.

— Так уж и «никто»? — издевательски крикнул человек, стоявший по правую руку от архиепископа.

— Никто... из жителей. Кровопийцам Ремвида господин Рогор ничего не обещает.

Архиепископ повернулся спиной.

Рогор не знал, не мог знать... он почувствовал: архиепископ не намерен уходить. Этот исполненный пренебрежения жест — сигнал. Сигнал, по которому воины Ремвида нарушат незыблемый закон этого мира — откроют огонь по парламентам. Рогор чувствовал, как напряглись руки лучников, как стрелы легли на тетивы.

Прояви архиепископ хоть толику благородства, Рогор бы увидел этих лучников. Но старик наплевал на всё, уподобился подлому убийце.

«Что ж... — подумал главкомандующий. — Ты знаешь, я не могу пуститься в бегство. Что ж... пусть решает богиня Судьбы.»

Рогор с деланной леностью махнул своим воинам и медленно повернул коня.

Первая стрела ударила в спину главкомандующего, панцирь брони зазвенел. Железный воин стиснул зубы, прошипел побелевшим соратникам:

— Кто побежит — сам прирежу. Даже если для этого придётся восстать из мёртвых.

Следующая стрела пробилла руку знаменосцу. Древко упало на землю, но воин, завороченный взглядом главнокомандующего, не шелохнулся, даже не вскрикнул. Со стены донёлся радостный крик, через несколько мгновений всадников накрыла лавина звука. Лошади тронулись. Медленно, будто на прогулке.

Опять свист, в этот раз стрела пронеслась у виска Рогора, чуть оцарапав кожу. Публика на стене взорвалась новыми криками, на пятёрку горанцев обрушился смертоносный шквал.

Они ехали как и прежде — медленно и гордо. Потом остриё вонзилось в круп одной из лошадей. Несчастный воин попытался удержать кобылу, но та взвыла от боли и понесла. Горожане заревели от восторга.

Ещё один соратник — юный, безмерно гордый тем, что на него возложили миссию сопровождать главнокомандующего — тихо вскрикнул и вывалился из седла. Нога застряла в стремени. Испуганная лошадь шарахнулась в сторону, волоча за собой бездыханное тело. Остановить её не пытались.

Новый залп заставил покачнуться раненого знаменосца. Рогор видел, как дёрнулись пальцы, отпустили повод. Воин, что было сил, вцепился в луку седла и застыл. Лошадь продолжала неспешно вышагивать, даже не подозревая — она принесёт в горанский стан мертвеца.

Крики восторженной толпы постепенно отдалялись, стрелы ремвидцев падали далеко позади. Рогор заметил, как четвёртый, последний, воин кренился, припадает к лошадиной шее. Из его спины торчит единственная стрела, но ей удалось попасть в щель между металлическими пластинами, пробить кожу доспеха и войти в сердце.

Рогор молчаливо взвыл и продолжил путь к лагерю. Медленно и степенно, как прежде.

Ступая на землю Ремвида, Рогор хотел пощадить этот город. Но как можно простить тех, кто преступил извечный закон, напал на парламентёров?

Ему стоило ожидать подобного предательства — один раз Ремвид уже расправился с мирным посольством. Но даже сейчас, заглянув в глаза смерти и отдав в её холодные лапы четверых соратников, Рогор не жалел о принятом решении. Знай он наверняка, что у городской стены ждут лучники, поступил бы так же.

...В горанском лагере было тихо, как в могиле. Воины не смели предложить главнокомандующему помощь, не смели остановить лошадей, которые несли на спинах мёртвых всадников. В душе каждого закипала злость, в глубине глаз таился ужас.

Рогор подъехал к своему шатру, молча спешился. Он окинул толпу встречающих сумрачным взглядом, кивнул магу Санаминэлю. Тот всё понял — ухватил за локоть ошарашенную колдунью и потащил в шатёр Железного воина.

Через четверть часа, Рогор сумел взять себя в руки и взглянуть на неё.

— Я не видел нового оружия, Настя. Нас сопровождали стрелами. Но только человек достигший настоящего могущества может пойти против нерушимых законов. Я не знаю, что ждёт нас этой ночью. Ты сделала всё, что могла, и теперь я прошу... уйди.

— Как? — выдохнула колдунья.

— Я не имею права рисковать твоей жизнью.

— С дуба рухнул?

— Настя! — прорычал он. — Как ты разговариваешь с главнокомандующим?!

Колдунья потупилась, но только на секунду. Рогор одарил девушку странным взглядом, сказал чуть слышно:

— Это не твоя война. К тому же... ты не одна. Понимаешь?

— Нет. Не понимаю.

— Глупая баба! — он не скрывал ярости. — Меня называют Железным Рогором. С моими приказами не спорят!

Вешенская колдунья смущённо теребила рукав блузки и смотрела в пол.

— Я похожа на воина Горанга? — тихо пробормотала она.

— В том-то и дело, что нет, — усмехнулся Рогор.

— Тогда какого чёрта ты мне приказываешь?

— Что?..

— Ты — Железный Рогор. Ты невероятно крут. Но без меня тебе не победить. А мне не вернуться домой без твоей помощи. Я никуда не уйду. Я понимаю, в вашем мире женщина — существо второго сорта...

— Здесь опасно! — проревел главнокомандующий. — Вы можете погибнуть, дура!

— Мы с Косарем будем осторожны.

— Да причём здесь Косарь?

Колдунья непонимающе уставилась на Рогора. Он обречённо вздохнул:

— Настя. Я — Железный Рогор. Я могу позволить себе многое. Могу бросить лучшую сотню воинов в погоню за какой-то колдуньей. Могу поставить под угрозу тщательно спланированную войну — сунуться в крепость, куда идти нельзя. Могу подписать на бессмысленную смерть четвёрку молодых воинов и себя заодно. Но я не могу отпустить на битву беременную бабу!

Колдунья застыла. Несколько бесконечно долгих секунд смотрела в пылающие глаза Рогора. В его взгляде было всё: бешенство, нежность, ревность, боль, мольба...

— Креатин? — шепотом спросила девушка.

Рогор чуть заметно кивнул.

Губы колдуньи тронула искренняя улыбка, в глазах искорками блеснули слёзы. Её голос прозвучал на удивление спокойно:

— Он поведал тебе эту новость на подступах к крепости?

Снова кивок, но на этот раз главнокомандующий следил за колдуньей с особым вниманием.

— Рогор, а если бы ты не знал... как бы поступил?

— Забрал тебя с собой, — глухо отозвался он.

— Супер!

Колдунья круто развернулась, но уйти не успела. Рука Рогора вцепилась в плечо, пальцы сжались так, что девушка вскрикнула.

— Объясни, — попросил Рогор едва слышно.

Она ответила не сразу, голос дрогнул:

— У нас с Косарем ничего не было. Никогда. Просто у Креатина с чувством юмора проблемы. И с мозгами. Так что извини, Рогор, но запретить мне участвовать в битве ты не можешь.

Мне казалось, что теперь я отлично понимаю маньяков и, при случае, рука не дрогнет: с ледяным спокойствием выхватит нож и полоснёт по горлу. Увы, увидев бледное личико в обрамлении чёрных кудряшек и наивные глазки юного мага, желание убийства схлынуло.

— Настя? Ты меня искала? — спросил Креатин с радостным удивлением, и остатки злости исчезли. Сразу вспомнилось недавнее путешествие и замечательное, но очень несчастливое платье, подаренное горанцем. Креатин горько вздохнул: — А меня отстранили. Вот, скитаюсь теперь по лагерю...

Я собралась шагнуть к нему, утешить. Но тут, словно из-под земли, вырос Рогор. Лицо главнокомандующего пылало, руки так и тянулись к худенькой шее юнца.

— Ой, — сказал Креатин, отступая.

Рогор давился гневом, я же... Чёрт! Я не могла сдержать улыбку.

Если подумать, Креатин не сделал ничего дурного. Он просто ошибся. Чуть — чуть.

— Живи, — наконец прорычал Рогор. И было совсем непонятно: разрешил или приказал.

Через пару часов, повинувшись дурацкому смущению, я выпросила у Санаминэля разрешение на участие Креатина в военной операции. Юному магу предстояло стать «донором».

А едва солнце подкатилось к горизонту — началось...

Низкий, гортанный звук поющего рога заполнил весь мир.

Разговоры у костров вмиг смолкли, тысячи взглядов устремились к шатру главнокомандующего. Некоторые вскакивали, тут же наталкиваясь на гневные взгляды десятников и сотников — сказано же: сидеть смирно!

Из шатра медленно и величественно вышел Рогор. За ним, со степенностью великосветских девиц, появились Санаминэль и Урз. В кои-то веки, маги сменили светлые безразмерные балахоны на простой воинский доспех, прикрыли сутулые спины плащами.

Остальные поджидали снаружи.

Пятнадцать магов, не считая Креатина Зерского, дюжина лучших воинов из отряда Рогора и я — Настя, девочка из соседнего мира.

Мне тоже выдали доспех, за компанию с магами. Чёрт! Да лучше бы я голой на эту битву пошла! Я битый час пыталась объяснить Санаминэлю, что кожаная, усеянная металлическими пластинами броня ну никак не сочетается с цветастой юбкой! Но маг делал вид, что не понимает, хотя я-то видела каких усилий ему стоит сдерживать хохот. В общем, штаны мне так и не раздобыл. Зараза!

Несмотря на свой позорный вид, я во все глаза смотрела на Рогора, всё надеялась поймать его взгляд. Увы, главнокомандующий даже головы не повернул. Злится, что иду с ними.

Короткий взмах рукой и наша маленькая компания превратилась в организованную толпу: в центре сплочённая команда военных магов — три шеренги по пять человек, сразу за ними мы с Креатином — два довеска. По периметру этого геометрического безобразия отборная дюжина и Рогор. Не знаю случайно ли вышло, но главнокомандующий оказался рядом со мной. Впрочем, как рядом... шагов десять.

Снова взмах руки и смертники, которым надлежит исполнить мой план, зашагали.

Толпы, подобной той, что провожала Рогора утром, вокруг не было. Воины не смели даже напутствовать нас.

Прежде чем успели миновать лагерь, воздух впереди колыхнулся — перед нами начали подниматься иллюзорные воины. Один за другим, лавиной. Призрачные бойцы выстраивались в шеренги, в их руках загорались факелы.

И снова протрубил рог, звук был чётким и совершенно реальным. Чёрт, да эти ребята мастера! Если бы не знала, что звук — тоже иллюзия, ни за что не догадалась бы.

Рядом что-то засопело, зашпорило. Я с трудом оторвалась от зрелища, скосила взгляд в сторону. В периметре нашего отряда появился Косарь.

Вешенский здоровяк был одет как рядовой горанской армии и коротко огрызнулся в адрес Рогора:

— Сам такой. Сам туда иди. Я её одну не оставлю.

Я невольно улыбнулась смелости друга. Для остальных его слова звучали как последний крик самоубийцы. Но Рогор не посмел поднять руку на человека, спасшего ему жизнь.

Увидев утром столицу Ремвида, я едва не влюбилась. Огромный город, спрятанный за белой каменной стеной, казался ожившим воплощением по — настоящему доброй сказки. Напоминал жемчужину, лежащую на ладонке бесконечного поля. Теперь город походил на зловещий термитник. Звук рога напомнил правителям об утреннем ультиматуме. Теперь на стену стекались огоньки, не предвещавшие нам ничего хорошего.

Расстояние сокращалось быстро, мы маршировали в самом сердце иллюзорного войска. Наползающая темнота пыталась скрыть призрачную пехоту, огни факелов наоборот — подчёркивали, делали войско больше, превращали в огненную реку.

От осознания того, что вот — вот окажусь под пулями, хотелось пищать. И я бы запищала, не будь рядом Рогора. Если главнокомандующий увидит мой страх — пинком отправит обратно в лагерь и ни мольбы, ни угрозы его не переубедят.

Но лучше оказаться под пулями, чем узнать, что план провалился. А провалиться он может в двух случаях: если в столице действительно нет оружия из моего мира и если... власти Ремвида не купятся на эту провокацию. Третий вариант провала тоже есть, но тут всё зависит от магов — если защитники столицы слишком рано поймут, что наше войско только иллюзия, они прекратят стрельбу и остатки свинца израсходуют правильно.

Чёрт! Только бы повезло.

— Отряд, стой! — скомандовал кто-то.

Я сразу сбилась, едва не налетела на спину впереди идущего мага.

Звук исчез. Лязг железа, скрип кожаных доспехов, громкий топот и сопение тысяч воинов, от которого я уже порядком устала, сменился гробовой тишиной. Иллюзорное войско остановилось вместе с нами.

Кто-то дёрнул за руку, не позволив мне помешать внезапной передислокации — маги Горанга встали в круг, в воздухе повисло невыносимое напряжение — только электрических разрядов не хватает.

— Настя, — шепнул кто-то, — отсюда мы услышим?

Дежурный вопрос. Мы уже просчитали расстояние, с которого маги будут командовать иллюзией. Я могла только надеяться, что мой логико — интуитивный метод не подведёт, что мы действительно увидим вспышки и услышим звук атаки. А если я ошиблась... наша иллюзия очень быстро провалится: либо сами ляжем под пулями, либо не сможем правильно инсценировать смерть призраков.

— Готовы? — я узнала голос Санаминэля. — Вариар, ты отвечаешь за звук.

Креатин шепнул мне чуть слышно:

— Вариар будет направлять звук, при этом нас от него оградит. Иначе оглохнем и друг друга не услышим.

Слово «нас» тут было не совсем уместно. Мы с Креатином остались в стороне. Я — в качестве наблюдателя, он — на случай, если кому-то из магов потребуется подпитка.

— Начали, — кивнул Урз.

И понеслась...

Огненное море разделилось: сперва на три ряда, после — на три крыла. Первый ряд выступил вперёд, начал угрожающе надвигаться на стену.

Я вытянула шею. Кто-то тут же подхватил на руки, приподнял, чтобы лучше видела... Зрелище было волшебным, но страшным.

Тысячи иллюзорных воинов. Доспехи, одежда, оружие — воспроизведены до мелочей. Каждый призрачный человек двигается по — своему: кто-то бежит быстро, кто-то медленней, кто-то прихрамывает, кто-то откровенно ковыляет. Одни тащат осадные лестницы на плечах, другие объединились в пары, третьи с пустыми руками, но уже тянутся к мечам. Следом за штурмовыми отрядами — группы лучников. Эти тоже бегут, готовые в любой миг остановиться и пустить дальнобойную стрелу.

Войско постепенно расходится, превращается из огненной полосы в огненную птицу, показывает горожанам: штурм начнётся с трёх сторон, вам не укрыться.

Вокруг и позади нас нетерпеливо переминаются остальные, те, кто пойдёт на штурм чуть позже. Они готовы сорваться в любой миг. Я вижу призраков рядом с собой и с трудом могу отличить иллюзорного воина от настоящего. Снова и снова удивляюсь мастерству горанских магов. Если бы ни это беззвучие...

С высоты городских стен зрелище, наверняка, кажется чудовищным. Но никто не кричит, не призывает на помощь богов. Ремвидцы молчат.

Кто-то дёрнул меня вниз, вырвал из рук того, кто милостиво держал над толпой.

— Рехнулись? — прошипел Рогор. — Не высовывайтесь!

В царящем беззвучии, шепот показался ужасно громким.

Главнокомандующий открыл рот, чтобы добавить, но вместо слов, грянул гром. Городская стена занялась вспышками — автоматы. Земля у самых стен начала взрываться. Я мысленно поблагодарила себя за предусмотрительный отказ от местного чая в последние шесть часов, но так и не поняла, что испугало больше — подтверждение моих догадок или гнев Железного воина.

— Настройся на иллюзию, — шепнул Креатин. — Представь, будто это обычная вещь, которую держишь в руках и можешь вертеть, рассматривать со всех сторон и подносить к глазам, если нужно глянуть ближе.

Я не успела осознать совет мага: разум очистился, картина битвы обрела новые краски. Но у меня этот приём проассоциировался не с банальным разглядыванием «обычной вещи». Передо мной оказалась качественная, абсолютно управляемая 3D — модель. Она поворачивалась в любых плоскостях, а приблизить её можно было чуть ли не до пикселей.

От такого «кинотеатра», я чуть в обморок не упала. Обычное зрение, естественно, пропало. Я в срочном порядке отыскала опору. Не зная, кто именно попался под мою цепкую ручку, прошептала:

— Я в иллюзии. Будешь моим поводырём. И следи, чтобы я не упала!

Сказала и тут же присела, пытаясь увернуться от слишком реалистичного факела, который пронёсся перед моим лицом.

Вау... Вот это да. Вот это магия! Да все голливудские мастера спецэффектов от зависти помрут, если увидят!

И тут же сама... чуть не померла.

Иллюзия отлично совмещалась с реальным миром, вот только видела я этот мир не обычным способом — он стал продолжением наведённого магами морока. Я смогла «приблизить» картинку города и задохнулась от страха.

Ремвидцы действительно использовали автоматы (опознать модель не смогла бы даже при наличии под рукой «Гугла»), стреляли неумело, отчаянно. Наверное, окажись рядом с ними любой мальчишка из моего мира — переплевался бы и раскритиковал в пух и прах. Но даже сквозь пелену их страха было ясно — с нашей иллюзией что-то не то.

Я попыталась «повернуть картинку» и глухо застонала. Горанцы бежали наплевав на пули, а если и падали, то как-то не так. Даже самый безграмотный режиссёр не рискнул бы вставить такие кадры в свою киношку.

Причина такой «лажи» может быть только одна: у горанских магов есть опыт наведения иллюзии войска, а вот изображать гибель этого войска им ещё не приходилось. А тут ещё не обычная гибель, особенная... от огнестрельных ранений и взрывов.

Чёрт, что же делать? Я ведь предполагала такое развитие ситуации, но всерьёз не верила.

Выход нашла не я, а тот, другой... кто умел ездить верхом и превращать людей в хрюкающих обитателей фермы. (Чёрт, а может бутылка самогона тоже он выхлестал?)

Всё случилось быстро и красиво: в голове щёлкнуло, я глубже погрузилась в иллюзию и она начала меняться по моему желанию. Рядом кто-то закричал, но я не слышала — я убивала иллюзорных воинов, каждого поодиночке и всех вместе. Они захлёбывались кровью, падали один красивее другого, разлетались на кусочки от пойманных гранат...

Один мимолётный взгляд на стены — воины Ремвида воодушевились так, что гильзы полетели фонтаном.

Ага... Сейчас мы вас обдерём, как липку...

Я сосредоточилась, заставила сознание погрузиться в иллюзию чуть глубже. Что-то больно ударило по ушам, но в следующий миг я могла управлять звуком...

Ну всё, товарищи, молитесь, чтобы я удержалась от трансляции собственных комментариев, иначе умрёте не от горанских мечей, а от культурного шока.

Рог запел, сдерживая наступление. Следом, почти у самой стены, прокричал голос Санаминэля:

— Мы ставим магический барьер!

Воины ответили победоносным «ура» и воздух перед ними дрогнул, превратился в туманный экран. Новый сигнал рога приказал атаковать. Иллюзорные горанцы помчались к стенам.

В этот раз защитники города понимали, почему неприятель бежит, кричит и не падает. Они пытались пробить магический экран. Из заначек достали гранатомёты.

Так как штурмовать стену я всё-таки не могла, магический экран пошел трещинами. Первые ряды призрачных горанцев умирали долго и очень зрелищно: роняли факелы, брызгали кровью на стены, кричали витиеватые проклятья. Осадные лестницы разбивались в щепки. Воодушевлённые ремвидцы награждали меня шквалом огня и потрясающим

расходом боеприпасов. Как дети, ей богу.

— Стой! — пропел голос Санаминэля. — Магический экран рухнул!

Но разгорячённые горанцы не слышали мага, мчались к стенам... Зато его слышали осаждённые — стреляли радостно и яростно. Гора трупов росла, как дрожжевое тесто, выставленное под палящее солнце.

Пока первая часть горанского войска умирала, вторая подкатила осадные орудия. Ремвидцы снова достали из заначки гранатомёты. Мир осветился красивыми пожарами, заполнился новыми криками.

Рог скомандовал атаковать и вторая часть войска рванула вперёд.

Бессменный Санаминэль опять выставил защитный экран. В этот раз экран разбивали гораздо дольше. Особо эмоциональные горожане начали опорожнять заготовленные вёдра с горячим маслом и банальным кипятком.

Мои воины ревели так истово, что хотелось плакать. Они мчались по трупам своих товарищей и умирали всё неохотнее. Защитники города уже не удивлялись — видимо, уверовали, что горанцев охватила боевая ярость.

Когда я начала задыхаться не хуже иллюзорных вояк, рог протрубил отступление. Огненное море отхлынуло, ремвидцы радостно взревели.

Я поменяла угол обзора и с удивлением обнаружила, что могу не только «приблизить» изображение стен, но и подняться наверх, рассмотреть ситуацию более чем пристально.

А ситуация оказалась довольно приятной: боеприпасы кончались, люди едва не падали от усталости и перенапряжения. В роли защитников выступал крошечный гарнизон столичных военных, столичная же стража и добровольцы. На стены уже тащили привычные этому миру луки, а усатый грузный мужик орал, что патроны жалеть не нужно, главное — отбить эту атаку, утром горанцы уйдут.

Что ж... Значит, следующий акт нашего действия будет решающим.

Я переформировала войска так, чтобы даже подмастерье сапожника понял: горанцы отупели от ужаса, а значит — самое время их добить. И бросила останки иллюзорных сил в наступление.

И опять шквал огня, крики, ругань... В небо фонтанирует кровяца, со стен на землю льются остатки масла и кипятка всех сортов. Где-то у городской стены, неуязвимый для всех орудий, мечется всклокоченный Санаминэль, грязно ругается и швыряется молниями.

Небо начинает сереть, а моя фантазия наоборот — расцветает новыми красками. Я едва удерживаюсь, чтобы не запустить в иллюзию полчища орков, эльфов и пару огнедышащих драконов. С ещё большим трудом сдерживаюсь от желания протранслировать измотанным ремвидцам какую-нибудь хорошую, добрую песню. «И вновь продолжается бой», например...

В какой-то миг, когда пули сменились-таки стрелами, решила, что на поле битвы не хватает самого главного персонажа — Рогора. И он появился. Огромный и сумрачный. Даже меча не достал, пытался сразить всех взглядом. А потом... потом коннект оборвался.

Вообще, когда девушка падает в обморок, её принято легонько шлёпать по щекам... Меня не шлёпали — лупили. Если точнее — пороли. Ещё на меня брызгали слюной. Стоит ли говорить, что открывать глаза в такой ситуации совсем не хотелось?

— Настя! Ты за это ответишь! — шипел кто-то.

Чёрт, мне так не хотелось ни с кем ругаться, что я попыталась снова уйти в несознанку.

— Не ори на неё, Санаминэль, — спокойно сказал другой голос. Кажется, Рогора. —

Настя, очнись, пожалуйста.

Чёрт... Ну вот лежу я вся такая красивая и беззащитная, а чем занимается этот черноглазый негодяй? Неужели в этом мире не слышали сказку про спящую царевну?

— Настя? — ещё один голос. Очень напоминает Косаря.

И опять, но на сей раз подозрительно похожий на Креатина:

— Настя, ты жива? С тобой всё нормально?

— Да жива она! Жива! — раздражённый. Санаминэль.

Ох... Ну почему я такая невезучая?

Я открыла глаза только потому, что к горлу подступила тошнота.

Увы, я действительно невезучая. Вместо нормального, вполне романтического пробуждения, пришлось резко вырваться, чтобы перевернуться на живот. Желудок немилостиво надругался над моим образом беззащитной красавицы, выдал остатки ужина пополам с желчью. И всё это в кругу стольких мужчин...

— Настя, — обеспокоенно позвал Косарь, — ты как?

Как-как... Неужели не видишь — отлично! Просто замечательно!

— Голова болит? — голос Санаминэля стал мягче.

Я даже кивнуть не смогла.

— Это нормально? — спросил Рогор.

— Легко отделалась, — вздохнул Санаминэль в ответ.

Легко?! А что же тогда «трудно»?!

— Приведи её в порядок, — попросил Железный воин. — Я пришлю за вами отряд, когда всё закончится. — И добавил, обращаясь уже ко мне: — Настя, ты умница. Ты совершила невозможное. Ещё чуть — чуть и мы возьмём эту проклятую столицу.

О... Столица... Ремвид... Чёрт, а я почти забыла, что нахожусь в... глобально трудном положении!

— Ещё немного и ты окажешься дома...

Да помолчи ты! Изверг! Для меня сейчас каждый звук, как удар кнутом!

— Настя... Настя, ты меня слышишь? Это я, Рогор...

!!!

— Санаминэль, я на тебя рассчитываю. Помоги ей.

— Обязательно. Настя, ты как?

— Настя, это я — Косарь. Слышишь меня? Настенька...

Мама, забери меня отсюда!!!

...Следующие два часа я познавала прелести местной реанимации и проклинала её последними словами. Попутно отбивалась от вопросов Санаминэля: каким же образом мне удалось перехватить управление иллюзией и удерживать её в одиночку на протяжении всей ночи.

А после я увидела что натворила...

День был неприлично солнечным и ясным. Пронзительно — голубое небо, ярко — желтое, лучистое солнце, огромный зелёный луг и... столица.

«Жемчужина Ремвида», единственный приличный город в этой глуши, больше не сияла. Она напоминала разорённую хижину — блеклую, одинокую. В одну ночь город лишился и величия, и гордости. Прогнулся под натиском горанского войска.

Присланный Рогором отряд взял остатки нашей группы в кольцо и повёз туда, откуда веяло страхом.

Я восседала на вороной кобыле, рядом покачивался в седле Косарь. По другую руку ехал Креатин — узнав об истинной личности которого, вешенский верзила едва не совершил убийство. Так же нас сопровождали Санаминэль и Вариар. Я то и дело ловила на себе их задумчивые, не слишком добрые взгляды.

При подъезде к столице, сердце споткнулось. Земля вокруг городских стен была испещрена рытвинами и усеяна стрелами собирать которые никто не спешил.

Едва наш отряд оказался внутри, городские ворота захлопнулись. Увы, армия Горанга готовилась встретить припозднившуюся армию Ремвида и выдержать осаду. Проезжая мимо новых постов, состоящих из горанцев, ловила на себе любопытные и восхищённые взгляды. Как вскоре пояснил Санаминэль — устроенное мной представление ребятам понравилось.

Кстати, это же представление полностью изменило намеченный ход событий.

Изначально планировалось, что пока маги наводят иллюзию, заставляя ремвидцев тратить боеприпасы, горанское войско будет благополучно отсыпаться, а на рассвете, со свежими силами помчится к стенам и начнёт настоящий штурм. Но устроенное шоу истощило запасы не только оружия... Увидав свежее войско, защитники столицы передрались между собой и, в результате, сдали город без боя.

Король Ремвида с горсткой приближенных пытался сбежать через тайный ход, но за время пребывания в столице, Рогор все ходы разнюхал и беглецов встретили распахнутые объятия горанских головорезов. Пленённый король готовится к транспортировке в Горанг, а в столицу Ремвида уже мчатся представители горанской аристократии во главе с наместником.

Мирное население встретило захватчиков спокойно. Повиновалось, как стадо овец. А Рогор хоть и собирался устроить им Армагеддон местного масштаба, погромы запретил. Даже местную аристократию не грабили — просто изымали ценности в пользу короля Горанга.

Под этот рассказ, я усиленно крутила головой, стараясь рассмотреть город из-за стены окружения. Он и впрямь был особенным: каменные дома с медными и железными крышами, аккуратные фасады, ровные дороги. Ничего общего с самим Ремвидом, будто город из другой эпохи, другого культурного слоя. Горожане от нас шарахались и прятались по переулкам, так что «город в лицах» так и не увидела.

Деревенский здоровяк тоже вертелся, но восхищения на его лице не было. Всё верно: единственный приличный город на всю страну — повод для горькой печали, радоваться нечему. Мне отчего-то вспомнилась родная Москва, часто на неё глядят так же.

В конечном итоге я догадалась, что путь наш лежит во дворец. Эта белокаменная махина возвышалась над городом на добрых двадцать метров, протыкала небо шпилями. Но казалась скорее оборонительным сооружением, крепостью. Увы, моего восхищения этот замок не вызвал. В таких если и обитают принцессы, то очень — очень страшенькие.

Зато сад, через который лежала дорога к парадным воротам замка, очаровал. Изумрудно — зелёные газоны, деревья идеальной формы, два фонтана, тонкие, будто посыпанные снегом дорожки. В качестве музыкального сопровождения — трели птиц, вместо скульптур — композиция из живых павлинов. Красота!

На задворках сада притаился небольшой домик с башней и крышей в виде конуса. Не знаю почему, но сразу признала в нём храм. И тут же обратилась к Санаминэлю:

— А что с архиепископом?

Маг недовольно сощурился, ответил:

— Ищем.

Невольно задрожали коленки, только даже каверзный старик испортить настроение не смог... Мы подъехали к главному входу в замок, на вершине парадной лестницы стоял Рогор и неотрывно смотрел на меня.

Чёрт! Он всё-таки хорош. Нереально хорош. Высокий, мощный, величественный. С гордым, острым взглядом и чёрными, как смоль, волосами.

Даже когда лежал при смерти, потел, как загнанный конь и пах немногим лучше скунса, всё равно был прекрасен! Кажется, с той поры минула вечность. Ещё кажется, что именно тогда в него и влюбилась.

Едва я спешила, на плечо легла тяжелая рука Косаря. Рогор не замедлил прокомментировать этот жест едкой ухмылкой. А как только мы поднялись по лестнице, заявил бесцветно:

— Я нашел твою дверь, Настя.

Настроение сразу сдулось, а улыбка, которой приветствовала главнокомандующего армии Горанга, осталась фальшивой декорацией на губах.

Чёрт, ну почему в моей сказке всё так печально? Мне казалось, после успешного штурма меня будут носить на руках, одаривать нежными поцелуями...

— Пойдём, — непререкаемым тоном заявил он и заспешил вглубь замка.

Косарь сжал мою руку, мол — мужайся, и потащил следом за Железным воином.

Роскошные коридоры слились для меня в единое, невразумительное пятно. Каждый шаг, каждый отголосок шага, казался ударом топора по моей хлипкой шее.

Коридор вильнул, мы очутились во внутреннем дворике. Здесь не было ни ухоженных деревьев, ни газонов, ни павлинов. Только каменные стены колодцем и обитая металлом дверь. Дверь, о которой мечтала, к которой стремилась всё это время.

Я уже продумала разговор с блондинкой, мысленно приготовилась к её крикам и угрозам. Вообразила, как покину апартаменты фешенебельной фифы и помчусь к родителям. Разговор с ними и Наткой тоже продумала. Я ждала этого момента с замиранием сердца, с потаённой радостью. Особенно в минуты, когда недоразвитый мирок Рогора отвечивал затрецины и пинки.

Но теперь, стоя перед заветной дверью, мне было так неудобно... И пить вдруг захотелось, и есть, и в туалет сходить не помещает. И выспаться.

— Настя? — Рогор вопросительно уставился на меня.

Язык чесался ответить фразой известного персонажа: «Славик, чёто я... побаиваюсь», но говорить не пришлось, Рогор и сам понял. Вот только голос прозвучал жестко:

— Настя, доставай ключи.

Я всерьёз смутилась.

— Не могу. Они спрятаны в таком месте... В общем, чтобы их достать мне нужно уединиться. — И глядя на взлетевшие брови Железного воина, спешно пояснила: — Это вовсе не то, что ты подумал! Я их к бюстгальтеру пришила, сбоку!

Теперь смутился Рогор, а Косарь неожиданно растерял весь страх и набросился на него едва ли ни с кулаками:

— Ты что себе позволяешь, горанец? Не видишь разве — она не готова! Ей нужно отдохнуть, собраться с мыслями. И вообще... может Настя передумала.

— Надеешься, она захочет остаться здесь? — насмешливо отозвался Рогор. — Вернётся с тобой в деревню?

— А что ты имеешь против нашей деревни?! — зашипел вешенец.

Пресекать взывавший патриотизм пришлось мне:

— Рогор. Я действительно не готова. Давай отложим мой переход на завтра?

Меня смерили крайне холодным взглядом, отступить главнокомандующий не умел:

— Что от этого изменится?

— Как заметил Косарь, мне нужно собраться с мыслями. Подготовиться... морально.

Было видно с каким трудом Рогор сдерживает злость. Он даже покраснел, а ноздри начали зловеще раздуваться.

— Хорошо, Настя.

В следующую секунду я снова мчалась по коридорам замка, но на этот раз за руку тащил Рогор. Недовольный и не слишком сдержанный в выражениях Косарь топал следом.

Мы миновали несколько поворотов и оказались в крыле, где расположились горанские воины. Под удивлёнными взглядами, Рогор с яростью толкнул одну из дверей и втащил меня внутрь. Дверь тут же захлопнулась, едва не прищемив нос Косарю.

Мы очутились в спальне. Огромной, как президентский люкс, и до неприличия роскошной. Стены, задрапированные золотистым шелком, окна обрамлённые ало — золотыми гардинами, золотые бра, резная мебель. Ну и кровать размером со стадион. Я аж споткнулась.

Рогор резко остановился и развернулся. Навис надо мной грозовой тучей, в глазах колыхалась тьма. От осознания того, что может случиться, меня обуял ужас, ноги начали подгибаться.

Нет, Железный воин не собирался укладывать на королевское ложе и осыпать поцелуями. На женщину, которую желают, смотрят иначе. А он глядел как скинхед на гота, даже чуточку хуже. Перед глазами вся жизнь пронеслась.

Чёрт, ну почему я не открыла ту дверь? Чего, спрашивается, испугалась? Тут в тысячу раз страшнее.

Горанец остыл так же быстро, как разъярился. Глаза неожиданно потухли, угрожающе широкие плечи опустились. Помедлив, сказал:

— Не думай, я не гоню тебя. Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь. Если решишь и впрямь поселиться в нашем мире — буду только рад. Я уже говорил, тот мир не для тебя.

Ого! А что же за буря только что пронеслась над головой? Впрочем, есть вопросы, ответы на которые лучше не знать.

— Я уйду завтра. А сегодня хочу попрощаться с Косарем, мы провели много времени вместе и будет неприлично...

— Нет.

— Извини, не поняла.

— Наедине с Косарем ты не останешься, — спокойно ответил Рогор.

Инстинкт самосохранения подсказал — возмущаться сейчас не стоит. Поэтому спросила очень тихо и осторожно:

— Почему?

— Такое общение компрометирует тебя.

— Но он мой друг. Да и какая разница, если завтра я исчезну?

— Наедине с Косарем ты не останешься, — повторил Рогор уже злее. — Общаться будете только в присутствии Санаминэля.

Я не удержалась:

— То есть общество одного мужчины меня компрометирует, а с двумя — никакого криминала?

На щеках главнокомандующего вспыхнули багровые пятна, глаза презрительно сузились.

— Маги не приемлют женщины.

— Геи что ли? — удивилась я. Ни один из виденных магов подобных подозрений не вызвал.

— Кто такие геи? — переспросил Рогор.

— Ну... мужчины, которых привлекают... другие мужчины.

Лицо горанца будто окаменело. Я отступила на шаг, опасаясь очередной вспышки гнева. Но когда к Рогору вернулся дар речи, его голос прозвучал совершенно буднично:

— Только им такой вопрос не задай ненароком. Маги хранят целомудрие всю жизнь. Связь с женщиной для них позорна. К тому же за неё казнят.

— Почему?

— При контакте с женщиной, — со вздохом отозвался Рогор, — маг теряет часть своей силы.

— Бедненькие, — не удержалась я и тут же схлопотала суровый взгляд. — Но казнить-то зачем?

— Чтоб другим неповадно было!

— А... А причём здесь моя репутация? Если думаешь, что я не заметила, как ты увильнул от ответа...

— Это не обсуждается! — отрезал горанец.

Ладно, ладно... только не ори, пожалуйста. А вообще, я полагала, Железный Рогор может позволить себе говорить правду. Почему не признаешься, что желаешь быть в курсе наших разговоров? У нас с Косарем секретов нет.

И ещё, у меня такое чувство, что ты пытаешься натравить Косаря на мага. Брежу, да?

— Если это всё, вот твоя комната.

Перст Рогора указал на маленькую дверку в глубине спальни, а я уже устала удивляться внезапным бзикам главнокомандующего. Страх тоже потеряла.

— Спасибо. Но я хотела бы погулять по городу.

— Нет! Ты разве не понимаешь насколько это опасно? Город подчиняется нам только формально. В любой момент может вспыхнуть бунт. Я даже под охраной тебя не отпущу.

Я глухо застонала и закатила глаза. Ну кто решится напасть на вооруженных горанцев?

Рогор будто мысли прочитал:

— Врагам не обязательно нападать открыто. Вас могут отравить в каком-нибудь трактире, например.

О... Всего пару дней назад считала, что это я — параноик! Чёрт, вот в чём, а в этом Рогора никто не переплюнет!

— Ладно. Тогда по замку пройдусь.

— Нет!

Я глупо хлопала ресницами, а Рогор багровел.

— В замке тоже опасно, — благоволил объяснить он. — Пока мы проверили только один этаж, и только это крыло находится под контролем. Но даже по нему гулять не советую.

— Почему?

— Кругом войны. Ты скомпрометируешь себя.

— Опять? — выпалила я, но Рогор и бровью не повёл. — Значит, единственное безопасное место — это вон та кладовка?

Я ткнула пальцев в указанную главнокомандующим дверь.

— Всё верно.

— Я что, в плену?!

— Нет. Ты под надзором, — рявкнул Рогор. Зыркнул чернющими глазами и снова указал на кладовку. — Иди.

Я не шевелилась.

Чтобы смотреть главнокомандующему в глаза приходилось задирать голову, а когда смотришь снизу вверх, гневного взгляда ну никак не получается. Максимум — суровая мольба.

— Настя, я всё сказал. К тому же, это не кладовка. Это комната кормилицы, как понимаю.

— Ты собираешься меня запереть? — прошипела я. С тем же успехом котёнок может возмутиться на взрослого бойцового ротвейлера.

Рогору выяснения порядком надоели, спорить он не стал. Просто схватил за руку, подтащил к дверце и, пнув створку ногой, закинул меня внутрь. Я пролетела пару метров, запнулась и растянулась на кровати.

Комната оказалась чуть больше стандартного купе, так что, назвав её кладовкой, я не ошиблась. Половину пространства занимала кровать модели «мечта садиста»: до того жесткая, что даже от одного взгляда на неё кости ломит. Ещё четверть — письменный столик. Оставшийся пяточок был застелен умильным ковриком с растительным узором. Свет лился из единственного, крошечного окошка под потолком. От тюремной камеры комната отличалась только наличием шёлковых «обоев» на стенах.

Прежде чем я успела поддаться панике, в каморку ввалился Косарь, за его спиной маячил Санаминэль.

Я развела руками и не удержалась от едкого комментария:

— Да вы проходите, не стесняйтесь! Чувствуйте себя, как дома! Косарь, садись на кровать, она настолько жесткая, что не сможет скомпрометировать даже если разденемся!

Кажется, снаружи кто-то неодобрительно рыкнул.

Мне всегда казалось, что готова расстаться с Косарем в любой миг — только дверка откроется, сразу выпорхну и забуду о нём. На самом деле, просто не верила, что однажды действительно представится возможность уйти. Стремилась, но не верила.

Теперь смотреть на вешенского громилу без слёз не могла. Косарь вёл себя гораздо сдержанней, будто наша разлука ничего в его жизни не изменит.

Я нарушила тишину первой:

— Домой вернёшься?

— Ну... Мне тут парни предлагали...

— Неужели под копьё встанешь?

— Возможно, — со вздохом отозвался Косарь. После долгой, тяжелой паузы, пояснил: — Что дома делать? Рыбу в город возить?

— Но ведь раньше тебе нравилась такая жизнь, — зачем-то напомнила я.

— Раньше всё было по — другому. Теперь... Представь: полдня в дороге. Один.

Я выжидательно молчала, хотя уже догадывалась, к чему клонит вешенец.

— Полдня мыслей о тебе. Об урожае репы или будущем улове думать уже не смогу. Да и толку об этом думать? А в войске думать некогда. То в бой, то костёр на привале развести нужно, то ещё какая-нибудь напасть. Нет, не вернуть в Вешенку.

— Но ты даже не попрощался...

— Ну... разве что это. Вернусь, попрощаюсь, и пойду под знамя Рогора. — Последние слова Косарь произнёс с особой горечью, скосил взгляд на мага, будто присутствие того мешает сказать нечто очень важное.

Совість подсказывала: нужно утешить парня, объяснить, что он мне тоже небезразличен. Соврать, мол: для меня ты больше, чем просто друг и если бы не обстоятельства... Но нужные слова упрямо обходили язык. Я только бляяла и мычала.

— А ты там это... Ахмеду привет передавай, если встретишь...

— А ты — вешенцам... И извинись за меня, что не попрощалась. И перед Любкой извинись... за то, что одежду украли, платье испортили...

Косарь демонстративно фыркнул.

Так и сидели до вечера, соревнуясь у кого язык приморожен лучше.

Маг Санаминэль ни на мгновение одних не оставил. Ему было искренне плевать на красноречивые взгляды и глупость ситуации в целом. Зато маг оказался единственным, кто вспомнил, что людям иногда нужно есть. Именно благодаря Санаминэлю мы отобедали и отужинали, здесь же, в каморке.

Когда солнце закатилось и в каморке воцарился мрак, к нам заглянул Креатин. Помялся, постеснялся, пролепетал что-то о прощании и ушёл. Вслед за ним пришлось уйти Косарю с Санаминэлем. Напоследок маг сказал:

— Не обижайся на Рогора. Он волнуется за тебя. А это... — Санаминэль обвёл взглядом кладовку, — самое безопасное место во всём Ремвиде.

Меня такие слова, естественно, не утешили. А щелчок запираемого снаружи замка — просто взбесил.

Чёрт, всё не так! Казалось бы, в параллельном мире всё должно быть иначе — лучше, проще, веселее. А на деле — те же несуразицы, которыми полна обычная жизнь. Даже мой черноглазый «принц» ведёт себя несуразно: сперва гонялся за мной по всей стране, потом послал, а выяснив, что послал зря... остался холодным и чужим. Где логика?

Нет, бежать отсюда нужно, пока мозг не лопнул.

Я извлекла из заначки связку ключей, всплакнула от обиды и провалилась в сон.

Проснувшись от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Сердце глухо ухнуло, по телу побежали мурашки, фантазия услужливо нарисовала образ человека с ножом, уже занесённым над моим незащитным тельцем.

Я распахнула глаза, и вместо крика из горла вырвался изумлённый вздох.

Комната утопала в предрассветном мраке, а на фоне этой серости, прислонившись к стене, стоял Рогор. От неожиданности горанец вздрогнул и попытался сбежать, но быстро осознал глупость своего порыва.

— Ты хотел о чём-то поговорить? — услужливо подсказала я.

Разговаривать горанец явно не собирался, но отвертеться уже не мог.

Я запоздало сообразила, что устроила пакость не столько ему, сколько себе — по утрам только сказочные принцессы блещут красотой, а я, обычно, похожа на кикимору. А если учесть, что последние две недели во рту даже воспоминаний о зубной пасте не было... Чёрт, ну кто меня за язык тянул?

— Да, хотел...

Рогор осторожно присел на край кровати, вздохнул. Он казался подавленным.

— Настя, я знаю, наш мир принял тебя не слишком дружелюбно... Но может ты останешься?

— Я не раз задавалась этим вопросом.

— И?

— Не вижу смысла, — честно призналась я. — Здесь я — никто. Я никому не нужна и практически бесполезна. Дома я тоже никто, но там, по крайней мере, знаю чего ожидать, на что рассчитывать.

— Издеваешься? — с усмешкой отозвался Рогор. — Или набиваешься на комплемент?

Я вопросительно приподняла брови, а главнокомандующий продолжил бесцветно:

— Ты отлично знаешь о своих преимуществах, Настя. Ты мыслишь иначе, чем мы, хотя мыслить, как мне кажется, боишься. Ещё обладаешь магической силой. Не знаю откуда у тебя этот талант, но с ним ты можешь претендовать на очень высокую роль в нашем обществе, подняться до невиданных высот. Если захочешь.

— Нет, Рогор. Ничего ты не понимаешь. Я примитивная девчонка.

— Поясни.

— Я неправильная. В моём мире рассказывают много историй о девочках и мальчиках, оказавшихся в другой реальности. Каждый из них выходит из схватки невероятно крутым кексом, а я... остаюсь прежней Настей. Скромной неудачницей.

— Ты обставила главнокомандующего армией Горанга, этого мало?

— Это случайность. Халява.

— А управление иллюзией? Ты держала иллюзию всю ночь, даже наш архимаг не способен на такое.

Ну что ответить? Признаться, что моей заслуги в этом нет, что виной всему кольцо и кто-то, сроднившийся с моей личностью? Нет, признаться в этом не смогу даже под дулом пистолета.

— Это тоже случайность, Рогор. Я обычная девушка и моё место там, по ту сторону двери.

Рогор смерил странным взглядом, нахмурился.

— Останься, — глухо выдохнул он.

— Зачем? Ради чего?

— Ради меня.

Я видела и чувствовала — эти слова дались горанцу очень непросто. Наверное, мне следовало растаять, но мозг вдруг заартачился, потребовал логичных объяснений:

— Рогор, я не понимаю твоих мотивов. Сперва ты гонялся за мной по всему Ремвиду, после решил проявить благородство и оставить в покое. А когда сама пришла в твой лагерь — чуть ли ни пинками гнал.

Горанец молчал долго, я даже смирилась с мыслью, что никогда не услышу ответ.

— Всё складывается не так, как должно, — прошептал он. Глаза и без того чёрные, превратились в бездны. Следующие слова немного обескуражили: — Я люблю тебя, Настя. Я влюбился сразу, как только увидел. Ты непохожа на наших женщин, ни на кого не похожа. Я выжил только благодаря желанию вытащить тебя из Вешенки.

— Что?!

— Ты относилась к вешенцам, как к друзьям. А я, лёжа в доме старосты, слышал

разговоры, которые велись за твоей спиной.

Я вперила в Рогора хмурый взгляд. Настроение горанца ой как не нравилось.

— Ты ничего не знала о нашем мире, Настя. Глядела на него с восторгом пятилетнего ребёнка и свято верила в добро. Я должен был защитить тебя от правды. Помнишь, я приходил в избушку? Я шел с намерением избавиться от иллюзий. Но когда переступил порог твоего дома — не смог. Смалодушничал. Только на миг представил, что ты навсегда исчезла из моей жизни и... Я решил забрать тебя с собой.

Когда в гости заявила та женщина, твоя сестра, я убедился в правильности своего решения. Но осуществить его не успел, ты сбежала. Я знал, чем это чревато и гнался в надежде, что успею перехватить тебя прежде, чем увидишь истинное лицо нашего мира. И снова не успел. Ты изменилась, сломалась.

Последние слова прозвучали как упрёк, и хотя была во многом согласна с Рогором, возмутилась:

— Да неужели?

— Да. Ты теперь другая. Но я всё равно не могу отказаться от тебя, Настя.

— Зато я могу.

— Что? — удивился горанец.

Нет, ну а на что рассчитывал этот черноглазый демон? После таких-то слов!

— Ты тоже изменился, Рогор. Раньше был нахальным, но прикольным. А сейчас — унылый неврастеник.

Он размышлял пару секунд, после кивнул.

— Так бывает, когда мечты рушатся.

Мне казалось, нам больше не о чем говорить, а стена, возникшая между нами, не дрогнет, даже если рядом атомная бомба упадёт.

— Настя, я люблю тебя, — глядя поверх моей головы, повторил Рогор. — И сделаю всё, только бы ты была счастлива. Если по — прежнему хочешь вернуться домой, я помогу. Если передумаешь, буду носить на руках до конца жизни.

За холодным спокойствием Рогора скрывалось столько чувств, столько страсти, что сердце пропустило удар, а голова пошла кругом. Чтобы не растерять остатки разума, зажмурилась. И отчётливо осознала — я понятия не имею, как поступить.

Но одно событие должно случиться вне зависимости от моего решения.

— Рогор, переход может быть опасен. Я не знаю, чем встретит родной мир. А здесь нам грозит ещё одна битва с армией Ремвида...

— Чего ты хочешь?

— Отослать Косаря.

— Косарь не уйдёт, пока не уйдёшь ты.

— Я знаю, как его убедить.

В этот раз кроме Рогора и Косаря, во дворе присутствовал добрый десяток горанских воинов. Они расположились полукругом, ладони на рукоятках мечей. В любой миг готовы броситься на обидчика и убить. Предрассветный сумрак предаёт воинам особый, зловещий шарм. Прохладный утренний ветерок треплет волосы и полы плащей.

Косарь выглядит потерянно, но из последних сил делает вид, будто ничего особого не происходит. Я, одетая в превосходное синее платье работы местных мастериц, стою напротив и пытаюсь не разреветься.

В голове пугливо мечутся мысли: я должна отпустить его сейчас, иначе, если что-то пойдёт не так, вешенец вступится и пострадает, а у меня нет права втравливать друга в новые неприятности. Его жизнь не раз висела на волоске по моей милости, если Косарь снова пострадает — я этого не переживу. Он должен уйти из замка с уверенностью, что я навсегда исчезла из их мира.

Я вплотную подошла к Косарю, привстала на цыпочки и обняла за шею. От неожиданности вешенский здоровяк вздрогнул, опомнившись — притянул к себе. Крепкий мужской запах щекотнул ноздри, но я не обратила внимания. Для меня Косарь всегда будет пахнуть морем. Я прошептала:

— У меня никогда не было такого друга, как ты. Я никогда тебя не забуду.

— Останься, — чуть слышно шепнул он.

— Не могу. Прости меня, Косарь. Прости за всё. Я очень, очень тебя люблю.

Слёз всё-таки не сдержала. Уткнулась лицом в его грудь и заревела в голос. Тяжелая рука парня нежно погладила по волосам.

— И я... люблю тебя. И если однажды ты передумаешь... Настя, я буду ждать.

Я заревела громче, крепче вцепилась в Косаря. Показалось — ещё немного и сердце не выдержит, разорвётся на части.

— Косарь. Косарь, прости меня! Прости!

— Не надо, не плачь, — шептал парень, прижимая крепче. — Всё будет хорошо, Настенька.

Сколько мы так стояли — не знаю. Если бы Косарь сам не отстранил и не подтолкнул к двери, я бы ни за что его не отпустила. А так... на дрожащих ногах приблизилась к створке, вытащила из кармана связку и вставила ключ в замок. Под аккомпанемент колотящегося сердца, провернула на два оборота. Замок глухо щёлкнул.

Бросив последний взгляд на Косаря, приоткрыла дверь и скользнула внутрь. Ещё два поворота ключа и снаружи прозвучал строгий голос Рогора:

— Всё.

Я отчаянно надеялась, что мои всхлипы не слышны, иначе вешенец опомнится и сообразит, что стою сейчас не в логове блондинки, а в начале очередного замкового коридора и сжимаю в руке обычный ключ, который милостиво раздобыл Рогор.

Но ничего подобного не случилось. Об опасностях перехода, которые я много раз описывала, Косарь тоже не вспомнил.

Через несколько минут в дверь постучали и голос главнокомандующего приказал:

— Выходи, Настя.

Я подчинилась не сразу — руки всё ещё дрожали, слёзы по — прежнему застилали

глаза. Сама себе казалась такой жалкой и никчёмной, что выть хотелось.

Да, завидев меня, блондинка порадует. А ведь я планировала быть с ней строгой и жесткой. С зарёванным лицом дерзить будет сложно.

Кажется, Рогор хотел отчитать за слишком близкое прощанье, но увидев подавленный заготовленной речью, лицо смягчилось.

— Ушел? — на всякий случай уточнила я.

— Да. Стрелой улетел.

— Ладно, не будем терять время.

Я окинула дворик взглядом: воины никуда не ушли, терпеливо ждали распоряжений Рогора. Вместо главнокомандующего сказала я:

— Вы уже видели, как действует оружие моего мира. Так вот, за дверью может ждать засада. Если что — падайте на землю и молитесь.

— Настя, — вмешался Рогор, — мы без тебя знаем, что делать. Открывай дверь.

Он был абсолютно, тотально спокоен. Жаль, мне это спокойствие не передалось. Пальцы ходили ходуном, ноги подгибались. Когда ключ вошел в замочную скважину, я была на грани обморока, но боялась не за себя. Я-то своё в любом случае получу. Не сейчас, так позже, блондинка ноги с мясом вырвет, и глаза до задней стенки черепа расцарапает... Но моё наказание, по крайней мере, заслужено.

Первый щелчок замка поставил на грань инфаркта. Я упёрлась ладонью в обитые металлом доски и замерла. Нет, не могу.

После нескольких тяжелых мгновений, Рогор велел:

— Отойди.

Я подчинилась инстинктивно.

— И соберись, — рыкнул горанец, буравя взглядом. Таким же чёрным, как вся моя жизнь.

Повинуясь приказу, постаралась дышать глубже. Прохладный, чистый воздух, увы, не отрезвлял, наоборот — пьянил. От внезапной мысли, что вот — вот снова окунусь в загазованный мир «высоких технологий» стало совсем дурно. Ещё, некстати вспомнились проблемы с законом, с квартирой...

За своими переживаниями, не заметила, когда замок щёлкнул во второй раз. Не обратила внимания, как связка ключей скрылась в кулаке главнокомандующего горанской армии. И, естественно, не увидела, как лучники, расположившиеся в окнах дворика — колодца, натянули тетивы.

— Эй, выходи! — позвал Рогор. Его голос прозвучал совершенно нейтрально. Тем, кто знаком с горанцем давно, он бы показался дружелюбным.

Я не знаю, что заставило выдохнуть и выпрямить спину, но когда в дверном проёме показалась блондинистая голова и пышный бюст, я походила на нищую, но безмерно гордую аристократку.

— Так... — протянула блондинка. — Так...

Чёрт! Бывают ведь такие... Не женщины, а именно Женщины! Не принцессы — Королевы!

Невзирая на ранее утро, бывшая владелица волшебной связки выглядела ослепительно. Волосы тщательно уложены, глаза и губы чуть подкрашены, великолепную грудь подчёркивает белая маечка с очень откровенным декольте, а шортики шириной с пояс, делают и без того красивые ноги умопомрачительными. Довершали образ открытые туфли

на высоких каблуках, от одного взгляда на которые хотелось удавиться от зависти.

Блондинка без стеснения и страха вышла за порог, окинула дворик холодным взглядом. Мне уделила внимания не больше, чем окружившим дверь воинам.

Она не сказала, пропела райской птичкой:

— Рогор! Сколько лет, сколько зим!

Грациозной кошкой скользнула к нему и повисла на шее.

Отряд, призванный защищать от иномирной угрозы, опешил. Как и я.

— Здравствуй, — с усмешкой откликнулся Рогор. — Так ты и есть главная колдунья Ремвида? Вот уж не думал...

Зачем он врёт? Он же знал! Он видел её в моих воспоминаниях!

— Не главная, — расцвела блондинка в ответ. — Единственная! Впрочем, как понимаю, теперь я служу не Ремvidу, а Горангу?

Вслух Рогор ничего не сказал, но его лицо было красноречивей любого рекламного плаката. Я превратилась в столб. И именно в тот миг, когда сердце начало сползать в желудок, блондинка отцепилась от главнокомандующего и обратила весь шарм против меня.

— Настя! Дорогая! Ты ужасно выглядишь!

Звонкий, размеренный цокот каблучков и сияющая кобра оказалась рядом. Нас разделяет единственный шаг и даже бог не знает каких усилий стоит смотреть ей в глаза.

— Настя... Настя, Настя... Девочка моя...

Я невольно сглотнула. Получилось громко, даже слишком. Кажется, мой страх услышали все, даже лучники в окнах и голуби на крыше самой высокой башни.

— Ты доставила мне столько хлопот! — брови блондинки приподнялись, на несколько мгновений на лице застыло стандартное выражение любой манерной фифы — «Нет, ну ты предста — авляешь?!». Желая подчеркнуть мою ничтожность, блондинка вытянула руку и переключилась на свой маникюр. — Я чуть не свела с ума своего психоаналитика. А всё почему?

— Почему? — по инерции повторила я.

Губки собеседницы скривились в брезгливую улыбку. Кажется, будь я дерьмом, посмевающим приклеиться к её каблучку, на меня смотрели бы раз в сто лучше.

— Потому что я добрая. — Я подавилась вздохом, а блондинка продолжила, как ни в чём не бывало. — Решила дать тебе время насладиться великолепием западного побережья. А знаешь что обиднее всего?

— Что?

— Ты оказалась неблагодарной тварью! — взревела блондинка.

Рука с идеальным маникюром взметнулась вверх, но ударить не успела — вмиг подскочивший Рогор перехватил запястье.

— Как это понимать? — прорычала белокурая красотка.

— Как хочешь. Только Настю не трогай.

— О... И по какому поводу ты встал на её защиту?

Рогор не ответил. И руку моей собеседницы не отпустил.

У меня снова начали подгибаться ноги, уши вспыхнули факелами.

— Рогор? — брови блондинки вновь оказались на середине лба. — Неужели ты польстился на... на это?

— Прекрати балаган.

— Балаган? Рогор, ты всерьёз защищаешь эту девчонку? Попробуй встать на моё

место! — голос белокурой колдуньи исполнился искреннего возмущения. — Я дала ей возможность насладиться морем, а когда приехала забирать ключи...

— Как ты узнала мой адрес? — встряла я.

В меня упёрся взгляд полный холодной ярости и величайшего презрения. Блондинка даже носик поморщила, прежде чем ответить.

— Настя, я всегда знала твой адрес. Просто не сразу поняла, что ты — та самая девчонка. Видишь ли, в подобные совпадения даже колдуньи не верят.

— Стоп. Ты можешь объяснить?

— Зачем?

— Напоследок, — в моём признании не было ни капли лукавства. И блондинка это поняла, ответила, сощутив глазки:

— Как по — твоему, откуда у меня этот ключик взялся?

— Откуда? — глупо переспросила я.

— Ох... простота ты моя деревенская! — рассмеялась блондинка. — Теперь понятно почему ты так за этот ключ сражалась! Тебе Вешенка понравилась!

— Объясни! — выпалила я и тут же потупилась.

— Мне этот ключ бабушка передала. Вы с ней знакомы, между прочим. Она соседкой тебе приходится.

Чёрт, я что-то подобное подозревала, но в моей голове этот пазл категорически не складывался.

— Так вот... Когда-то давно Мария Петровна купила для бабы Саши новый замок. Когда слесарь ушел, баба Саша проверила все связки и обнаружила, что не всё так просто. Она поделилась историей с соседкой, они ведь дружили... Та снова побежала в хозяйственный и, вопреки закону подлости, ей тоже попался замок с секретом. Наши старушки жили на два мира. Твоя близ Вешенки, моя в столице. А потом Мария Петровна поняла — не по силам ей такая жизнь, старовата для серьёзных дел. И подарила ключ, вместе с дверью, конечно, мне.

— Пять лет назад?

— Именно! Догадливая ты моя.

— Ты испугалась конкуренции и попросила Марию Петровну выкрасть ключ моей бабушки?

— Снова угадала. Ещё один ключ, если тебе интересно, добыла сама. И снова в нашем мире. Представляешь?

— А остальных колдунов...

— Ты про указ архиепископа? Так его ещё Мария Петровна заказала, — просияла блондинка. — Она попросила не трогать вешенскую колдунью, оставила её как запасной вариант.

— Потом Мария Петровна выкрала ключи, поругалась с бабой Сашей, а ты начала зарабатывать деньги на долгую и счастливую жизнь, — прошептала я.

— Верно. А когда потеряла связку...

— Тебе позвонила Мария Петровна и рассказала о моём странном поведении. И ты решила дать мне возможность «отдохнуть». На самом деле, просто издевалась, зная, что ключи в безопасности и забрать их можешь в любой момент. Но зачем тогда пыталась подстроить встречу в кафе?

Блондинка расцвела, кокетливо вздохнула.

— Обычная встреча казалась слишком банальной.

— Ещё одна издёвка, — перевела я.

— Ну... — собеседница и не пыталась отрицать.

— Ты фактически убила бабу Сашу. Она зачахла, потеряв возможность выходить к морю.

Белобрысая снова вздохнула, кокетливо повела плечиком. Сказала равнодушно:

— Ну что теперь поделаешь.

Мне отчаянно захотелось вцепиться в румяное личико, разодрать идеальную кожу в клочья.

— Но я оценила твоё рвение и смелость, Настя! — слова звучали фальшиво. Она не гордилась, оправдывалась за проявленное милосердие. — Пока ты наслаждалась этим миром, я решила твои проблемы. Теперь ты чиста перед законом, а квартира опечатана прокуратурой, на твою сестру завели уголовное дело. Попытка захвата чужой собственности и угрозы — дело нешуточное.

— И Мария Петровна свидетельствовала против Натки...

— А ты догадлива! — рассмеялась белобрысая, отступила. — Итак! Все загадки решены! Все конфликты улажены! Настя...

Собеседница широким жестом указала на дверь и тут же добавила:

— И ключи отдать не забудь.

Я бросила короткий взгляд на Рогора. Главнокомандующий оставался невозмутим, как мраморная статуя. Всё ясно.

Чёрт, как раньше не догадалась? Ни один приличный военачальник не откажется от возможности заполучить лучшее оружие в мире. Перед такими перспективами любые обещания и клятвы — тлен.

Вот и блондинка сразу сообразила. Ей поражение Ремвида даже на руку: Ремвид — мирная страна, а Горанг воюет постоянно, горанцы купят в разы больше. Обсыплют её золотом и брюликами, ещё и в одно место поцелуют.

Что ж, она заслужила. А дурочкам вроде меня, даже на обочине жизни местечко не всегда найдётся.

На негнущихся ногах подошла к распахнутой двери, заглянула. Что и следовало ожидать — роскошная, гигантская квартира. Мебели немного, зато пол устелен шкурами, а каждая безделушка сверкает бриллиантами. Даже от бетона веет дороговизной. Фасадная стена из стекла, далеко внизу копошится город, освещённый тусклым утренним светом. Да, такие как эта, часто взбираются повыше — удобнее плевать на остальных.

Но сейчас меня занимал вопрос никак не связанный с изысками жилища и нравами его хозяйки:

— Кстати, а откуда ты знаешь Рогора?

Вместо блондинистой кокетки ответил горанец:

— Я провёл в столице Ремвида всю зиму. Тут и познакомились.

Всё ясно, ещё один минус к моему и без того проигрышному счёту. Как говорится: я с тобой уже давно знаком, а этого кота в первый раз вижу...

— Настя? — вновь заговорил Рогор. — Что ты решила?

Вопрос горанца прозвучал как гром среди ясного неба и оглушил, кажется, не только меня. Прежде чем блондинка успела взвыть, я отрицательно покачала головой и сделала несколько шагов в сторону, подальше от чёртовой двери.

— Рогор?! Рогор, что здесь происходит?! — закричала бывшая колдунья. — Какого ...?!

Отпусти меня! Ты ведь не собираешься...

Блондинка упиралась отчаянно, но проще пересилить тягач, чем Рогора. Без лишних сантиментов, не проронив ни звука, горанец затолкал длинноногую фифу в фешенебельное жилище и запер дверь. Когда только успел ключи достать?

Я и раньше особой подвижностью не отличалась, теперь же и вовсе застыла соляным столбом и вытаращила глаза.

— Чему удивляешься? — улыбнулся Рогор.

Боже... это была самая прекрасная улыбка на свете!

Ещё поняла: как большинство людей, я всегда мечтала о чуде, но до сего момента не верила, что чудеса действительно случаются.

— Рогор, я...

Я не успела сказать. В крошечный дворик ворвался растрёпанный Санаминэль.

— Рогор! Как ты посмел?! — прокричал маг. В его голосе не было даже намёка на почтение. — Ты не имеешь права отпу...

Санаминэль заметил меня и осёкся.

— Не имеешь права на что? — уставившись на Рогора, спросила я.

Горанец покраснел, стиснул зубы. На щеках вздулись крупные, уродливые желваки.

— Твои ключи, Настя, — прохрипел он, протягивая связку. — Пойдём.

Нас провожали заинтересованные взгляды воинов и пышущий злобой Санаминэль. Увы, пояснения к этой картине не требовались.

Когда мы вновь переступили порог роскошной спальни, я, вопреки собственным желаниям, не расплакалась и не упала в обморок от страха.

— Рогор, ты не собирался меня отпустить?

— Собирался, просто...

— Просто ты получил два взаимозаменяющих приказа.

Горанец кивнул и поплёлся к небольшому столику у изголовья кровати, на котором возвышалась бутылка с красной жидкостью и одинокий бокал.

— Король велел добыть новое оружие, — вслух рассуждала я. — А маги попросили оставить меня в качестве подопытной лягушки.

— Что? Какой лягушки? — голос главнокомандующего окончательно охрип, взгляд потерял прежнюю остроту. И что-то подсказывало: дело не в алкоголе.

— Когда в нашем мире появляется нечто необычное, его, как правило, хотят разрезать на кусочки и досконально изучить.

— Маги не собираются тебя резать.

Мда... Объяснить идиому — не улицу перейти.

— Рогор, почему ты не сказал?

— Я сказал. Я сказал, что всё должно было быть иначе. Почему ты не ушла вчера? Вчера я был свободен от приказов!

— Но предполагал, что они появятся.

— Да. Предполагал. И теперь ума ни приложу как поступить.

— Ты поэтому бесишься?

Глаза Рогора снова вспыхнули недобрым огнём, голос уподобился звериному рыку:

— Я бещусь от того, что не знаю как защитить тебя! И как сдержать данное тебе слово. Я всегда держу своё слово, Настя.

— А с какого перепуга маги начали давать тебе указания?

Горанец неспешно налил вина, сделал большой глоток.

— Формально Совет Магов подчиняется королю Горанга, — со вздохом ответил он. — Но фактически... Они очень сильны, и если захотят, смогут враз сменить власть. Иногда, маги отвлекаются от своих дел и вспоминают о нас, простых смертных. В такие моменты никто не смеет перечить.

— Значит, вы все на крючке?

— Да.

— И король Горанга мечтает заполучить мощное оружие, чтобы, в том числе, обезопасить корону от Совета Магов, — продолжала рассуждать я. — А маги требуют новую игрушку, получив которую замолчат... на какое-то время.

— Всё верно.

Чёрт, а он ведь мог убить двух зайцев: меня отдать магам, а блондинку подписать на поставки оружия. Впрочем, Железный воин и сам отлично это понимает.

Я бы посочувствовала и Рогору, и его королю, если бы сама не была в ещё более затруднительном положении. А случись этот разговор месяц назад, я бы «благородно» освободила Рогора от всех обязательств, вручила связку и поплелась сдаваться Санаминэлю. Чёрт, чему-то меня этот мир всё-таки научил.

— Маги не хотели посвящать тебя в свои планы. До поры, разумеется. Теперь, после того, как Санаминэль прокололся, предугадать их действия даже боги не смогут. Одно знаю наверняка — домой ты не вернёшься. Если бы у нас было оружие...

— Рогор, мне жаль, но служить твоему королю не стану. Я уже говорила: наше оружие несёт в себе слишком много зла. И магам не дам, ни за какие коврижки. Может, есть третий вариант?

Я спросила просто так, и ответ Рогора стал настоящим откровением:

— Есть. Но он зыбкий. Очень зыбкий.

Я выжидательно уставилась на горанца. Какой ещё сюрприз преподнесёт этот мир?

Рогор не торопился удовлетворять моё любопытство. Отводил глаза, дышал часто и порывисто, будто ответ на вопрос сродни поднятию штанги, к которому нужно быть готовым не только физически, но и морально.

Наконец, он отставил опустевший бокал и, глядя в глаза, произнёс:

— Настя, я предлагаю тебе сердце.

Мне удалось прикусить язык прежде, чем с него сорвалась очередная глупость.

— Я люблю тебя, Настя. И буду счастлив, если ты согласишься разделить свою жизнь со мной. Я сделаю всё, даже невозможное, чтобы ты никогда не пожалела об этом решении.

Чёрт! Мне впервые в жизни сказали такие слова, а я — глупая девчонка — не удержалась и ляпнула:

— Но что от этого изменится? Неужели магов, которые плюют на целое государство, остановит... любовь? — чуть не сказала «какая-то».

Прежде чем ответить, горанец смерил меня очень долгим, очень внимательным взглядом.

— Много лет назад, один очень талантливый маг, влюбился в девушку. Но магам нельзя... любить. Он очень страдал, смотрел на неё издалека, мечтал о единственном поцелуе. Однажды не выдержал и явился к возлюбленной с признаньем. Девушка не прогнала, потому что и сама влюбилась в него. Они были счастливы один день. Потом маг осознал, что натворил, раскаялся и признался старейшинам.

— Его убили?

— Нет. Его простили. Ведь маг был очень талантлив и силы потерял совсем немного. Наказанье понесла его возлюбленная. И когда он узнал о случившемся... создал великое проклятье: всякий маг, посмеявшийся разлучить влюблённых, обратится в пепел.

Уже третий раз мне рассказывают историю про древнего мага. И если поначалу я слушала внимательно и кивала, то теперь сильно сомневаюсь — а был ли мальчик?

— Это заклинание работает?

— Не знаю. Мне эту историю несколько лет назад Санаминэль рассказал, он врать не станет.

— Санаминэль врать не станет... — вслух повторила я.

Чёрт, а ведь мне говорили, что маги — подлые и лживые! Так чему теперь верить?

— Знаешь, Рогор... Наши миры очень похожи. Не внешне, по сути. И здесь, и там каждый выгрызает себе местечко потеплее. Предаёт и убивает, если нужно. Даже предложение, как ни странно, и там и здесь звучит одинаково. Правда, у нас говорят «руку и сердце»...

Рогор замер, застыл, будто увидел ядовитую змею. Я озадаченно приподняла бровь — раньше за мной таких мимических привычек не водилось, у него научилась. Интересно, чему ещё научит горанец, если мы всё-таки будем вместе?

— Сердце, — хрипло произнёс черноглазый. — Только сердце.

Невольно насторожилась, а через мгновение поняла всё. Не знаю откуда взялись силы и склонность к мазохизму, но я всё-таки попросила:

— Скажи. Я хочу услышать.

Горанец не отвёл взгляда, и голос его не дрогнул:

— Я не могу жениться на тебе, Настя. В нашем мире благочестие женщины значит слишком много, а в твоё благочестие не верит никто. Ты провела несколько дней наедине с Косарем, ты прилюдно обнималась с ним. Весть о твоей беременности давно расплзлась по войску, и даже правда не спасёт твою репутацию. Я один знаю, что ты чиста, поэтому готов разделить с тобой жизнь и позор. Но женой ты никогда не станешь, это невозможно. Не с твоей репутацией.

— Позор?

— Да. Распутство женщины — позорно.

— А иметь любовницу, по вашим представлениям, нормально?

— Я принадлежу к высшей аристократии Горанга, я — правая рука короля. Мне можно. — Он всё-таки отвернулся. — Но и тот, кто берёт в официальные любовницы нечистую, рискует всем. Таким не подадут руки даже простолюдины. Но я готов. Ради тебя я готов вытерпеть эти унижения.

С ума сойти! Какой ты, оказывается, добрый.

Теперь мне пришлось набрать в грудь побольше воздуха и отвернуться. Да, со стеной говорить на порядок проще.

— Рогор, а если бы ты не знал, что я чиста, как бы поступил?

Горанец брезгливо фыркнул. Ответ ясен, но я настояла. Хочу услышать, а то намёки — штука скользкая. Один раз домыслишь, потом всю жизнь сомневаться будешь.

— Если бы я не знал, что ты девица, мы бы сейчас не разговаривали.

— А как же любовь?

— Что любовь? — отозвался главнокомандующий.

— Если человек любит по — настоящему, он готов принять другого со всеми недостатками, сразиться с целым миром, — я запнулась, голос упал.

Нет. Рогор не из таких. Он бесстрашен, но объявить войну самому себе, своим принципам, не сможет. Никогда. И просить его об этом подло.

— Настя, если ты согласишься быть моей, я никогда не женюсь. Ты будешь единственной. Я огражу от косых взглядов и сплетен.

— Запрёшь? — догадалась я.

— Запру.

Эх, ну что за жизнь? Перспективы — одна лучше другой. Даже не знаю что выбрать.

— А четвёртого варианта случайно нет? — спросила шепотом, взглянуть на Рогора так и не решилась.

Недолгую тишину нарушил протяжный звук рога, тут же послышался топот, кто-то забарабанил в дверь.

— Армия Ремвида, — со злостью констатировал мой благодетель. Зарычал. — Почему так рано?!

Он дёрнулся к двери, но тут же развернулся, ухватил за локоть и потащил вглубь спальни. Я не сопротивлялась. Я почти сроднилась с этой злосчастной кладовкой, и даже жесткая кровать уже не пугала.

— Сиди здесь! — приказал горанец, будто у меня был выбор. И, конечно же, запер.

Чёрт. Я уже ненавижу двери. Все до единой!

Но расслабиться я не успела. Не прошло и пяти минут, как злосчастная дверь распахнулась и на пороге возник Санаминэль. Статный маг, укутанный в белую мантию, глядел бесстрашно, с вызовом. Нашел перед кем выпендриваться, блин.

— Чего тебе? — без тени любезности спросила я.

Ответом послужила протянутая рука.

За спиной Санаминэля маячило ещё несколько фигур. Все в белом, как какие-нибудь сектанты, честное слово.

— Рогор тебя порвёт, — буркнула я. Но встать и последовать за магом всё-таки пришлось.

Уже на ходу сообразила, что никакой армии под стенами нет. Ремвидцы не могли добраться так быстро. Это, скорее всего, иллюзия. Однако быстро же эти ребята учатся.

Санаминэль шагал рядом, крепко держал за руку. В затылок дышали ещё шестеро. Мы миновали несколько пустынных коридоров, спустились в подвал.

И снова двери. Чёрт, да меня уже трясёт от одного вида! Чёрт!!!

— Это что? Тюрьма? — выпалила я, скрывать злость даже не пыталась.

Маг, наконец, снизошел:

— Да.

— Зачем? — я зверела с каждым шагом, но продолжала подчиняться. Против семёрки боевых магов мы с колечком не выстоим, это знала наверняка.

— Посидишь тут, пока не разберёмся с кораблём, — Санаминэль галантно ввёл меня в одну из камер, чуть поклонился.

На то, что горанские воины, назначенные для охраны тюремных коридоров, стоят столбами и не дышат, я внимания не обратила. На заледеневших у решетчатых окошек заключённых — тоже. Меня только тишина смущала. Будто не в тюрьме оказалась, а в склепе. Даже мышинного писка не слышать.

— Зачем? — с усмешкой повторила я. — Что вам от меня нужно, Санаминэль?

Паршивец в белом балахоне не ответил. Учтиво поцеловал руку и вышел вон. От лязга задвигаемого засова меня передёрнуло, а щелчок навесного замка привёл в бешенство. Напоследок меня одарили добродушной улыбкой, сквозь зарешеченное смотровое окошко. Гад!

Несколько минут стояла посередине камеры и пыталась дышать. Просто дышать, потому как ярость застилала глаза и напрочь лишала способности мыслить. Единственное что могла в тот момент — броситься на дверь. Но даже в таком состоянии понимала — это плохая идея, кулаки нужно беречь, они ещё пригодятся.

Санаминэль оказался умнее многих, даже намёка на дальнейшие планы не дал. Единственное что ясно — меня вот — вот погрузят на корабль и отвезут в Горанг.

Рогору не удастся меня отыскать, это очевидно. Более того, главнокомандующему придётся стерпеть бунт магов, потому как на подходе армия Ремвида, и она может оказаться вооружена не хуже отрядов, защищавших столицу. Без магии Рогору не удержать этот город.

Чёрт, что же делать?

Я зажмурилась, представила лицо Санаминэля и прорычала:

— Что тебе нужно, зараза?!

Чёрт... Зачем я это сделала?

Сознание очистилось, образ мага стал стократ чётче. Я ощутила ментальный отклик Санаминэля — слабый, рассеянный. Он отмахивался от моего зова, неосознанно и вяло — будто от мелкой, не слишком настырной мухи. Но этого хватило...

Желание знать правду — как яркая, оранжевая вспышка. Я почувствовала, как оно концентрируется, скручивается в толстую, тугую нить. Злющую, словно раненая змея. Медленно и плавно, нить потянулась к магу, и едва он осознал, чей ментальный зов не даёт покоя — обрушилась бичом. Звук испаряемой ткани был до того противным, что я закричала.

В следующую секунду я лежала на полу и снова... пыталась дышать. На меня обрушилась такая лавина информации, что мозг едва не взорвался. Череп гудел, как облитый дихлофосом улей, нервные клетки стремительно дохли.

Санаминэль не делился своими планами, я вырвала их силой. Причём тупо, иначе бы не свалилась и головную боль не заработала. А кто-то сроднившийся с моей личностью молчаливо веселился. Я чувствовала эту радость отчётливей, чем головную боль.

Когда всё-таки сумела собрать мысли в кучку, захотелось стукнуться головой о стену. Желательно насмерть. Потому что вытерпеть уготованное магами я не смогу.

— Вот ведь гады! И откуда такие берутся? — прорычала я и осеклась.

Благодаря Санаминэлю ответ на вопрос я знала. Увы.

Горанг действительно единственная страна этого мира, где рождаются маги. Это случается редко, очень редко. Сейчас на весь Горанг всего сто восемнадцать магов. Все мужчины. За женщинами магических способностей никогда не замечали.

Маги рождаются в обычных семьях, чаще всего у тех, кто живёт близ Источника. Их вычисляют по особым всполохам магического поля, по выбросам силы. Забирают из семей, воспитывают в соответствии с установленными правилами.

Для них почти не существует запретов, а беспрекословно исполняется только один — не прелюбодействуй. Маги определили, что отношения с женщиной отнимают силу, а дети, рождённые от этих союзов, магию не наследуют.

И вот появилась я.

Санаминэль вызвался быть первым, кто рискнёт своей силой. За ним на очереди ещё десятка два свихнувшихся от воздержания мужиков. Даже глава Совета — двести лет, а всё туда же.

Экстремалы фиговы. Ненавижу.

А хуже всего то, что ради такого эксперимента маги ни перед чем не остановятся. Санаминэлю, например, дали карт — бланш. Он мог не воровать меня у Рогора, а просто испепелить главнокомандующего и всё. И первый этап эксперимента мог провести сразу, но побоялся. Решил отложить, сделать всё в максимальной близости к источнику. Он уже строит династические планы, а меня называет праmaterью нового народа. Чёрт, а как называть его? Осеменителем?

— Нет, ребята. Вы как хотите, а я в этом деле не участвую. У меня другие планы на жизнь.

Подняться удалось не сразу. Сперва какое-то время стояла на четвереньках и пыталась побороть дрожь в конечностях. После подползла к двери и кое-как, цепляясь за старые, разошедшиеся доски, встала. Ещё несколько минут ушло на то, чтобы привыкнуть к вертикальному положению.

— Ну всё, горанцы... Готовьтесь стирать штаны!

Качаясь отошла к дальней стене камеры, повернулась к двери и выставив руки вперёд прорычала:

— Взорвись!

Невольно зажмурилась, но когда распахнула глаза — обстановка осталась прежней. Вздохнула поглубже, представила, как старые доски разлетаются в щепки и повторила:

— Взорвись!

И ничего... Чёрт, почему не работает? Это же магия! Она должна, просто обязана работать! Вопреки логике и здравому смыслу!

Пришлось вернуться к двери, приложить ладони к доскам.

— Рассыпья! — скомандовала я, живо представляя, как деревянная махина прахом осыпается к ногам. Чёрт!

Я вздохнула поглубже, попыталась вспомнить при каких обстоятельствах просыпался «мой» магический дар.

Подслушивание чужих мыслей — не в счёт, это мелко. Шаровые молнии, которыми перепугала всё горанское войско, и превращение трёх гадов в поросят — анализировать невозможно, я была в несознанке. А вот управление иллюзией... Чёрт, это тоже не в счёт! В иллюзию я погрузилась благодаря пояснениям Креатина, а управление перехватила случайно. Меня кто-то вёл.

Я поднесла к губам правую руку, зашептала. Просила, уговаривала, умоляла невидимое колечко. Но меня никто не слышал — дверь осталась на месте.

В отчаянии, упёрлась лбом в доски, закрыла глаза и попыталась расслабиться. Миг, и чернота сменилась какими-то невнятными очертаниями. Я отстранилась и с удивлением обнаружила, что перед моим носом висит серебристая ткань со сложным узорным принтом. И я вижу её с закрытыми глазами? С ума сойти!

От неожиданности вздрогнула и тут же потеряла концентрацию. Серебристое полотно исчезло.

Та — ак...

Медленно, стараясь не замечать дрожь в коленях, отошла на середину комнаты и снова закрыла глаза. Сердце кольнул страх — что если в этот раз не получится? Я ведь ничего в этой дурацкой магии не смыслю... Но фокус удался — впереди, там, где в физическом мире, расположилась дверь, возник серебристый прямоугольник, испещрённый завитками.

Вдохнула поглубже, искренне надеясь, что этот приём поможет сохранить хотя бы подобие спокойствия. Когда выдохнула, к «прямоугольнику» добавились стены и пол камеры. Они были расплывчатыми и тусклыми, совсем не такими как в обычной реальности. И излучали лёгкий серебристый свет, прозрачно намекая — заклинание распространяется на всю камеру.

Осторожно повернула голову сперва влево, потом вправо — видение никуда не делось. И что из этого следует?

В голове кто-то хихикнул.

Чёрт! Я точно слышала! Но отвлекаться на проявления шизофрении некогда.

Вытянула вперёд правую руку, сконцентрировала взгляд на серебристом прямоугольнике и повторила недавний приказ:

— Взорвись!

В сюрреалистичной реальности моего видения, слова сопровождались короткой

неяркой вспышкой. Она сорвалась с кончиков пальцев и врезалась в дверь. Завитки «принта» на мгновение ожили, но прямоугольник остался на месте.

— Та — ак...

Памятуя недавнее общение с Санаминэлем, попробовала сосредоточиться на желании. Я очень хочу, чтобы серебристый прямоугольник исчез! Очень — очень!

Видение отозвалось на мои мысли — ладони, которые тоже видела, замерцали знакомым оранжевым светом. Интересно, это и есть магическая сила?

Недолго думая, потёрла ладонью о ладонь, скатав оранжевый свет в тугой шарик. Он получился небольшим, чуть меньше теннисного мяча. Зато вполне материальным. Прицелившись, метнула шар в дверь. Узор серебристого прямоугольника опять ожил и устоял. Где-то на грани сознания мелькнула мысль — он не отбивает удар, а поглощает его.

Я повторила манёвр, только во второй раз шарик полетел в стену, справа от двери. Ничего. Только пятно на стене, и то рассосалось довольно быстро.

— Умница, Санаминэль, — не выдержав, прошептала я.

Правильно — обычным стражникам пленницу с магическими способностями доверять нельзя, от магов тоже лучше побережь — а то мало ли. Заколдовать камеру — самый надёжный способ. Мой дар проявляется стихийно, значит, вероятность того, что сумею снять заклинание, близка к нулю. Это то же самое, что предложить мартышке разобрать автомат Калашникова.

Но я всё-таки попробую.

Я вернулась к двери и начала вглядываться в «текстиль». В отличие от стен, прямоугольник двери яркий, следовательно — это и есть центр магической паутины.

После нескольких минут напряженного исследования серебристой гадости, я попробовала погрузиться глубже, как тогда с иллюзией. Фокус удался, но ощущение было таким, будто опускаю лицо в ледяную, отчего-то тугую, воду.

Узор изменился, стал ярче, объёмней. Завитки магического «принта» как застывшие ящерицы. Я почувствовала себя сапёром из американского фильма — до взрыва пять секунд, а у меня тысяча разноцветных проводков, ни одной идеи и дальтонизм в придачу.

Эх, не с тем вопросом я в сознание Санаминэля влезла. Лучше бы спросила как обезвредить заклинание — это куда важней, чем планы магического сообщества Горанга.

Мотнула головой, надеясь, что мозг взбодрится и выдаст решение. Без толку.

— Спокойно, Настя! Давай рассуждать логически! — пробормотала я. — Заклинание защищает дверь от магических атак и, судя по всему, поглощает магические заряды. Чем больше бью, тем сильнее становится защита. Но если оно похоже на ткань, значит, где-то должен быть «узел», распутав который...

Вот чёрт! Кого я обманываю?! Я никогда с этой задачей не справлюсь! Мои успехи в магии — везение новичка, но оно не может длиться вечно. К тому же, тут не удача нужна, а знания, а их-то у меня нет.

В голове снова прозвучало гнусное «хи — хи». Чёрт, да что происходит?

Повинуясь идиотскому чувству, спросила:

— Ты знаешь, как распутать эту ерунду?

Никто не ответил, но взгляд зацепился за один из завитков магической ткани. Если не приглядываться, завиток ничем не отличается от остальных, но чем дольше на него смотришь, тем отчётливей видишь — что-то не так. Эта «ящерка» вроде бы толще, и кроме серебра в её «шкурке» присутствуют красные и зелёные искры.

Как завороченная, потянулась к завитку и, наконец, случилось то, на что горячо надеялась всё это время. Мой неведомый покровитель, тот, кто сроднился с моей личностью, включился в процесс. Мне оставалось только наблюдать, как мои призрачные пальцы уничтожают основу заклинания. Вернее — рассортировывают завиток на чёточки, препарируют проклятую «ящерку».

Стало чуточку страшно. Я, конечно, знаю, что в теле человека живёт множество паразитов, но глисты и вирусы это одно, а посторонняя личность — совсем другое. Что если этот «покровитель» решит поработить разум? Или ещё что-нибудь вытворит.

В этот раз хихиканье в голове было очень громким.

— Извините, — стыдливо пискнула я.

Веселье мигом прекратилось. Меня выбило из иллюзии, как пробку из подогретой бутылки шампанского.

— Извините! — вскрикнула. Очень искренне, даже слёзы на глаза накатились. — Я не хотела вас обидеть. И думать о вас плохо тоже не хотела. Просто... — Чёрт, как же стыдно! — Просто за последнее время я такого насмотрелась...

Даже мне эти оправдания показались жалкими.

По инерции, упёрла руку в деревянную поверхность, закрыла глаза и представила, как та осыпается. И тут же едва не улетела вперёд. Опора исчезла.

Под ногами, совсем как в моей фантазии, лежала гора древесной пыли. Поверх неё — покрытая ржавчиной решетка смотрового окошка. На дверном косяке болтался бесполезный засов и навесной замок.

Я тихонько выдохнула и осторожно выбралась в тюремный коридор.

Сторожей ко мне не приставили, положились на заклинание. В тускло освещённом коридоре только четверо застывших воинов Горанга и одна, замершая на бегу, крыса. Камеры, расположенные по обеим сторонам пугают тишиной. Продвигаясь к выходу, я старалась не смотреть на перекошенные рожи и заледенелые пальцы тех, кто прижимался к решеткам. Бедняги. Они всполошились в тот миг, когда маги явились переоборудовать тюрьму под свои нужды и попали под раздачу.

К счастью, меня поместили не в настоящую тюрьму, а в местное КПЗ — узнала об этом из воспоминаний Санаминэля. Тут не было ни лабиринтов, ни других неприятностей, обычных для такого рода сооружений. Просто коридор, заканчивающийся — чёрт, ненавижу! — дверью. Добраться отсюда до крыла, где обосновались горанцы — раз плюнуть.

Я замерла у треклятой двери, ведущей наружу.

Вот выбралась я из камеры, а дальше-то что? Ежу ясно — в таком деле только магия помочь может, но магия, как выяснилось, штука непростая. Одной фантазии для колдовства мало, а знания взять неоткуда. Разве что мой покровитель сжалится и подскажет как быть дальше.

Замерла, прислушиваясь к звукам в черепной коробке. Ничего!

— Эй, вы тут? — тихонечко позвала я. — Не обижайтесь, а... Я ведь в первый раз в такой ситуации оказалась, вот и сморозила...

Но уговоры действия не возымели. Тот, кто засел в моей голове, отмалчивался. То ли всерьёз обиделся, то ли принципиально решил не вмешиваться. А что, когда меня изнасиловать пытались, он тоже молчал, только в критический момент включился.

Может снова к Санаминэлю обратиться?

Со скрипом очистила сознание, вообразила лицо мага. Вглядывалась в него минут десять, но отклика так и не последовало. Да и желание, которое в прошлый раз обернулось бичом и вырвало у горанца кусок памяти, концентрироваться не спешило — где-то в глубине души занозой сидел страх.

Пришлось сконцентрироваться на другом желании. Для пушего эффекта зажмурилась и начала шептать:

— Хочу стать невидимкой! Хочу стать невидимкой!

Глупо, конечно, но вдруг получится? Нет, не так! Если лимит везения не исчерпан, то получится обязательно!

В ответ на мои действия, в голове прозвучало многозначительное, довольно напряженное «хм...».

— Да я сама в шоке...

Прикрыла глаза, пытаюсь поймать состояние, в котором способна видеть магию, и обнаружила, что тело окружает слабое оранжевое мерцание. Может это и есть невидимость? Увы, есть только один способ проверить...

— Ну, была — не была!

С запертой дверью я справилась легко и не столь радикально, как с предыдущей — просто стёрла в порошок язычок замка. Боязливо высунула голову в коридор и чуть не завизжала от испуга — у противоположной стены, всего в десятке шагов, стояла парочка воинов. К счастью, в мою сторону парни не смотрели, шептались о чём-то своём.

Я выскользнула в коридор и бесшумно прикрыла дверь. Воины продолжали шептаться. То ли я действительно невидима, то ли слишком увлечены друг другом.

Выдохнув и сжав кулаки, направилась к горанцам. Те разом обернулись, уставились на меня. Я, конечно, замерла и приготовилась выдавить из себя что-нибудь жалобное, когда первый пробасил:

— Ты слышал шаги?

— Ага, — хмуро отозвался его товарищ.

Они продолжили всматриваться в пространство, но девушку в синем платье не замечали. Ага... значит, удача всё ещё при мне! Или тот, кто сроднился с моей личностью, сжалился и навёл правильные чары.

Я привстала на цыпочки и двинулась прочь, к покоям Рогора.

В небольшом холле, примыкавшем к его спальне, творилось страшное. Нет, на первый взгляд, пять магов, выстроенные в шеренгу перед дверью в покои главнокомандующего не представляют собой ничего особенного. Но полсотни ошестинившихся воинов напротив — жуть полнейшая. О том, что маги могут раскатать горанских вояк, как рулон линолеума, знала не одна я. Только мужчин это не останавливало.

Решили принять геройскую смерть? Ну — ну...

Я, не без труда, пробилась через толпу вояк. Пришлось несколько раз останавливаться, менять направление, чтобы оппозиция в белых мантиях не заметила неладного. Что до воинов — их наблюдательность мне до лампочки, всё равно не поймут.

Когда подошла к злющим и крайне настороженным магам, коленки слегка задрожали. На цыпочках прокралась дальше, втиснулась между стеной и шеренгой озлобленных колдунов. К спальне пришлось протискиваться бочком, вжимаясь в стену и дыша в затылки оппозиционеров. И молиться, усмиряя истеричное желание пнуть кого-нибудь под зад или наградить подзатыльником.

Последняя преграда на моём пути, достойная лишь нецензурного многоточия, оказалась не заперта. Звук отворяемой двери заставил подпрыгнуть не только магов — охранников и боевой отряд, но и всех, кто находился в спальне. Я быстренько шмыгнула внутрь, шарахнулась в сторону и снова прижалась к стене. Искренне надеясь, что инцидент спишут на сквозняк.

К счастью, одно из окон действительно оказалось открыто, порывы ветра то и дело вздували сдвинутые гардины, подбрасывали тяжелую ткань в воздух. Так что вопросов не возникло.

Из холла послышался рёв и обрывки фраз: «Рогор, мы с тобой!», «... не сдадимся!».

Дверь закрыли снаружи.

Представшая взору картина почти не удивила: в центре комнаты невозмутимый Рогор с бокалом красного вина, напротив него, опасным полукругом, одиннадцать горанских магов, упакованных в белоснежные мантии. И тишина...

Опять пришлось бороться с желанием подлететь и отвесить пинка — ведь хорошо стоят и о присутствии врага в своём тылу даже не подозревают.

Я решила подобраться поближе к Рогору. Он тоже не ангел, но его вариант будущего мне нравится гораздо больше.

Крадучись по стеночке, бросила случайный взгляд на кровать и опешила. На красном покрывале распласталось белое пятно, рядом — ещё одно. Пришлось немного скорректировать траекторию движения. Чёрт!

В том, что Санаминэль пострадал от моего вторжения, ничего удивительного нет. И тот факт, что у него кровь из ушей хлынула меня ничуть не волнует. Но какого чёрта тут делает Креатин?

Увы, я догадалась быстрее, чем успела додумать вопрос: Креатин работает донором. Причём не просто делится силой, он отдаёт всё, до капельки. Вон, как ноги дёргаются. А Санаминэль крепко держит за запястье и отпускать даже не думает.

— И долго мы будем играть в гляделки? — надменно спросил Рогор.

Я вздрогнула, чудом удержалась от крика. Пришлось оторваться от созерцания постельной сцены и вернуться к основной проблеме.

Главнокомандующему ответил крючковатый старик Урз:

— Рогор, ты знаешь наши требования. Не препятствуй.

— Я обещал Насте...

— Мы освобождаем тебя от обещаний, — перебил Урз. — Если хочешь, от мук совести тоже освободим.

Черноглазый злобно усмехнулся, хлебнул вина. От осознания того, что отступить Рогор не намерен, на душе стало и тепло, и тоскливо одновременно.

— Рогор, ты отлично знаешь: спорить бесполезно. Успокой армию, заверши дела в Ремвиде и живи как раньше. Битву за Настю ты проиграл. А битву за столицу мы для тебя выиграем.

И прежде чем главнокомандующий успел возразить, старик добавил:

— Ты ведь не станешь рисковать победой ради какой-то девчонки?

Главнокомандующий заскрежетал зубами, бокал в его руке пошел трещинами и осыпался. Он отряхнул ладонь от осколков и капель вина, брезгливо вытер о собственные штаны. Я невольно улыбнулась — тоже мне аристократ, он бы ещё в носу поковырялся.

— Король отдал её мне, — голос у Рогора ледяной, я даже поёжилась. — В личное

пользование.

Та — ак, а это что ещё за новость?

— По законам Горанга, — продолжал главнокомандующий, — только я могу распоряжаться её судьбой. И она согласилась принять моё сердце!

Урз захохотал, вслед за ним захихикали и остальные.

— Рогор, а предлагая колдунье своё сердце, ты рассказал о Веронике? Я слышал, девушки того мира вообще не терпят соперниц. А эти две, как понимаю, ещё и враждуют.

Черноглазый побагровел, даже затрясся немного. А старик — Урз расплылся в улыбке, продолжил, не скрывая издёвки:

— Мальчик мой, успокойся. У тебя и без того огромные проблемы. Думаешь, его величеству ещё не доложили, что именно твоя благоверная тайно снабжала Ремвид оружием другого мира?

— Она поступила назло мне! — прорычал горанец. — Она за это ответит!

— Она-то ответит, — протянул Урз. — Но с тебя тоже спросят. Как думаешь, каковы твои шансы сохранить жизнь? Про титулы и прочую мишуру, даже не спрашиваю.

— На что ты намекаешь, Урз?!

— Да ты понял, Рогор... Ты всё понял. Сейчас, сию же минуту, ты перестаёшь строить из себя невесть что. Отказываешься от своих прав на Настю. А Совет Магов защитит тебя перед королём. Отличная сделка, не находишь?

— Нет! — прорычал Рогор.

Урз пожал плечами, сказал совершенно буднично:

— Нет, так нет. Нам же лучше. Не придётся тратить время на твою защиту.

— По законам Горанга, только я могу распоряжаться её жизнью! — крикнул главнокомандующий.

— А по законам магии, ты даже своей жизнью распоряжаться не можешь, — просто парировал Урз. — Разговор окончен. Мы возвращаемся в Горанг.

И до того обидно стало, до того больно...

Сердце сжалось в комок, на глаза навернулись слёзы, а в груди вспыхнуло жгучее желание — размазать Урза по стеночке. Но вместо желанного «сдохни», из горла вырвалось совсем другое слово:

— Замри! — рыкнула я, вкладывая в приказ все свои эмоции.

Оказывается, я и раньше их вкладывала, просто не осознавала.

Переборщила. Обуявшая боль помешала проконтролировать направление удара, и мой приказ накрыл всех. Маленькая армия магов замерла, Рогор тоже застыл, даже распластаный на кровати Креатин перестал дёргаться. А Урз, которому приказ предназначался, ещё и инеем покрылся.

«Хочу снова стать видимой!» — мысленно прокричала я.

И тут же ощутила на себе шокированные взгляды магов — двигаться ребята не могли, зато глазами вращать — сколько угодно. Спокойно, стараясь держать лицо, приблизилась к старику.

— Говорить можешь? — спросила мысленно, не без удовольствия ввинчивая в его сознание оранжевую нить.

Ответом стала паника. После долгой паузы, Урз собрался с силами и прошептал:

— Да. — На ментальном плане его голос звучал совсем по — стариковски.

— То, что ты сказал про Веронику, правда?

— Да.

— А кем она приходится Рогору?

— Женой, — выпалил старик.

Я случайно подсмотрела его мысли: сокрушается и до чёртиков боится упустить столь ценный экземпляр.

— Ты уже упустил меня, Урз. — Выдавила я, отчаянно надеясь, что маг не почувствует мою боль. — Смирись.

Ощутила его испуг и восхищение, но хмуро отмахнулась от этих эмоций. Приказала мысленно:

— Всё о Веронике и Рогоре!

Если бы телепатическая связь была обычной, я бы ничего не узнала, но давление на сознание, опробованное на Санаминэле, дало очень интересный результат. Вопреки желаниям Урза в его памяти вспыхнули воспоминания, которые я и подхватила. В этот раз ни приступов бессилия, ни головной боли не было. Вот только показалось, что на меня бетонная плита рухнула. Рухнула и раздавила.

...Блондинка появилась в Горанге четыре с половиной года назад. Пришла через дверь, расположенную в доме родителей Рогора. Там они и встретились. На тот момент Вероника не имела ни умопомрачительного бюста, ни «Феррари». И на жизнь смотрела проще, хотя наивностью от неё даже не пахло.

Рогор польстился на необычную девушку, а Вероника влюбилась по уши.

Её репутация вызывала у горанцев чуть меньше вопросов, чем моя, но скандал всё равно был. Рогор отстаивал своё право на женитьбу, а блондинка терпела сплетни и подлости великосветских дураков и дур.

Он сразился со всем миром и выиграл, а она... Она сломалась и окрысилась. Начала доказывать горанцам, что рядом с ней любой из них — вша.

Когда король закрыл глаза на скандальный брак и назначил Рогора главнокомандующим, блондинка начала соперничать и с ним.

— Не повезло тебе, Рогор, — вслух сказала я. — Но ты заслужил.

Он действительно заслужил — женился без любви, исключительно для того, чтобы выделиться из толпы. Аристократ с замашками эксцентрика, ну — ну... Себе жизнь сломал, и девчонке заодно. Не удивительно, что она решила сыграть на стороне Ремвида. Будь на её месте я... Чёрт.

Я бросила невидящий взгляд на Рогора и снова вернулась к Урзу.

— Живой камень, — прошептала я, касаясь стариковской кожи. При физическом контакте энергию контролировать гораздо проще.

Старый маг скрючился ещё больше, лицо посерело и застыло. А я с запозданием поняла — это не я превратила горанца в статую. Верее, я, но знание о том, как это сделать, было чужим. Тот, кто сроднился с моей личностью, опять проявился. Интересно, почему?

Остальные глядели с ужасом, кто-то пытался ворваться в моё сознание, но я, наученная горьким опытом, шансов магам не дала — стремительно прошла по спальне, коснулась каждого, кто стоял в полукруге.

Прежде чем обезвредить Санаминэля, отцепила его от Креатина. Парнишка только — только пришел в сознание, двигаться ещё не мог, но глазами вращал довольно живо.

Я наклонилась к его уху, зашептала:

— Креатин, слушай внимательно. Ты должен выжить. Во что бы то ни стало. Учись.

Учись жить без помарок. Учись совершать Поступки и отстаивать своё мнение. Чтобы ни у кого, никогда, даже мысли не возникло использовать тебя как банальный корм!

— Он... Он хотел убить, — прошептал Креатин мысленно. Меня накрыла волна безудержной боли и разочарования. — Он хотел... выпить всё.

— Да, но ты выживешь. И станешь самым сильным магом, понял? Перестань потакать своим слабостям, Креатин. Не повторяй моих ошибок.

Парень отрубился, но прежде я успела уловить его эмоции — он попробует. Твёрдое «да» куда лучше, но и это хлеб.

Я отстранилась, несколько мгновений стояла столбом. После всё-таки решилась взглянуть на Рогора: заклинание ослабло, вон уголки губ уже дёргаются.

Умом понимаю — нужно спешить, но уйти не могу.

На ватных ногах подошла к столику, ухватила графин красного вина и выпила, почти залпом. Только смелости не прибавилось.

Чёрт, да на кой мне это нужно?

Ну обманул меня Железный воин, дальше-то что? Я ведь уже решила, как поступить. И его версия событий мне ни к чему.

— Прощай, — обронила я, и решительно направилась к выходу.

— Замерли! — я ударила наотмашь, заставив пятёрку в белых мантиях остолбенеть. В этот раз эмоции контролировала на пять с плюсом. Молчаливое присутствие неведомого покровителя, дарило уверенность и отрезвляло. Хотя, стоит признать, что без эффекта неожиданности у меня ничего бы ни вышло.

На глазах изумлённых горанцев, поочерёдно коснулась каждого мага. Лица посерели, спины сгорбились.

— Заклинание «живого камня», — пояснила я. — Очень сильное. Дома расколдуете.

— А как же осада? — удивлённо проронил кто-то.

— Они не собирались вам помогать.

Пара воинов, видать самых смышлённых, дёрнулась вперёд.

— Стоять! — гаркнула я. — С Рогором всё хорошо. Жив, но просил не беспокоить ещё час.

Мне не поверили, зато послушаться побоялись.

— Расступитесь, — в этот раз мой голос звучал куда спокойней, но воины всё равно подчинились.

И только когда я оказалась в коридоре, кто-то осмелился окликнуть:

— Госпожа Настя! А где вас искать, если понадобится?

— В морге.

Да, ничего другого мне не светит. Хотя, если учесть какую сделку я сорвала, в морге окажусь не сразу. И, скорее всего, по частям.

Зато Натка, наконец, переедет в новую квартиру. Этот прекрасный мирок научится пользоваться огнестрельным оружием. Блондинка заграбастает ещё пару сундуков брюликов и начисто выест мозг Рогору. Так ему и надо!

— Вообще-то, тебе не обязательно в морг, — вслух сказала я. Кстати, говорить с самой собой довольно интересно. Жаль, узнала это только сейчас, на закате, так сказать, жизни. — Ты можешь уничтожить ключи и остаться здесь, в Ремвиде. Тут ты крутая магичка, между прочим. Вдруг королевой станешь, а?

— Поздно! — гаркнула на саму себя и вытащила из кармана связку.

Коридор вильнул, я очутилась во внутреннем дворике — колодце, перед окованной металлом дверью. Стоило выбрать в связке ключ с крестовиной — от смелости и следа ни осталось, рука заходила ходуном. Это действительно самоубийство.

Чёрт, но я не могу остаться здесь! Я не хочу!

Да, это дурость, но лучше сдохнуть, чем сломаться и стать такой же стервой, как Вероника.

— Блондинка не виновата. Она жертва обстоятельств и только.

— Ага! Конечно! Мы эту тему ещё на первом курсе обсуждали.

— В смысле?

Я даже глаза закатила.

— Ну неужели не ясно? Обстоятельства не зависят от человека, но именно человек определяет как себя в этих обстоятельствах вести.

— Нет, не понимаю.

— У Вероники был выбор. Остаться собой или пойти на поводу у ситуации, в которой оказалась. Блондинка предпочла второе.

Хотя, жаль её, конечно. Решила переиграть Рогора и заодно собственные нервишки пощекотать, ведь оружие в Ремвид у него под носом таскала, пока он здесь на положении дипломата был. И ключи потеряла сразу после того, как горанцы отплыли восвояси. Получается, за всё это время только один раз с ним увиделась и вместо любовных объятий заработала пинок. Кстати, а Рогор неплохой актёр!

— А как бы на её месте поступила ты?

— Чёрт! Разве не видно?

Дрожащей рукой вставила ключ в замок и замерла. Два оборота и я в Аду. Всего два оборота.

И только теперь из меня вырвалось испуганное «ой». Резко развернулась в поисках недавнего собеседника — мой внутренний голос басистым звучанием никогда не отличался! Чёрт!

— Кто здесь?!

Постепенно, очень — очень медленно, до меня дошло...

— Кто ты? — в этот раз спрашивала мысленно, сама удивлялась внезапному спокойствию.

Я почувствовала улыбку. А сдержанное «хи — хи» стёрло все сомнения.

Тот, кто умел ездить верхом и колдовать, тот, кто сроднился с моей личностью, наконец, соизволил заговорить.

— Нет, ну всё-таки. Кто ты?

— Маг, — улыбнулись в ответ.

— Это я и так поняла.

— Древний маг, — ответил голос.

— Ну... Согласна, разница принципиальная.

Очередная улыбка покровителя резко улучшила настроение. Чёрт, наверное подколдовывает, потому как радость в такой ситуации сама по себе возникнуть не может.

Я вновь взялась за торчащий из двери ключ. Новые знакомства и разговоры — это прекрасно, но медлить нельзя, Рогор скоро очнётся.

— Настя, представь место, в котором тебе хотелось бы очутиться, — неожиданно сказал маг.

Я хотела вообразить прихожую моей квартиры: обои в цветочек, кривую полку для обуви, одинокую лампочку под потолком. Но вместо этого, перед внутренним взором возникла дверь. Не старая, а та самая, которую установила Натка. Отчего-то представилось, как вставляю в скважину ключ. Ещё чуть — чуть и я всё-таки увижу любимую прихожую...

Я не сразу поняла что происходит. Рука, державшая ключ, оцепенела. В подушечках пальцев возникло необычное покалывание. После показалось, будто всю руку обволакивает странная, тугая жидкость, вливается в ключ.

Что-то изменилось.

— Поворачивай, — мягко скомандовал голос.

Я подчинилась.

Вместо обоев в цветочек голые, ободранные стены. Полочки для обуви нет и в помине. Туфелек — тоже. Зато лампочка на месте.

Даже с порога видно: Натка успела избавиться квартиру от мебели и моих вещей, и натащить стройматериалов. Мешки с цементом и шпатлёвкой, банки с краской, новенькая, блестящая стремянка... Чёрт, грустно. Грустно и пусто.

— Можешь выбрать другое место, — откликнулся голос. — Главное, чтобы там была дверь с подходящим замком.

— Нет. Это мой дом, здесь и останусь.

Я ощутила лукавую улыбку и не удержалась:

— А ты тот самый маг, который создал все эти ключи?

Радость померкла, голос моего покровителя зазвучал не сразу.

— В прошлой жизни меня называли Везом...

Мне было двадцать, когда обнаружили странные изменения в магическом поле — наш Источник начал смещаться, ползти на юг, в сторону Ремвида. Мы долго исследовали магическое поле, пытаюсь определить причины этого смещения. #286493106 / 26-апр-2015 В итоге, я пришел к выводу, что где-то на территории Ремвида зарождается ещё один источник магии.

Я основывался на трактате одного древнего мага. В нём говорилось, что иногда в мире действительно появляются новые источники, что источники притягивают друг друга, как магниты, и, в конце концов, сливаются. В этом же трактате выдвигалась гипотеза: слияние — смысл существования всякого источника, то есть они веками движутся навстречу друг другу, чтобы соединиться.

Меня осмеяли. Потому что маг, написавший этот трактат, имел не лучшую репутацию. Проще говоря, слыл сумасшедшим.

Конечно же я решил доказать свою правоту. Это вопрос чести!

Выпросил у Совета Магов разрешение и отправился в Ремвид.

Когда я сообщил, что нашел источник, мне снова не поверили, но дозволили остаться на какое-то время во вражеской стране, чтобы я мог пронаблюдать и подробно описать процесс. Чем бы дитя ни тешилось, как говорят в твоём мире.

Я поселился у источника, в каменистых холмах. Ремвидцы отчего-то зовут их Малыми горами. От людей прятался, питался чем боги пошлют. Меня интересовала только магия, всё остальное я считал тленом.

А потом появилась она... За земляницей пришла. Близ Малых гор такая поляна была — за полчаса целое лукошко собрать можно... Я впервые... впервые в жизни забыл о магии! Я заболел.

Я больше не смотрел на изменения магического поля, не вёл записи. Я ждал её. Каждый день, каждый час, каждую секунду. Когда земляника сошла, я заставил ягоды вырасти и созреть вновь. Это было первое заклинание, которое изобрёл сам.

Нам с детства внушают, что любви не существует, а разделяя ложе с женщиной мы теряем силу. Нам запрещено... любить. Когда, наконец-то, решился подойти к ней, знал — я нарушаю самый главный запрет, рискую потерять всё. Но желание заглянуть в её глаза было в тысячу раз важнее магии и самой жизни.

Она засмушалась, а я решил, что сделал что-то не так. И убежал.

Думал — умру. А потом... чувствую — она рядом. Поднимаю голову — стоит на краю поляны и на меня смотрит. Оказалось, давно заметила, как наблюдаю за ней. Всё ждала, когда подойду.

Мы были счастливы. Всего один день, но этот день был лучшим в моей жизни.

Когда я оторвался от неё и понял, что моя магическая сила не уменьшилась, а наоборот — выросла, был потрясён. Меня с детства учили — связь с женщиной уничтожит твою магию, забудь, укроти плоть! А на деле... на деле оказалось, что все мы заблуждаемся.

Я расцеловал мою ненаглядную, попросил её руки и подарил кольцо. Да, то самое.

Мы договорились пожениться, но сперва мне нужно было съездить в Горанг, встретиться с Советом Магов и объяснить, как сильно мы ошибались. Я мог использовать телепатию, но не стал — такие разговоры нужно вести с глазу на глаз.

До Совета Магов меня не допустили, зато глава Совета выслушал. И посадил в камеру. В лучшую камеру! Магическая защита той кладовки из которой бежала ты, по сравнению с ней ничто.

Мне потребовалось пять лет, чтобы сбежать.

А когда я вновь оказался в Ремвиде, нашел могилу. Изгаженную могилу, Настя! Ремвидцы убили её, когда узнали, что потеряла честь до свадьбы и издевались даже после смерти!

Я выкопал прогнившее тело и перенёс в пещеру в Малых горах. Я три года не отходил от того саркофага. Я не хотел жить. Сила зарождающегося источника скрывала меня от магического поиска, и питала, не позволяя умереть.

А потом я уничтожил новорожденный источник.

Я замкнул его силу на два заклятия. Первое защищало каменистые горы и саркофаг от злых людей. Второе находило и уничтожало любого мага, посмевшегося разлучить

влюблённых. Сложность этого проклятия ты даже представить не можешь. Оно пронизывало весь Ремвид и Горанг, улавливало малейшие изменения эмоций каждого человека, чувство вины магов... Поверь, именно это заклинание — шедевр моего искусства, а вовсе не порталы.

Но источник истощился. Это я убил его, Настя.

— И многих ты уничтожил этим проклятьем? — не удержалась от вопроса я.

— Полсотни. Плюс — минус. По большей части это были те, кто вмешивался в политику. А в политике сама знаешь — любовь тоже запрещена, браки превращаются в сделки. Проклятье стало одной из причин, по которым магическое сообщество замкнулось в себе и перестало участвовать в светских делах Горанга.

Ну а потом... я попытался занять себя хоть чем-то, и вернулся к замкам. Попробовал пожить в твоём мире, изредка возвращался в свой. Искал, смотрел, думал.

Смерть застала меня в одной из деревень Горанга. Я не противился, я давно решил, как распорядюсь своей душой. У нас, у магов, всё иначе, мы можем выбирать новый путь. Я вернулся к ней и заключил себя в кольцо.

По всем законам, должен был потерять и память, и магическую силу, но что-то пошло не так. Что-то в этом мире всегда идёт не так...

— А я? Почему ты решил помочь мне?

Ощутила улыбку. Тёплую, как майское солнышко.

— Я полюбил твой мир, Настя. И ты мне понравилась. К тому же, тебя сопровождал маг, не слишком сдержанный в мыслях. Разве я мог бросить тебя одну? Сама бы как на моём месте поступила?

Я тоже улыбнулась.

— Всё это время я пользовалась твоей силой и знаниями?

— Силой — да, а вот знания были твоими. В большинстве случаев.

— Пожадничал?

— Конечно! — хихикнул маг. Тут же растерял весёлый тон. — Многие знания — многие печали. Разве ты ещё не поняла?

— Поняла. Конечно, поняла. Меня знаниями Санаминэля так стукнуло, что до сих пор голова кружится. Да и собственного опыта набралась — аж подташнивает. Кстати...

— Да! — тут же выпалил маг. Смугил.

— И зачем? — лукаво протянула я.

— Я сотню лет прожил в России, Настя!

Аргумент. Причём железобетонный. Но я возразила:

— И всё-таки это не повод заставлять меня пить самогон!

— Больше не буду, — раскаянья в голосе мага не было, ну ни капельки! — Настя, тебе пора.

— А ты? Что с тобой будет?

— В твоём мире есть магия, но её очень мало. Я буду жить, но говорить мы точно не сможем.

— Так может быть останешься здесь?

— Нет. Я с тобой. Но ты должна кое-что пообещать!..

...С дрожью в сердце переступила порог родной квартиры. Замерла.

Правую руку свело судорогой и кольцо, бывшее всё это время невидимым, проявилось. Тонкая полоска желтого металла, украшенная светло — зелёным камнем круглой огранки...

душа великого мага.

— Спасибо тебе, — прошептала, поднеся кольцо к губам. Поцеловала камень.

Обернулась, будто во сне, и заперла злосчастную дверь.

Всё. Сказка кончилась.

Хотя... расслабляться всё-таки рано.

Ожидание было трудным — слишком больно смотреть на разрушенный дом. Слишком тяжело сознавать, что сейчас моя жизнь очень похожа на эту квартиру — прошлое, хоть и не слишком приглядное, уничтожено, а будущее ещё строить и строить. Я даже всплакнула, куда ж без этого.

Потом нашла достойное момента занятие: отцепила от связки третий ключ — тот, который открывал проход в Горанг и, зажав его плоскогубцами, принялась обрабатывать напильником. После был молоток, зубило, ещё одни плоскогубцы... в общем, испробовала весь набор инструментов, приготовленных для ремонта. Кроме, разве что, бетономешалки. Правда делать всё приходилось очень тихо и при выключенном свете.

Результат моего креативного мышленья был прекрасен, но выбрасывать его не спешила.

Когда чернота за окном стала непроглядной, а неугомонный город, наконец, затих, я вернулась к входной двери. Натка догадалась оставить в квартире запасные ключи, благодаря им я и выбралась. Спешно заперла дверь, усмехнулась разорванному стикеру с печатью прокуратуры. Значит, законники за меня действительно заступились. Спасибо им.

Прежде чем выйти на улицу, показала средний палец двери Марии Петровны. Жаль, что старушка уже спит — бубнёж телевизора за стенкой прекратился часа три назад.

Вдохнув прохладный ночной воздух, я поспешила к знакомой девятиэтажке.

Чёрт, всё-таки в несчастной любви есть плюсы! Этот дом и подъезд даже с завязанными глазами найду! И код домофона вспомнила сразу — хорошо, когда дверь можно открыть не только ключом, но и комбинацией цифр. Послать того, кто топчется перед квартирой гораздо сложнее, чем того, кто ждёт у подъезда.

Взобравшись на пятый этаж, без труда узнала нужную дверь и решительно утопила кнопку звонка. По ту сторону двери зачирикало, но открывать не спешили. Я позвонила снова, и ещё раз — гораздо настойчивей.

Наконец, раздался щелчок и в приоткрытую щёлку высунулся недовольно сморщенный нос. Недолго думая, рванула дверь на себя и сонный Вася едва не выпал на лестничную клетку.

— Привет! — я лучезарно улыбнулась и решительно вошла в квартиру.

Окончательно опешивший Вася меня не остановил. Его удивлённый возглас настиг уже на пороге спальни:

— Настя! Настя, ты куда? Ты знаешь который сейчас час?

— Нет. Но мне без разницы.

В Васиной постели обнаружилась сонная рыжеволосая девчонка. Она пыталась возмутиться, но поймав мой взгляд тут же затихла и подтянула одеяло к подбородку.

— Да что ты себе позволяешь! — воскликнул ворвавшийся в комнату парень.

— Не ори, — спокойно ответила я. — Я ненадолго.

Пока потрошила Васин телефон и вставляла в него свою сим — карту, бывший окончательно проснулся. Протянул с ужасом:

— Настя... Ты ужасно выглядишь! И что на тебе, чёрт возьми, надето?

В зеркало я не смотрелась, но о том, что видок у меня, мягко говоря, паршивый и без

того знала: волосы растрёпаны, кожа обветрена, на лице ни грамма косметики. Скользнула взглядом по своей одежде: синее платье, подаренное Рогором, в нашем мире смотрится как карнавальный костюм, а я ещё и тюремный пол им вытерла.

Ну и что? Смущаться теперь? Васе ведь только это и нужно.

— Ручная работа, — пояснила я. — Натуральные материалы. Эксклюзив.

Я включила мобильник, быстро переписала нужный номер. И тут же вырубилась. Надеюсь, минутную активность сим — карты никто отследить не сможет.

— Что ты делаешь? — насупился бывший, глядя, как возвращаю в телефон его симку и набираю переписанный на стикер номер.

— Звоню, — огрызнулась я. Замерла молчаливо молясь.

Абонент ответил после первого же гудка.

— Слушаю вас!

Чёрт, а у меня горло от волнения перехватило.

— Слушаю вас! Не молчите!

— П — привет, — выдавила я, вдохнула поглубже.

Пару секунд собеседник удивлённо молчал, потом трубка разразилась неистовым:

— Настя! Настя, это ты? Настя, где ты была! Я всю Москву на уши поставил! Уже решил, что тебя убили! Настя! Что с тобой, Настя? Ты в порядке?!

В голосе Ахмеда было столько искренности, столько заботы, что слёзы на глаза навернулись. Чужой человек, с которым знакома всего пару месяцев, беспокоится обо мне больше, чем родные.

— Ахмед, — голос дрогнул, к горлу подступил ком. И всё-таки смогла взять себя в руки и договорить. — Ахмед, мне нужна твоя помощь. Можешь забрать меня?

— Где ты? — Выслушав адрес, джигит бросил: — Выезжаю! Буду через пятнадцать минут!

Я облегчённо вздохнула, стёрла номер из памяти мобильного.

— Что, от нищеты под кавказца легла? — усмехнулся бывший.

Я могла ответить. Могла объяснить недалёкому юноше, что Ахмед честней и порядочней многих. Что качество человека определяет не пол или национальность, а поступки. Рассказать, каким подлецом может оказаться аристократ и насколько бесчестной может быть обычная старушка. Но сказала о другом:

— Ты помнишь Веронику?

Вася побледнел. Значит, я всё поняла верно.

— Вася, слушай внимательно, — мой голос звучал предельно серьёзно. — Вероника занимается незаконной торговлей оружием. А я сорвала одну очень крупную сделку. Если сообщишь о моём визите, станешь пособником убийства. Ты будущий юрист, догадайся чем это грозит.

Парень даже присел.

А я нагло прошествовала на прокуренную кухню и старательно сожгла стикер с телефоном Ахмеда. Пепел залила водой.

Уже покидая Васино жилище, обернулась и добавила:

— И о том, что я кому-то звонила с твоего телефона — тоже забудь. Понял?

После недолгого, но очень красноречивого молчания, Вася проямлил:

— А ты изменилась...

— А что мне оставалось? Ладно, это неважно. Удачи тебе, Вася.

Ахмед не обманул, приехал. И встретил, как родную дочь.

Я едва удержалась от слёз — после всего, что случилось в чужом мире, искренняя радость Ахмеда была как бальзам на сердце. Даже дикое, раздирающее чувство одиночества отступило.

— Первое время поживёшь у нас! — безапелляционным тоном заявил джигит. — Я уже жену предупредил! Она мечтает с тобой познакомиться!

— Спасибо, — улыбнулась я. — Но сперва нужно сделать кое-что ещё...

Мой горбоносый партнёр не сопротивлялся. Без лишних вопросов отвёз в круглосуточный магазин, оплатил все покупки. В квартиру в старом доме тоже вернулись вместе. Но когда я взяла в руки связку, украшенную брелоком в виде фигурки тойтерьера, Ахмед ушел на кухню и отвернулся к окну.

— Ты разве не хочешь взглянуть? — удивилась я.

— Нет.

Я не рассказывала джигиту о параллельном мире, он сам догадался.

— Настя, мой дом здесь. А всей этой чертовщины я даже касаться не хочу.

— А как же бизнес?

Ахмед смягчился:

— Ну... Против товаров «оттуда» я ничего не имею. Но сам туда ни ногой!

Я улыбнулась и отперла дверь.

В Ремвиде господствовала ночь. Беззвёздная и тёмная, как... глаза Рогора. Дворик — колодец был пуст.

Всё правильно. Рогор решил, что я ушла «в гости» к Веронике, а та сможет обо мне «позаботиться». Волноваться действительно не о чем, значит и охрана здесь не нужна.

Что ж, я не в обиде. Даже благодарна, чуть — чуть.

Отбросив лишние сантименты, достала из пакета первый замок, вставила ключ и начала магичить. Вернее, колдовала не я, а Вerez моими руками. Он проявился сразу, едва переступила порог. Место, в которое приведёт снабженная этим замком дверь, тоже выбирал он. Впрочем, второй и третий замки так же на совести мага. Надеюсь, плохого не посоветует.

Покончив с магией, трепетно попрощалась в Вerezом — кто знает, когда увидимся снова? Мне же сперва обустроиться в своём мире нужно.

Ахмед заверил, что сможет продать мою квартиру и купить другую. Но это случится лишь после того, как добудет мне новые документы — только так смогу навсегда скрыться от Вероники. В том, что блондинка будет искать меня до потери пульса, не сомневаюсь. И иллюзий насчёт возможностей её подельников не питаю. Но и Ахмед не лыком шит!

Расплачиваться за документы буду постепенно, для этого снова придётся наладить бизнес с параллельным миром. Чёрт, а мне ведь понравилось заниматься этим делом! И планов у меня — громадьё! Даже руки чешутся!

В общем, всё будет хорошо. Нет. Всё будет отлично!!!

Я извлекла из пакета небольшую подарочную коробочку, украшенную алым бантом — последний штрих к моим приключениям в Ремвиде. Вспомнив, какими глазами Ахмед глядел, как запикиваю в неё искорёженный ключ, невольно усмехнулась.

Может быть это мелко. Возможно, окажись на моём месте другая, она бы вернула ключ в целостности и сохранности. Но я не могу. И дело не в ревности или обманутых чувствах, просто если Вероника снова явится в этот мир, он превратится в Ад.

— Настя!

Я вздрогнула и отскочила к двери.

Рогор? И как давно, чёрт возьми, ты за мной наблюдаешь?

— Настя, выслушай меня, — он сделал шаг навстречу и благоразумно остановился. Нас разделяло метров пять.

— Не хочу!

Я швырнула в него коробочку. Подарок, увы, цели не достиг, упал в паре шагов от главнокомандующего. Рогор не шевельнулся.

— Настя, я не хотел! Я не обманывал!

— О да! Железный воин всегда держит слово! — не выдержав, ухмыльнулась я. — Я всё поняла, не переживай! Ты обещал никогда не жениться... потому что уже женат! Обещал уничтожить оружие, захваченное в Ремвиде... потому что знал — Вероника достанет новое! Ты честный человек, Рогор!

— Я люблю тебя, Настя!

Люблю... но сказанного не отрицаю.

— Настя, пойми! Я никогда не встречал девушек, подобных тебе, и действительно хотел защитить, оградить от зла нашего мира. Я влюбился. По уши. Как мальчишка!

Я тоже полюбила тебя, Рогор. Я тоже никогда не встречала мужчин, подобных тебе. Ты казался сильным, бесстрашным и благородным, но увы... Ты лишний раз доказал — наши миры очень похожи.

Но я не отчаиваюсь. Однажды я обязательно встречу своего принца. И всё у нас будет хорошо.

— Прощай, Рогор.

Я переступила порог и заперла дверь.

К чёрту грусть. Меня ждёт новая жизнь. Светлая и счастливая!

Его величество Брейг приподнял бровь, сказал, не скрывая удивления:

— Повтори.

Командир разведгруппы, которому выпало держать ответ перед монархом и ближайшим окружением, понимающе кивнул. Сведения, на первый взгляд, невероятны, даже абсурдны. Он и сам не сразу поверил.

— Горанцы убеждены, что они единственные, кто владеет магией.

Король хмыкнул. Глава тайной канцелярии брезгливо поморщился. Командующий военным флотом растянул губы в улыбке. И только кронпринц остался невозмутим, как ледяная скульптура.

— Но это неудивительно, — продолжал докладчик. — На восточном континенте, действительно, всего один источник магии. Очень слабый. И расположен как раз на территории Горанга.

— Один источник? — не выдержал король.

— Да.

— Невероятно. Как они живут без магии?

— Живут, — разведчик пожал плечами, мысленно поёжился.

Для него, урождённого жителя королевства Фаргос, где каждый второй наделён даром, год странствий по восточному континенту стал воплощением Первородного Ужаса. Жить без магии — всё равно, что дышать под водой. Отвратительно и больно.

— Вы утверждаете, что Горанг — развитое государство. — Голос кронпринца прозвучал бесстрастно, будто ничего необычного в ситуации нет. — Что у него хороший флот и большие амбиции. Значит, рано или поздно, горанцы могут объявиться у наших берегов. И раз они лишены магии, заклинания слежения их не заметят. Необходимо выставить патрули, — последняя фраза была адресована командующему флотом Фаргоса.

— Вряд ли они сумеют пересечь океан, — задумчиво отозвался тот. — Слишком далеко. Даже с нашими возможностями...

— Мы не должны полагаться на удачу, — холодно произнёс принц.

Командующий флотом вздрогнул и кивнул.

— Скорее поздно, чем рано, — встрял разведчик. Тут же стушевался, испугавшись собственной дерзости, но пояснил: — Когда наш отряд покидал восточный материк, горанцы вели войну против Ремвида.

— Вы говорили, Ремвид — маленькая, отсталая страна, — морщась перебил кронпринц. — Эта война никак не отразится на Горанге.

— Видите ли... — разведчик заметно покраснел и замялся.

— Ну! — подтолкнул король.

— Я не уверен, но... Дело в том, что ментальная защита магов Горанга очень слаба, мы, конечно, прислушивались к их разговорам, и... В общем, когда мы уходили, в Горанге происходило нечто странное. Архимагу доложили о появлении некой магички, что для земель восточного континента более чем удивительно. И, судя по всему... там неизбежен конфликт магии и светской власти. Это будет серьёзное противостояние.

— Подробный письменный отчёт, — кивнул принц. Слушать рассказ об интрижках вокруг какой-то бабы намеренья не было. Не сейчас.

Разведчик учтиво поклонился.

— На сегодня вы свободны, — сказал король. — Благодарю за службу.

Ещё один поклон и докладчик покинул зал совещаний.

«Эрик, что с тобой?» — в интонациях его величества Брейга звучало беспокойство.

«Ничего, — помедлив, отозвался тот. — Устал. Немного.»

«Опять пытался взломать защиту на книге Вереза?» — настороженно поинтересовался король.

«Нет, — выдохнул Эрик. Кронпринц славился небывалой выдержкой, поймать его на лжи, даже при ментальной связи — невозможно. Но в этот раз наследник не лгал. — После расскажу.»

Король хмыкнул и заговорил уже вслух:

— Налаживать связи с нашими восточными соседями, как понимаю, бесполезно...

— Согласен, — глава тайной канцелярии кивнул. — Но, возможно, стоит подготовить ещё одну разведвылазку...

Эрик уже не слушал. Вопрос отца всколыхнул очень неприятные воспоминания.

...В столице королевства Фаргос не принято пользоваться обычными замками — магические затворы куда эффективней. Во дворце вообще всего одна дверь на такой замок запирается — дверь в гардеробную кронпринца.

Смех смехом, а выломать старинный механизм не смог ни один маг, плотники тоже оказались бессильны. Оснастить гардеробную дополнительным, магическим затвором тоже не удалось. Решить проблему радикальным способом — заменить дверь целиком — опять-таки не получилось. Как и распутать заклинание, которое создавало такие проблемы. В итоге, Эрик смирился с несуразной деталью в собственных апартаментах, выматерив всех древних магов, каких вспомнил.

Он мог вообще не запирает гардеробную, но после стольких усилий, пошел на принцип. Ключ носил на цепочке, на груди — ну не к поясу же его цеплять!

А несколько месяцев назад случилось странное — ключ ожег кожу. Эрик вытащил непутёвую железку, чтобы увидеть, как зубцы перестраиваются, а на ровной поверхности крестовины появляются две новые выемки. Увы, в тот момент кронпринц возвращался с вечеринки и был изрядно пьян. Именно поэтому не сумел сфокусироваться на заклинании. Но успокоился мыслью о том, что чуть позже, когда протрезвеет, считает магический след и найдёт наглеца, посмевшегося сотворить такое...

Он протрезвел быстро, но следов магического воздействия на ключе уже не было. Ситуация немислимая — любое, даже самое незначительное заклинание оставляет след. Но не в этот раз.

Замок тоже оказался «пуст».

Эрик по — прежнему мог отпирать и запирает свою гардеробную, что явственно указывало — ключ и механизм замка изменились одновременно. Но! Если бы он не увидел, как перестраиваются зубцы, никогда бы не узнал об этих изменениях. Стало быть, готовится грандиозная диверсия.

О случившемся не рассказал никому. Зачем? Если лучший маг королевства не может опередить в чём дело, то от остальных толку тем более не жди. Зато усилил заклинания защиты и слежения, а количество попок с участием кронпринца всё-таки сократилось.

Вот только ожидаемых неприятностей не последовало. Жизнь шла своим чередом, всего лишь. И когда Эрик уже решил, что ему действительно померещилось... ключ ожил.

Всплеск магии был крошечным, но кронпринц почувствовал. И теперь снова ломал голову, пытаясь определить — что происходит с замком, и чем это грозит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net